

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ

Научный журнал
2022–2024. № 1 [7]

Москва 2024

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

УДК 070+94(47)
ББК 76.1+63.3(2)

Г л а в н ы й р е д а к т о р

доктор филологических наук, заведующая кафедрой
истории и правового регулирования отечественных средств
массовой информации факультета журналистики
Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
О. Д. Минаева

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я:

кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
И. Ю. Говряков;

доктор исторических наук,
профессор Российского университета дружбы народов
А. А. Грабельников;

доктор исторических наук,
профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова
Д. А. Гутнов

И90 **ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ.** Научный журнал. 2022–2024.
№ 1 [7]. М.: Фак. журн. МГУ, 2024. 180 с.

ISSN 2541-9137

Межвузовский научный журнал продолжает практику ежегодной публикации статей преподавателей, научных сотрудников и аспирантов факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова и других исследователей истории СМИ. В представленных статьях освещается разнообразный круг проблем, связанных с изучением истории отечественных средств массовой информации.

ББК 76.1+63.3(2)

ISSN 2541-9137

© Факультет журналистики МГУ, 2024

Содержание

<i>Васильева Л. А., Самойленко П. Ю.</i> Дискредитация исторической памяти как вызов современному российскому обществу.....	5
<i>Гринберг Т. Э. М. В.</i> Ломоносов как бренд академического образования.....	15
<i>Яблоновская Н. В.</i> Крымская этническая пресса периода правления П. Н. Врангеля (апрель – ноябрь 1920 г.).....	21
<i>Гривастова А. Н., Левандовский А. Н.</i> Образ Харбина в воспоминаниях эмигрантов и на страницах эмигрантской периодической печати.....	33
<i>Антропов С. А.</i> Симферопольская газета Б. А. Суворина «Время» как пример печати Белого движения.....	54
<i>Ундозерова К. С.</i> Производственная пропаганда на страницах журнала «Работница» в 1920-е гг.: задачи, приемы, образы.....	73
<i>Минаева О. Д.</i> Региональный сегмент в системе советской партийной печати для женщин в 1920–1930-е гг.	89
<i>Денисова И. Н.</i> Деятельность военных художников как способ освещения боевых действий.....	115
<i>Чесак В. С.</i> Пакт Молотова – Риббентропа и изменение образа Германии в советской печати (на примере газеты «Комсомольская правда»).....	135
<i>Соколов С. Р.</i> Антифашистская пропаганда в журнале «Крокодил» в предвоенные годы и в период Великой Отечественной войны.....	148

<i>Тихонова О. В., Тихонова А. В.</i> Программа «От всей души» как прообраз современного ток-шоу.....	166
НАШИ АВТОРЫ.....	176
КОНТАКТЫ И ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	178

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 63.3 (2) 6
В 19

Л. А. Васильева, доктор филологических наук, профессор Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
E-mail: Milav12@mail.ru

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 63.3 (2) 6
С 17

П. Ю. Самойленко, кандидат политических наук, доцент Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета
E-mail: Petersam@mail.ru

ДИСКРЕДИТАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КАК ВЫЗОВ СОВРЕМЕННОМУ РОССИЙСКОМУ ОБЩЕСТВУ

Из исторической памяти о Второй мировой войне вытесняется тот факт, что именно СССР спас Европу от Гитлера, стратегия которого была направлена на уничтожение целых государств и народов. При оценке войны в медиаканалах сознательно усиливаются акценты, формирующие отрицательные эмоции в отношении армии-освободительницы, ее негативный образ фабрикуется и внедряется в массовое сознание.

Ключевые слова: историческая память, дискредитация, вектор советской пропаганды, фашизм, энергетика мифа, социальная идентичность, экстремальные условия.

DISCREDITATION OF HISTORICAL MEMORY AS A CHALLENGE TO MODERN RUSSIAN SOCIETY

From the historical memory of the Second World War, the fact that the USSR is the saviors of Europe from Hitler's strategy of destroying entire states and peoples is being ousted. When assessing the war, media channels deliberately intensify accents that form negative emotions in relation to the liberator army, fabricate their negative image, which is introduced into the mass consciousness.

Key words: *historical memory, discrediting, vector of Soviet propaganda, fascism, energy of myth, social identity, extreme conditions.*

Тренд современной политической конъюнктуры – информационное наступление на Россию, в частности на историческую память о Великой Отечественной войне. Рядом стран Европы и Прибалтики озвучена цель – дискредитировать СССР и его правопреемницу Российскую Федерацию посредством внедрения в массовое сознание антироссийской интерпретации исторических явлений и событий. Отношение к войне, к потерпевшим поражение Германии и ее союзникам характеризуется попытками вытеснения из исторической памяти коллективной вины, обвинениями в адрес Красной Армии в жестокости, преступлениях, акцентированием внимания на страданиях самих немцев¹. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно их идеологические трансформации.

Историческая память – это ценностная опора национального самосознания, источник самооценки народа, его самоуважения, идеалов, определяющих силу нации, ее способность к развитию, преодолению трудностей. Особое значение в этом контексте имеет память о войне, поскольку именно война становится для государства проверкой на прочность, выявляет историческую состоятельность народа и государства. Уход из жизни участников Великой Отечественной войны стимулирует поиск новых способов сохранить память о ней.

Современные исследователи, политики, журналисты ведут «войну за войну», за определения: «Великая Отечественная война» или «Вторая мировая война»? Кроме того, активно навязыва-

ется мнение, что советское государство не могло победить в том противостоянии. Однако Великая Отечественная война шла не с государством, а с Отечеством. Именно смертельная угроза Отечеству заставила советский народ сплотиться против врага и сокрушить его. В современных государствах образы прошлого, несомненно, имеют значение, но именно в Российской Федерации они приобрели особую политическую значимость. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации² в 2009–2012 гг. работала Комиссия по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Вектор советской пропаганды в условиях военного времени был направлен на укрепление морально-политического единства советского общества, дружбы народов СССР, патриотизма, что способствовало формированию феномена социальной идентичности в экстремальных условиях. Создание героической символики как феномена массового общественного сознания увязывалось с задачами войны. Если в начале военного столкновения СССР и стран германского блока прессой транслировались идеи жертвенности, выполнения задач ценой собственной жизни, то после изменения положения на фронтах, перехода стратегической инициативы к советскому командованию СМИ пропагандировали способность умело громить врага, сохраняя при этом и людей, и военную технику. Война как таковая обусловила формирование культа героя, который наделялся присущими герою качествами.

Однако время стирает негатив, реальное и мифологическое меняются местами, и политические лидеры, формируя общественное мнение, используют временной фактор в пропагандистских установках, ориентированных на патриотические чувства русского народа. Здесь энергетика мифа работает иначе: аксиоматика героизма и жертвенности в условиях войны становится ведущей координатой идеологического влияния. По мнению Б. Л. Борисова, историко-политический контекст исследования периода Великой Отечественной войны предполагает «три основные ипостаси: политическую, культурную и мифологическую – выражающиеся в различных формах, например в мифологическом, культурном или политическом национализме. Причем сознание этих форм наиболее ощутимо проявляется при возникновении мотива объективной или искусственно смоделированной угрозы, являющейся существованию этноса. Мифологический национализм воз-

никает на стадии осознания защиты не просто территории, а некоего принципа»³. Политическое мифотворчество, передаваемое средствами массовой информации во время войны, являло собой могучий резерв консолидации общества. Мифотворчество в массовом сознании усиливается в периоды социальных катаклизмов, вызывающих к жизни новые комбинации этнических субстанций, преобразая их в новые суперэтнические системы. То есть мы имеем дело с биологическим признаком пассионарности. Такой подход четко сформулировал Л. Н. Гумилев: «Первоначальный толчок, нарушающий инерцию покоя, — это появление поколения, включающего некоторое количество пассионарных особей. Они самим фактом своего существования нарушают привычную обстановку, потому что не могут жить повседневными заботами, без увлекающей их цели. Необходимость сопротивляться окружению заставляет их объединяться и действовать согласно; так возникает первичная консорция, быстро обретающая те или иные формы, подсказанные уровнем общественного развития данной эпохи <...>. И они позволяют понять значение органических пассионариев, являющихся „затравкой“ для тех, кого пассионарность заразила»⁴.

В экстремальной обстановке для поддержания морально-политического единства народных масс, толерантности, духовности изменилась тематика лозунгов. Она сводилась к следующему: отстоять целостность и независимость государства, социальные завоевания предвоенного периода, союз классов и национальное единство. Военная ситуация диктовала новые условия пропагандистской работы, проблематика выступлений советской прессы менялась в зависимости от конкретной исторической обстановки. На первое место вышел внешний враг — фашизм. Мифологема врага трансформировалась: «культурные немцы» предвоенного периода стали летом—осенью 1942 г. «врагом-зверем». Со вступлением Советской Армии на территорию Германии произошла трансформация мифологемы «немец — фашист». Ведущее направление послевоенной антироссийской исторической пропаганды о Великой Отечественной войне — создание «черных мифов», в том числе об освобождении Красной Армией Европы. Подхватывая тезисы геббельсовской пропаганды, пропагандисты демократического Запада фабриковали и распространяли мифы о жестоком обращении советских солдат с гражданским населе-

нием, о мародерстве и грабежах мирных жителей, о массовых изнасилованиях в советской зоне оккупации Германии и т. д. Так, в 1946 г. в США выходит книга Остина Эппа «Изнасилование женщин завоеванной Европы». В 1947 г. Ральф Киллинг выпускает в Чикаго книгу «Ужасная жатва. Дорогостоящая попытка истребить народ Германии», в основу которой легли газетные публикации о «бесчинствах в советской зоне оккупации» и материалы слушаний в американском парламенте, посвященные действиям Красной Армии в послевоенной Германии. В середине 1960-х гг. выходят книги немца Эриха Кубе «Русские в Берлине, 1945» и американца Корнелиуса Райана «Последняя битва: штурм Берлина глазами очевидцев»⁵.

Использовался также и ресурс западных спецслужб, в частности негативная мифологизация Советской Армии присутствует в книгах бывшего сотрудника ГРУ В. Б. Резуна, бежавшего в Великобританию (публикуется под псевдонимом В. Суворов). В романе «Тень Победы» он описывает факты мародерства и воинских преступлений военнослужащих Красной Армии в Европе в конце войны и в оккупационной зоне СССР в Германии, хозяйственно-экономические преступления высшего комсостава, вплоть до маршалов Советского Союза⁶.

Новая волна активной дискредитации исторической памяти о Великой Отечественной войне началась в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Она совпала с перестройкой и распадом Советского Союза. При этом предметом позитивного «переосмысления» оказались инициаторы войны, характер войны для противоборствующих сторон, ход войны, вклад ее участников и т. д. Стали меняться акценты при оценке не только роли участников войны, но и причин ее начала. В исследованиях уравнивались Сталин и Гитлер, Третий рейх и Советский Союз. Таким образом, Советский Союз из жертвы агрессии превращался в поработителя Европы и оккупанта и лишался статуса державы-победительницы. Из исторической памяти о войне стирается главное: СССР – спаситель Европы от фашизма, нацеленного на уничтожение целых государств и народов. При оценке войны сознательно формируется негативное отношение к армии-освободительнице, фабрикуется и внедряется в массовое сознание отрицательный образ России; вытесняется память о советском солдате как освободителе и спасителе пострадавших от фашизма народов и создается

фальсифицированный миф о жестоком захватчике. По мнению А. Даниловой, «историческое полотно делится на два полюса: на одном нацистская Германия и СССР, на другом – победители мирового зла. Роли СССР и Германии в войне практически уравниваются: один тиранический тоталитарный режим сменил другой. Советский Союз выступает в качестве пространственно-погодного феномена, в котором под влиянием трудных метеоусловий и в результате недальновидного руководства немцы сами терпят поражение, что завершает американский триумф»⁷. Императрице Екатерине II принадлежат провидческие слова: «Нет народа, о котором было бы выдуманно столько лжи, нелепостей и клеветы, как народ русский»⁸. Ложь, нелепость и клевета исходили от Западной Европы и в далеком XVIII в., именно там находился центр мира.

Интерес к теме войны и роли СССР в ней возрастает после выхода в 2002 г. книги «Падение Берлина. 1945» английского историка Энтони Бивора (в России книга вышла в 2004 г.)⁹. В 2005 г. на Западе выходит новая книга британского военного историка Макса Гастингса «Армагеддон: битва за Германию, 1944–1945», посвященная преступлениям Советской Армии против мирного населения Германии и немецких военнопленных. Гастингс пишет о ритуальном возмездии, чинимом Советской Армией проигрывавшим войну немцам, и даже называет его «первобытным „изнасилованием“ целой нации»¹⁰.

В специальном обзоре РИА «Новости», подготовленном в 2005 г. по результатам мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний, было озвучено следующее: «Информационная возня по поводу исторической интерпретации Великой Отечественной войны не обходится без арсенала пропаганды ужасов. Опора журналистов на субъективную мемуарную память, личный опыт бывших участников сражений и откровенные домыслы геббельсовской пропаганды приводит к тому, что на первый план выходят образы, связанные с местью, ненавистью и насилием, мало способствующие консолидации общественного мнения и воскрешающие прежние внешнеполитические установки. Постулируется наличие „темной стороны“ освободительного подвига Красной Армии, которую якобы замалчивают в современной России»¹¹.

В России обращение к истории призвано восполнить недостаток политических ценностей, победы и успехи прошлого

видятся залогом обоснования добродетельности России как ответственного игрока на международной арене, неисчерпаемым ресурсом символического престижа. В Европе и США образы прошлого используются, скорее, для укрепления уже имеющихся ценностей.

Дискредитация исторической памяти о Великой Отечественной войне продолжалась: в 2006 г. на русском языке выходит книга немецкого автора Иохима Гофмана «Сталинская истребительная война (1941–1945 гг.). Планирование, осуществление, документы»¹². Кроме того, журналист Би-би-си Константин Эггерт утверждает, что «война остается единственным светлым пятном советского периода истории для большинства населения России и потому объявлена вне зоны критического исследования и дискуссии»¹³. Призывая Россию к «переосмыслению прошлого», Эггерт считает, что «только глубокий общенациональный кризис способен сегодня вернуть россиян к ситуации конца восьмидесятых годов, когда кипела прерванная в девяностых дискуссия о советской истории»¹⁴.

В сериалах «Тихий океан» и «Братья по оружию» показана первостепенная роль Америки и Англии в победе над фашистской Германией, в то же время роль Советского Союза умалется. В 2013 г. по немецким телеканалам *ZDF* и *ORF* транслировался трехсерийный фильм о Второй мировой войне «Наши матери, наши отцы», и в Германии многие издания назвали эту картину «культурным событием года». После выхода фильма на экраны МИД Российской Федерации отправил официальное письмо послу ФРГ в России, в котором отмечалось неприятие этого фильма абсолютным большинством посмотревших его российских зрителей. По мнению А. Даниловой, «СССР, который действовал в рамках общепринятой практики международных отношений, обвиняется во всех смертных грехах, тогда как аналогичные или даже куда менее „корректные“ действия других стран признаются правомерными. Например, замалчивается ответственность западных держав за Мюнхенский сговор, откровенно поправший нормы международного права и толкнувший Гитлера к территориальной экспансии в Европе, но „демонизируется“ пакт Молотова – Риббентропа, явившийся для СССР лишь ответом на англосаксонскую стратегию подталкивания фашистской Германии к походу на Восток. <...> парадоксальной и во многом комичной

выглядит позиция некоторых стран, активно обличающих этот пакт, но при этом получивших от него очевидный выигрыш»¹⁵.

Борьба за интерпретацию истории Второй мировой началась еще в ходе самой войны и продолжилась после ее завершения в контексте противостояния двух общественных систем. Эта борьба обострилась после распада СССР и всего соцлагеря. Память о Второй мировой войне и сегодня является областью идеологических столкновений и попыток переписать историю в угоду геополитическим и иным интересам стран Запада. Другая причина борьбы за интерпретацию Второй мировой войны заключается в том, что ее ход и итоги на полвека легли в основу Ялтинско-Потсдамской двухполюсной системы мироустройства. Начавшаяся холодная война дала старт формированию этой системы вокруг американского и советского центров силы с соответствующим идеологическим оформлением. На Западе использовался прием замалчивания данных о реальных потерях СССР, о количестве разгромленных советскими войсками германских дивизий и другие данные, что яснее всяческих рассуждений с фактами и цифрами свидетельствовало о том, что Восточный фронт был главным фронтом Второй мировой войны, а СССР внес решающий вклад в разгром Третьего рейха.

Таким образом, можно говорить о том, что основными информационными и пропагандистскими трендами, которые западные медиа используют сегодня против России применительно к событиям Второй мировой войны, являются:

- опубликование альтернативных трактовок основных событий и периодов Второй мировой войны, в которых СССР выставляется в негативном свете;
- использование информационной активности политиков и экспертов ряда стран Прибалтики и Европы, которые продуцируют антироссийскую риторику;
- создание не подкрепленных фактами откровенных мифов о событиях военных лет, с помощью которых формируется эмоционально-негативный образ СССР и России;
- создание образа СССР и России как агрессора, стремящегося к постоянной экспансивной политике в мире;
- принижение исторической роли СССР в победе над фашизмом и преувеличение роли западных союзников в ней.

Важным фактором эволюции исторической памяти является естественная смена поколений. Уходят непосредственные участники и свидетели военных событий, на их место приходят новые поколения. В России и за рубежом память формировалась опосредованно, институционально (через систему образования, СМИ, искусство и т. д.). Люди, в наибольшей степени влияющие на историческую память, – это дети и внуки участников и современников Второй мировой войны. Отсутствие непосредственного опыта в военных событиях тех лет позволяет более спокойно и рационально подходить к их оценке, однако существует опасность и тенденция забвения и искажения фактов, исторической правды. И речь идет не только о неинформированности, но и отсутствии мотивации сохранить правду о прошлом, о стремлении подменить истину интерпретацией событий, которая выгодна современной политической и иной конъюнктуре.

Выводы

Продолжается многолетняя информационная война против русской цивилизации. Уничтожается историческая память русского народа, в его сознание внедряются ложные ценности. Предается анафеме Советский Союз, правопреемником которого является Российская Федерация. Влияние на историческую память, на оценку минувших военных событий оказывают находящиеся у власти политические элиты, ориентированные во внешней политике либо на сохранение исторической правды, либо на пересмотр итогов Второй мировой войны. Эта война занимала и занимает существенное место в российском историческом сознании. В СССР институциональное влияние на историческую память было всеохватывающим, прямым, в постсоветской России – широким, хотя и косвенным. При этом попытки «подправить» историю были относительно ограниченными и не ставили под сомнение причины и характер Второй мировой войны, в том числе общие для союзников по антигитлеровской коалиции задачи войны и итоги совместной победы. Память о войне, сфокусированная прежде на подвиге народов, являлась позитивным фоном во взаимоотношениях между странами, вес СССР в международных делах был огромным.

Примечания

¹ См.: *Борозняк А. И.* Жестокая память. Нацистский рейх в восприятии немцев второй половины XX века и начала XXI века. М.: РОССПЭН, 2014. С. 350.

² О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России: Указ Президента от 15.05.2009 № 549 (ред. от 08.09.2010). Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87873/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/

³ *Борисов Б. Л.* Технология рекламы и PR. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. С. 264.

⁴ *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИДИК, 1997. С. 340, 342.

⁵ *Райан К.* Последняя битва. Штурм Берлина глазами очевидцев. М.: Центрполиграф, 2003.

⁶ См.: *Суворов В.* Тень Победы. Режим доступа: <http://www.urantia-s.com/library/suvorov/shadowofvictory>

⁷ *Данилова А.* Вторая мировая глазами западных СМИ: уроки медиахронологии. Режим доступа: <https://www.pravmir.ru/vtoraya-mirovaya-glazami-zapadnyh-smi-uroki-mediaxronologii/>

⁸ *Сироткин Д.* Цитаты о Екатерине II Великой. Режим доступа: <https://burido.ru/1137-tsitaty-o-rossii>

⁹ *Бивор Э.* Падение Берлина. 1945. М.: АСТ: Транзиткнига, 2004.

¹⁰ Цит. по: *Крестовский В.* Война и новые идеологические маркеры в англо-американских СМИ // 60-летие окончания Второй мировой и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М.: АИРО-XXI, 2005. С. 148, 157–158.

¹¹ «Зверства» Красной Армии, или Кровавый след освобождения: Россия в зарубежном теле- и радиоэфире. Специальный обзор РИА «Новости», подготовленный на основе мониторинга теле- и радиоэфира 86 зарубежных радиостанций и телекомпаний 19 апреля 2005 г. Режим доступа: <https://ria.ru/20050419/?ysclid=lq1mvtem7z351995430>

¹² *Гофман И.* Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М.: Астрель, 2014.

¹³ *Эггерт К.* Память и правда. Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_4464000/4464595.stm

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Данилова А.* Указ. соч.

УДК 659
ББК 60.842
Г 85

Т. Э. Гринберг, доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: gritajourn@mail.ru

М. В. ЛОМОНОСОВ КАК БРЕНД АКАДЕМИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается значение М. В. Ломоносова и его научного наследия для формирования бренда академического образования. Анализируются составляющие этого бренда с точки зрения специалиста по рекламе.

Ключевые слова: Ломоносов, бренд, МГУ имени М. В. Ломоносова, имиджевые характеристики, образ исторической личности.

M. V. LOMONOSOV AS THE BRAND OF ACADEMIC EDUCATION

The article examines the importance of M. V. Lomonosov and his scientific heritage for the formation of the brand of academic education. The components of this brand are analyzed from the point of view of an advertising specialist.

Key words: Lomonosov, brand, Lomonosov Moscow State University, image characteristics, image of a historical person.

В 1918 г. Совет университета обратился к советскому правительству с просьбой «именовать 1-й Московский университет Ломоносовским в честь гениального русского ученого и основателя университета»¹. Тогда эта просьба ученых не была исполнена. МГУ было присвоено имя Михаила Васильевича Ломоносова позже, в 1940 г. – в дни празднования 185-летнего юбилея университета. Почему идея связать имя Ломоносова и первый российский университет в различные периоды времени казалась настолько естественной и логичной? О чем нам говорит имя Ломоносова на всех зданиях и трудах МГУ?

В. Тамберг и А. Бадьин в своей книге о брендах отмечают: «Бренды – это не только товары; брендом может быть почти все, в том числе и люди. Бренды-люди существовали всегда, и всегда были олицетворением, символами определенных личностных ценностей <...>. Все знаковые фигуры всех времен являлись и являются брендами <...>»².

Личность и биография М. В. Ломоносова интересовали публицистов и ученых и в XVIII в., и XIX в., и XX в.; не угасает исследовательский интерес к Ломоносову и сегодня. О Ломоносове при его жизни газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» и журнал «Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах» писали около 30 раз. Кроме объявлений о продаже его книг, издания публиковали содержательные заметки о его лекциях на русском языке об экспериментальной физике, о его работах по проектированию иллюминаций, об опытах с электричеством и др.

Имя Михаила Васильевича Ломоносова традиционно ассоциируется с образованием и наукой, хотя в действительности вузов, которые носят имя основоположника российского просвещения, немного.

Первый и по праву носящий имя выдающегося ученого вуз – Московский государственный университет. Имя Ломоносова также присвоено Московскому государственному университету тонких химических технологий, Поморскому государственному университету в г. Архангельске, нескольким гимназиям и лицеям в Москве, Санкт-Петербурге и Архангельске.

Пытаясь понять, можно ли считать личность Ломоносова «образовательным» брендом и как подобный образ может соотноситься с академическим образованием, вспомним, какой смысл вкладывается в понятие «академия». До 2012 г. понятие «академия» как «высшее учебное заведение, которое реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования; осуществляет подготовку, переподготовку и (или) повышение квалификации работников для определенной области научной и научно-преподавательской деятельности; выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования, является ведущим научным и методическим центром в сфере своей деятельности», определялось Федеральным законом «О высшем и послевузовском образовании»³; сегодня как аккредитационный статус образовательного учреждения он упразднен, однако может использоваться в названии вуза. Под академическим образованием обычно понимают традиционное по фор-

ме образование с фундаментальным изучением дисциплин (в практическом смысле – образование, полученное в учебном заведении из списка двадцати самых престижных вузов России).

Вспомним также одно из определений бренда, наиболее отвечающее нашим интересам, актуальное, но при этом устоявшееся: «<...> под <...> брендом понимается название, термин, знак, символ или дизайн, а также их комбинации, которые предназначены для идентификации товаров или услуг одного продавца или группы продавцов, для отличия их от товаров или услуг конкурента»⁴. Нам в данном контексте более всего важно, что брендом может быть некий символ, который в восприятии аудитории идентифицируется с организацией. Идентичность бренда – уникальный набор ассоциаций марки (в нашем случае – организации), который стремится создать разработчик бренда. Идентичность можно рассматривать относительно бренда как товара, бренда как организации, бренда как символа.

Историческая личность действует как бренд в бренде: «<...> становится атрибутом продвигаемого им бренда, оставаясь при этом полностью автономным брендом со своими атрибутами <...>»⁵. Любое коммерческое взаимодействие с известным человеком есть ко-брендинг, сопряженный брендинг – будь то использование «звезды» в рекламе⁶ или же создание бренда под именем известного человека. Таким образом, в профессиональном отношении историческая личность может стать брендом организации, и ассоциации с ее личностными характеристиками сопоставимы с восприятием объекта в целом.

Образ исторической личности можно рассмотреть в рамках структуры персонального имиджа. Воспользуемся моделью имиджевых характеристик, предложенных в свое время специалистами агентства стратегических коммуникаций «Никколо М»⁷, и разберем, какие черты в образе М. В. Ломоносова, способные стать фундаментом имиджа, отражает эта модель.

Так, к *персональным* характеристикам относятся:

– *физические особенности* (внешность, физическая форма, возраст): М. В. Ломоносов часто описывается как «русский богатырь», «кулачный боец» (для этой и других групп характеристик мы брали наиболее часто встречающиеся в литературе ассоциации с основателем Московского университета);

– *психологические особенности* (характер, темперамент, тип личности, ум): Михаил Васильевич характеризуется как сильный,

уверенный, напористый и одновременно дипломатичный человек, щедрый, великодушный, демократичный весельчак и аскет;

– *профессиональные характеристики* (опыт, интеллект, знания): с именем Ломоносова связаны ассоциации «поэт», «ученый-естествоиспытатель» (физик, химик, астроном, геолог, географ, приборостроитель) и «гуманитарий» (филолог, языковед, историк, социолог)⁸;

– *харизма*: бойцовская позиция, новаторские идеи, выход из неизвестности, успешность в достижении общественно полезных целей, скромность, неприхотливость, отличное от других происхождение. В отношении этих характеристик Ломоносова можно назвать хрестоматийным примером харизматичной личности.

К *социальным* характеристикам в модели имиджа относятся:

– *способность генерировать и провозглашать объединяющие идеи*: такой идеей, несомненно, является проект российского университета;

– *социальные связи, известность, авторитет*: «Ломоносову удалось создать вокруг себя настоящее научное сообщество, включающее не только ученых мужей, но и придворных, промышленников, студентов, деятелей культуры и искусства»⁹;

– *статус личности и социальная принадлежность*: «архангельский мужик», «академик и сын рыбака».

В спектр *символических* характеристик имиджа входят:

– *биография*: «Колоритная фигура Ломоносова привлекает еще и необычностью его восхождения на вершины мировой науки. В устоявшейся полупоэтичной биографии неизбежно возникают образы затерянной в лесах архангельской деревеньки, „рыбного обоза“, с которым юноша дошел до Москвы, великовозрастного ученика, вынужденного сносить насмешки и лишения, но упорно овладевавшего знаниями <...>»¹⁰;

– *результаты деятельности*: М. В. Ломоносов остается в российской истории организатором науки и создателем первого российского университета; прогрессивным педагогом (ученый был сторонником бессловесной системы образования вплоть до университета и идеи получения молодыми поколениями прежде всего основ научных знаний); общественным деятелем, известным широтой своих интересов к социально-нравственному устройству жизни¹¹;

– *постоянные лидерские архетипы*. В этом отношении Ломоносов – «носитель» целого спектра ассоциаций: учитель, просветитель, «символ русской культуры», «хранитель языка»;

– *набор черт, ассоциирующихся с лидерскими позициями и ролями*: умение всегда добиваться успеха и побеждать, активность, энергичность, решительность, героизм; все эти качества, бесспорно, присущи образу Ломоносова;

– *мировоззрение*: «этическая программа Ломоносова, которая в полной мере отражалась в его литературных опытах, строилась на безусловном примате принципа общей пользы. Высшее проявление человеческой личности, через которое реализуется ее достоинство, как раз и состоит в полной самоотдаче, практически жертвенном служении общему благу»¹².

Несмотря на то, что образ М. В. Ломоносова неразрывно связан с Московским университетом, планомерной брендовой политики, опирающейся на ассоциации с его исключительными качествами, не существует. Небольшое и не претендующее на абсолютную объективность исследование восприятия образа М. В. Ломоносова, проведенное студентами факультета журналистики МГУ, показало, что треть участников опроса считают брендом прежде всего сам Московский университет. Эта часть участников опроса отметила такие имиджевые характеристики университета, как «престиж», «самый лучший университет», «традиции», «преемственность», «умные, талантливые выпускники». Две трети участников опроса связывают университет с именем Ломоносова и считают просветителя символом МГУ.

Главными ассоциациями с личностью Ломоносова являются такие образы, как «великий ученый», «гений», «сильный человек», «человек, преодолевший множество препятствий и достигший цели», «человек, совершивший множество открытий практически во всех сферах науки».

Имя Ломоносова в названии Московского университета связывают с лидерством, авторитетом, доверием, идеальной историей успеха для регионов, профессиональным уровнем обучения, академически сильным образованием, многопрофильностью, инновационностью.

На наш взгляд, наиболее выигрышным акцентом на личности Ломоносова как символе МГУ должно стать в первую очередь уникальное, по сравнению с кем бы то ни было, позиционирование его как создателя университета.

Кроме того, важными характеристиками М. В. Ломоносова, сочетающимися с брендом предлагающего академическое образование вуза и способными «влиять» на бренд МГУ, могли бы стать

такие качества его личности, как новаторство, универсальность («человек-университет»¹³), прогрессивность педагогических методов, уникальность, восприимчивость, открытость всему новому, умение добиваться успеха, побеждать, жертвенное служение во благо общества (используя современное выражение), добавим, что Ломоносов – человек, который «сделал себя сам»). Грамотно поданные, эти качества только укрепят связь личности Ломоносова с его детищем, акцентируют внимание на принципах и традициях, которые перенял университет от своего отца-основателя.

Примечания

¹ Отчет о состоянии и действиях Московского университета за 1917, 1918, 1919 гг. Режим доступа: Летопись – 1918 | Летопись Московского университета (msu.ru)

² Тамберг В., Бадьин А. Бренд. Боевая машина бизнеса. М.: Олимп-Бизнес, 2005. С. 193.

³ О высшем и послевузовском образовании: Федеральный закон от 22.09.1996 № 125-ФЗ. Ст. 9. Режим доступа: Статья 9. Виды и наименования высших учебных заведений \ КонсультантПлюс (consultant.ru)

⁴ Стратегические коммуникации. Теория и практика / под ред. В. А. Евстафьева, Т. Э. Гринберг. М.: Аспект Пресс, 2023. С. 230.

⁵ Тамберг В., Бадьин А. Указ. соч. С. 204.

⁶ См.: Там же. С. 204–208.

⁷ См.: Политическое консультирование / отв. ред. Е. В. Егорова-Гантман, И. Е. Минтусов. М.: Никколо-Медиа, 2002.

⁸ См.: Стукалова О. В. Ломоносов. К 300-летию со дня рождения // Инициативы XXI века. 2011. № 4–5. С. 95.

⁹ Там же. С. 97.

¹⁰ Там же. С. 96.

¹¹ Подробнее об этом см.: Ломоносов М. В. О сохранении и размножении русского народа // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. Т. 6. С. 382–403.

¹² Рудалев А. Г. Ломоносова рано сдавать в спецхран // Север. 2007. № 1–2. С. 107.

¹³ См.: Пушкин А. С. Путешествие из Москвы в Петербург // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Воскресенье, 1996. Т. 11. С. 249.

УДК 94 (47).084.1 + 070

ББК 70 + 63.3 (2) 611

Я 14

Н. В. Яблоновская, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
E-mail: yablon@rambler.ru

КРЫМСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕССА ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ П. Н. ВРАНГЕЛЯ (АПРЕЛЬ – НОЯБРЬ 1920 г.)

В статье изучается состояние крымской этнической прессы в период правления П. Н. Врангеля (апрель – ноябрь 1920 г.). Автор анализирует влияние проводимой П. Н. Врангелем информационной и этнонациональной политики на развитие этнической прессы Крыма, описывает основные этнические издания, вышедшие в указанный период: крымскотатарские газеты «Къырым мусульманлары», «Кырым мусульманлары седасы», литературно-педагогический журнал «Ешиль ада» и сионистский бюллетень «Вестник еврейский жизни». В результате автор приходит к выводу о том, что благодаря таким мерам, как попытки установления диалога с этническими общинами полуострова, запрет пропаганды межнациональной розни, содействие работе ряда этнических культурно-просветительских и религиозных организаций, субсидирование лояльной прессы, в Крыму в период с апреля по ноябрь 1920 г. получили возможность выхода несколько крымскотатарских и сионистских изданий. Однако проблемно-тематический репертуар данных изданий и, соответственно, степень их влияния на этнические круги крымского общества были существенно ограничены строгими рамками цензуры. Непоследовательность и декларативность многих решений П. Н. Врангеля привели к тому, что к ноябрю 1920 г. выход этнической прессы на полуострове практически сошел на нет.

Ключевые слова: этническая пресса, Крым, 1920 г., Врангель, история журналистики.

CRIMEAN ETHNIC PRESS DURING THE REIGN OF P. N. WRANGEL (APRIL – NOVEMBER 1920)

The article deals with the state of the Crimean ethnic press during the reign of P. N. Wrangel (April–November 1920). The author analyzes the influence of P. N. Wrangel's information policy with national context on the Crimean ethnic press development, describes the issues published during this period: Crimean Tatar newspapers "Qırım Müsülmanları" (Crimean Muslims), "Qırım Müsülmanları Sedası" (Voice of Crimean Muslims), the literary and pedagogical journal "Yeşil Ada" (Green Island) and the Zionist bulletin "Bulletin of Jewish Life". The author came to the conclusion that several Crimean Tatar and Zionist newspapers were able to publish in Crimea from April to November in 1920, due to the attempts of authorities to establish a dialogue with the ethnic communities of the peninsula, the prohibition of ethnic hatred propaganda, the loyal press' financial support, constant assistance to ethnic, cultural, educational and religious organizations. The problematic and thematic repertoire of these publications within the degree of their influence on the Crimean ethnic communities were significantly limited by the strict censorship. The inconsistency and simply declarativeness of many P. N. Wrangel's decisions, led to the fact that by November 1920 the ethnic press printing in Crimea had practically come to naught.

Key words: the ethnic press, Crimea, 1920, Wrangel, history of journalism.

Весной 1920 г. медиаландшафт Крыма определяли газеты: «Великая Россия», «Время», «Голос жизни», «Заря России», «Крымская мысль», «Крымский вестник», «Русская правда», «Русский терем», «Русское дело», «Святая Русь», «Таврические губернские ведомости», «Таврический голос», «Царь-колокол», «Юг России», «Южные ведомости», «Южный курьер» и др.¹ Из них наибольшим авторитетом у аудитории пользовались либеральные издания: «Юг России» (ранее – «Юг», 25 июля (7 августа) 1919 г. – сентябрь 1920 г., Севастополь, редактор-издатель – К. В. Орлов, в числе авторов: профессор, министр Временного правительства М. В. Бернацкий, писатели Е. Н. Чириков, И. С. Шмелев, А. Т. Аверченко), «Южные ведомости» (1906–1920 гг., Симферополь, в числе авторов: А. П. Лурье, А. Б. Дерман, С. Я. Елпатьевский, В. В. Вересаев, В. Г. Короленко, К. А. Тренев,

И. С. Шмелев), «Крымский вестник» (1888–1920 гг., Севастополь, редактор-издатель – И. Л. Нейман).

П. Н. Врангель, ставший 22 марта (по ст. ст.) 1920 г. Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) и 29 марта 1920 г. объявивший себя Правителем Юга России, считал «камертонными» три севастопольских издания: «„Вечернее Слово“, редактируемое Бурнакиным, листок монархического оттенка, „Юг России“ под редакцией Аркадия Аверченко, газету умеренного направления, и „Крымский Вестник“, либеральничавший еврейский орган», но «серьезного государственного органа» в Крыму не увидел².

Одним из первых шагов П. Н. Врангеля на посту Главнокомандующего ВСЮР стала отмена предварительной цензуры на повременные издания, которая, с его точки зрения, была поставлена совершенно неудовлетворительно: места цензоров занимались в большинстве случаев строевыми офицерами, не обладавшими ни необходимыми сведениями, ни достаточным кругозором, поэтому часто изымались совершенно нейтральные статьи, показавшиеся цензору подозрительными или просто ему непонятные, и, напротив, на полосы газет попадали заметки провокационного характера³.

В марте 1920 г. было ликвидировано основанное при А. И. Деникине Осведомительно-агитационное агентство ВСЮР – ОСВАГ. На его месте на территории Вооруженных сил Юга России образовался целый ряд финансируемых правительством информационных органов: «Пресс бюро», «Редагот», «Инфот», «Осогот», «Политотдел» и т. д., однако, несмотря на вкладываемые в них значительные средства, и они не справлялись с возложенными на них информационной, агитационной и пропагандистской функциями.

Вопрос о необходимости строгой цензуры (как военной, так и гражданской) при этом не терял актуальности для Правителя Юга России: «Мы в осажденной крепости, – считал он, – противник не только угрожает нам с севера, но мы вынуждены нести охрану всего побережья, где можно ожидать высадок его отрядов. При этих условиях мы не можем обойтись без цензуры. В самых либеральных государствах на театре военных действий, а тем более в осажденных врагом крепостях, самая строгая цензура неизбежна. Эта цензура не может исключительно распространяться на воен-

ные вопросы, ибо во время войны, а тем более войны гражданской, где орудием борьбы являются не только пушки и ружья, но и идеи, отделить военную цензуру от общей невозможно»⁴.

Поэтому, пригласив к себе редакторов трех «камертонных» крымских газет, П. Н. Врангель предложил им сделать выбор между предварительной цензурой и самоцензурой, при которой ответственность за правонарушение соответствовала бы законам военного времени, вплоть до смертной казни⁵. И поскольку большая часть редакторов не была готова в крайне непростых политических условиях рискнуть свободой и даже жизнью, предварительная цензура вскоре была возвращена, а полосы газет вновь запестрели белыми пятнами на месте изъятых материалов.

Отдел печати был передан из военного ведомства в министерство внутренних дел, а во главе его был поставлен сначала журналист Г. В. Немирович-Данченко, а затем — профессор истории Г. В. Вернадский. Вместо открытия собственных изданий отдел печати принял решение субсидировать уже имеющиеся. Таким образом, идеологическая функция перешла к подконтрольной прессе, субсидируемой и снабжаемой бумагой отделом печати при правительстве. Кроме того, приказом от 18 июля 1920 г. Врангель создал на местах представительства Южно-Русского телеграфного агентства, подчинив их отделу печати гражданского управления⁶.

Свидетель событий того периода Д. Маслов пишет: «Печать должна была войти в общее направление государственного курса. И печать это сделала; она сыграла определенную активную роль и имела несомненное значение, которое отлично учитывалось правительством и в Крыму, и за границей. Правительство Врангеля, с надлежащей быстротой и сообразительностью, не замедлило использовать все возможности для того, чтобы обратить себе впрок каждую печатную строку существующих газет»⁷.

Однако такая информационная политика не принесла желаемых результатов. «Субсидируемые правительством органы, а таких было большинство, льстили власти самым недостойным образом, но в проведении общих руководящих мыслей государственного значения помочь правительству не могли», — отмечал в своих воспоминаниях П. Н. Врангель, выделяя из всех финансируемых его правительством газет лишь «Великую Россию» — «серьезный орган, в котором участвовали Н. Н. Львов, Н. Б. Струве, Н. Н. Чебышев, В. В. Шульгин и др.»⁸.

Вне поддержки правительства, сохранив относительную независимость, остались лишь «Южные ведомости», «Ялтинский курьер» (с мая 1920 г. – «Южный курьер», издатель А. В. Давыдов, ответственный редактор В. А. Амфитеатров), «Крымский вестник», «Юг России», «Наш путь» (бывший «Ялтинский голос», с начала 1920 г. – орган Ялтинского отделения Союза потребителей обществ), «Крымская мысль» (1 (14) января – ноябрь 1920 г., Феодосия, редакторы В. А. Давыдов, Г. А. Козловский, Е. А. Фидлер; издатель – общество «За единую Россию»)⁹.

Тем не менее, проблема защиты медийного поля от несанкционированной критики не теряла актуальности, и 12 сентября 1920 г. указом Врангеля была создана высшая комиссия правительственного надзора, куда отныне надлежало жаловаться на действия чиновников. С этого момента «огульная критика в печати» объяснялась Главнокомандующим «желанием дискредитировать власть в глазах населения» и влекла за собой взыскание «как с цензоров, пропустивших ее, так и с редакторов газет»¹⁰.

Вместе с проблемой свободы слова с повестки дня был снят и крымскотатарский вопрос. Созванный Главнокомандующим 16 мая в Симферополе мусульманский съезд был проигнорирован большинством делегатов (из 44 прибыло 20). Сам же генерал был конкретен лишь в напоминании участникам съезда о военной и конской повинности татарского населения. Ни возрождать Курултай и Директорию, ни решать проблему вакуфных земель Врангель не торопился.

30 августа комиссия при правительстве подготовила законопроект о крымских татарах, окончательный вариант которого предусматривал замену назначаемого мусульманского управления выборным, передачу ему вакуфов, выборы муфтия общинами, а также право крымских татар на создание культурно-просветительских обществ. Проект так и не был утвержден: по мнению В. Калиновского и Е. Самыловской, виной тому была «не столько бюрократическая волокита, сколько резкое ухудшение ситуации на фронтах»¹¹.

Однако и обострять взаимоотношения с коренным населением полуострова было не в интересах Главнокомандующего. Для общения с крымскими татарами новая власть нуждалась в лояльных печатных посредниках, в роли которых выступили издания известного крымскотатарского фольклориста, публициста,

археолога, теолога и общественного деятеля Османа Мурасова. В марте 1920 г. он прекратил выпуск газеты «Миллет», а в апреле стал соредактором (вместе с Меметом Меметовым) ежедневной газеты на крымскотатарском языке «Къырым мусульманлары» («Крымские мусульмане»), издателем которой выступил ротмистр Селим Мурза Муфтизаде. Газета печаталась в типографии «Миллет» по следующей программе: 1. Передовые статьи. 2. Правительственные сообщения. 3. Статьи экономического, общественно-политического и культурно-просветительского характера. 4. Телеграммы. 5. Известия внутренние и внешние. 6. Из татарской жизни. 7. Хроника областная и местная. 8. Фельетоны. 9. Корреспонденции. 10. Разные известия. 11. Объявления¹².

В мае 1920 г. газета перестала выходить, а Временная особая комиссия о вакуфах выступила инициатором следующего издания под редакторством О. Мурасова – газеты «Къырым мусульманлары седасы» («Голос крымских мусульман»). Газета выходила с 31 мая (13 июня) по август 1920 г.

«Голос крымских мусульман» был настолько симпатичен управлению по делам печати ВСЮР (как «популярный орган, ведущий агитацию среди татарского населения и распространяющий идеи Главнокомандующего»), что начальник управления Г. В. Немирович-Данченко лично занимался решением его проблем. В июле 1920 г. типография, арендованная для печатания газеты «Голос крымских мусульман», получив арендную плату за июнь в размере 300 тыс. рублей, отказалась предоставлять свои услуги как «ввиду отсутствия татарского шрифта», так и в силу печатания другой газеты – «Время». После этого Г. В. Немирович-Данченко ходатайствовал о льготных условиях пользования типографией вышеупомянутым изданием: «Отсутствие татарского шрифта и отказ в пользовании типографией неизбежно повлечет за собой закрытие издания газеты – единственного весьма популярного органа, ведущего агитацию среди татарского населения и распространяющего идеи Главнокомандующего, – писал он и. д. Таврического губернатора А. А. Лодыженскому. – Ввиду сего покорнейше прошу оказать содействие г. Мурасову в пользовании вышеозначенной типографией для нужд газеты и тем дать возможность проводить желательные идеи среди татарского населения»¹³.

Однако вскоре личные качества О. Мурасова изменили покровительственное отношение на противоположное. Уже 31 августа

1920 г. Г. В. Немирович-Данченко докладывал А. А. Лодыженскому: «Милостивый государь Александр Александрович! В дополнение к телеграмме моей от 25 августа сего года за № 1055 сообщая Вам, что редактор мусульманской газеты „Голос крымских мусульман“ г. Мурасов устранен мною от редактирования вышеуказанной газеты как за неисполнение условий, на коих моим предшественником было поручено ему редактировать эту газету, так и в силу неприемлемых денежных требований г. Мурасова. Г. Мурасов, получив для издания газеты наличными деньгами 550.000 рублей и на издание газеты и на татарском языке Закона 25 мая 1920 года 17 пудов бумаги, целыми неделями делал перемены в издании газеты, проживал в г. Севастополе, где он вел нетрезвый образ жизни, что установлено мною, когда Мурасов в пьяном виде являлся ко мне на прием. За все время редактирования газеты „Голос крымских мусульман“ г. Мурасов ни разу не представил отчета о количестве выпущенных им газет и о израсходованных им на издание газеты денежных сумм и бумаги. По имеющимся у меня сведениям, часть бумаги, полученной г. Мурасовым от Отдела печати для издания газеты, находится в настоящее время в Типографии ротмистра Муфтизаде и состоит якобы под запрещением или охраной наборщиков „Голоса крымских мусульман“, пытающихся задержанием этой бумаги обеспечить свои денежные требования к Мурасову»¹⁴. В итоге, к сентябрю 1920 г. у крымских татар не осталось ни одной национальной газеты.

Тем не менее период развития крымскотатарской печати при Врангеле был ознаменован появлением национального литературного журнала (очевидно, показавшегося новому правительству не столь опасным, как более оперативная газета). 15 апреля 1920 г. вышел первый номер журнала на крымскотатарском языке «Ешил ада» («Зеленый остров») ¹⁵. Его редактором и издателем стал поэт, педагог, выпускник Стамбульского университета, делегат Курултая Абибулла Одабаш ¹⁶. Программа журнала состояла из: 1) статей по вопросам педагогики и народного образования; 2) статей о литературе; 3) рассказов и стихотворений; 4) детской литературы и фольклора; 5) юмористических рассказов из жизни крымских татар ¹⁷. Редакция журнала находилась сначала на улице Кладбищенской (ныне улица Крылова), 76, в квартире А. Одабаша, а затем на улице Кадиаскерской (ныне улица Крас-

нознаменная), 57, в квартире номер 8. Журнал печатался в типографии «Миллет», его объем составлял около 20 страниц. Цена первого номера была 250 рублей, четвертого номера, в связи с инфляцией, — 4 тыс. рублей (вероятно, редакцией планировалась скидка «для учащихся и учащихся», поскольку на титуле четвертого номера стоит соответствующая помета). Журнал был заявлен как ежемесячный, но выходил один раз в два месяца. Всего с апреля по октябрь 1920 г. вышло 4 номера.

В редакционной статье «Цель журнала „Ешиль ада“» А. Одабаш отмечал, что приобретение знаний у любого народа осуществляется двумя путями: «Первый: посредством школ, медресе, курсов, рассказов о знаниях (лекций), народных домов и театров; второй: посредством книг, брошюр, журналов, газет и другой подобной печати»¹⁸. Говоря о сфере национального образования, к которой он имел непосредственное отношение, редактор журнала констатировал, что «в очагах знания не наблюдается прогресса»: «когда все окунулось в полный хаос, невозможно полноценно работать до тех пор, пока общественность не окажет необходимой помощи»¹⁹. В этой ситуации, с точки зрения А. Одабаша, литературно-педагогические публикации его журнала должны были содействовать духовному развитию нации.

«Ешиль ада» позиционировал себя на крымскотатарском языке как «педагогический, литературный и немного сатирический» журнал, а на русском — только как «педагогико-литературный», очевидно, не желая привлекать внимание властей к сатирическому социально-политическому содержанию рубрики «Шакъа ве санчкъы» («Юмор и колкости»). Так, например, в № 2 за июль 1920 г. был опубликован злободневный анекдот о том, что Вакуфная комиссия собирается распродать все имущество газеты «Миллет»: не только типографию, машины, стулья, скамьи, но и то, что ранее собиралось для фонда «Миллет»: платки, рубахи, полотенца и т. п. Помимо Вакуфной комиссии, стрелы критики попадали в Магометанское духовное правление и членов Курултая.

«Ешиль ада» публиковал произведения редактора-издателя А. Одабаша, Ш. Бекторе, У. Ипчи, М. Куртиева, Дж. Меинова, А. Чергеева, Б. Чобанзаде, Н. Челебиджихана, С. Шемьи и других крымскотатарских авторов.

Редакционная подготовка журнала была любительской: в содержании на обложке название статей порой давалось в сокра-

ценном виде и не полностью совпадало с реальными заголовками материалов, а некоторые материалы вообще не были указаны. Так, например, в содержании второго номера не указана статья «„Ешил аданынь“ тиль ве имляджа туттугы ёл» («Направление, которого придерживается „Зеленый остров“ в вопросах языка и орфографии»), опубликованная на странице 24.

В сентябре 1920 г. типографию «Миллет», где печатались все крымскотатарские издания, Вакуфная комиссия передала в аренду за 50 тыс. рублей некоему лицу, которое, в свою очередь, передало ее Б. А. Суворину (редактору газеты «Время»)²⁰: теперь крымским татарам стало негде печатать даже учебники.

В июне 1920 г. керченская газета «Русское дело» сообщила о выходе еще одного крымскотатарского журнала – «Бутоны Крыма»²¹. Типологические особенности этого издания и его дальнейшая судьба в настоящее время неизвестны.

Как и его предшественник Деникин, Главнокомандующий не запрещал деятельность сионистских организаций и газет. Из общекрымских газет цензура изымала статьи с погромной агитацией. Приказом П. Н. Врангеля были запрещены «всякие публичные выступления, проповеди, лекции и диспуты, сеющие политическую и национальную рознь»²².

В интервью газете «Великая Россия» от 5 июля 1920 г. на вопрос об отношении к «еврейскому вопросу» Врангель ответил: «В народных массах действительно замечается обострение ненависти к евреям. Чувство это все сильнее развивается в народе. В последних своих проявлениях народные противоеврейские настроения буйно разрастаются на гнойнике большевизма. Народ не разбирается, кто виноват. Он видит евреев-комиссаров, евреев-коммунистов и не останавливается на том, что это часть еврейского населения, может быть оторвавшаяся от другой части еврейства, не разделяющего коммунистических учений и отвергающего советскую власть. Всякое погромное движение, всякую агитацию в этом направлении я считаю государственным бедствием и буду с ним бороться всеми имеющимися у меня средствами. Всякий погром разлагает армию. Войска, причастные к погромам, выходят из повиновения. Утром они громят евреев, а к вечеру они начнут громять остальное мирное население. Еврейский вопрос, вопрос тысячелетний, большой, трудный, он может быть разрешен временем и мерами общественного оздоровления,

но исключительно при наличии крепкой, опирающейся на закон и реальную силу, государственной власти»²³.

К концу 1919 г. Крым стал одним из центров Российского сионизма, так как только через его порты легально осуществлялась эмиграция евреев в Палестину. В апреле 1920 г. при Таврической сионистской организации был создан переселенческий фонд имени И. В. Трумпельдора (погибшего незадолго до этого в Палестине лидера и идеолога сионистского движения, который в 1919 г. жил в Симферополе²⁴). Задачей фонда была подготовка еврейской молодежи к эмиграции. 14 июня 1920 г. в Симферополе состоялась конференция крымских сионистов. В сентябре–октябре 1920 г. за временным Мерказом в Таврии были признаны права Еврейского национального центра.

С марта по июнь 1920 г. в Симферополе (улица Петропавловская, 3) выходил «Вестник еврейской жизни» (орган Временного Мерказа (Совета) при Сионистской Организации в Таврической губернии, ранее – «Бюллетень Палестинского эмигрантского бюро»)²⁵. Ответственными редакторами были заявлены М. С. Жак²⁶ и Б. М. Эйдли. В программу издания вошли: 1) сообщения о положении Палестины; 2) сведения о деятельности эмиграционного бюро и его отделений; 3) информация о деятельности Палестинских организаций; 4) распоряжения и циркуляры по вопросам эмиграции; 5) прочие сообщения по вопросам переселений. Печатался бюллетень в типографии «Труд» наследников И. С. Вольштейна²⁷.

Заметным пробелом в медиaprостранстве Крыма в 1920 г. стало отсутствие караимских изданий. Долгое время считалось, что прекращение выхода журнала «Известия Караимского Духовного Правления» (1917–1919 гг.) было связано с отъездом из Крыма в 1919 г. С. М. Шапшала, возглавлявшего Правление и принимавшего активное участие в работе его печатного органа. Однако согласно последним исследованиям²⁸, С. М. Шапшал находился в Крыму и продолжал выполнять свои непосредственные обязанности вплоть до падения правительства П. Н. Врангеля, т. е. публикация журнала была прекращена по иным причинам, скорее всего, экономическим. Кроме того, сотрудники Караимского Духовного Правления А. И. Катык (главный редактор «Известий Караимского Духовного Правления») и Б. С. Ельяшевич готовили

выход «Караимского ежегодника на 1919 г.»²⁹, осуществить который также не удалось.

Таким образом, благодаря проводимой правительством П. Н. Врангеля этнонациональной политике (попытки установления диалога с этническими общинами полуострова, запрет пропаганды межнациональной розни, содействие работе ряда этнических культурно-просветительских и религиозных организаций), а также мерам по субсидированию лояльной прессы в Крыму в период с апреля по ноябрь 1920 г. получили возможность выхода несколько крымскотатарских и еврейских изданий. Однако проблемно-тематический репертуар данных изданий и, соответственно, степень их влияния на этнические круги крымского общества были существенно ограничены строгими рамками цензуры. Непоследовательность и декларативность многих решений П. Н. Врангеля привели к тому, что к ноябрю 1920 г. выход этнической прессы на полуострове практически сошел на нет.

Примечания

¹ См.: Зарубин В. Г., Зарубин А. Г. Периодические издания Крыма (март 1917 г. – ноябрь 1920 г.) // Крымский архив. 2001. № 7. С. 267–288.

² Врангель П. Н. Записки: книга вторая / под ред. Л. М. Сурица. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. С. 41.

³ См.: Там же. С. 41–42.

⁴ Там же. С. 42–43.

⁵ См.: Там же. С. 43.

⁶ См.: Зими́на В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М.: РГГУ, 2006. С. 216.

⁷ Маслов Д. Печать при Врангеле // Антанта и Врангель. М.; Петроград, 1923. С. 173.

⁸ Врангель П. Н. Указ. соч. С. 349.

⁹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. С. 593–594. По мнению современника событий Д. Маслова, независимых изданий при П. Н. Врангеле было всего четыре: «Юг» и «Крымский вестник» в Севастополе, «Наш путь» в Ялте и «Южные ведомости» в Симферополе (См.: Маслов Д. Печать при Врангеле // Антанта и Врангель. М.; Петроград, 1923. С. 173).

¹⁰ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей. Из истории гражданской войны в Крыму. Симферополь: Антиква, 2008. С. 595.

¹¹ Калиновский В., Самыловская Е. Национальная и конфессиональная политика режима П. Н. Врангеля // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10. № 3. С. 1128.

¹² См.: ГАРК (Государственный архив Республики Крым). Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 359. Л. 18.

¹³ ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 105. Л. 19.

¹⁴ ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 62. Л. 31.

¹⁵ Так крымские татары называют Крым. В многонациональном Крыму начала XX в. хорошо знали и песню с аналогичным названием:

Остров зеленый с названием Крым
В мире прекрасное место.
Татарин и грек, армянин, караим
Здесь проживают вместе.

И каждый имеет сноровку
На жизнь заработать свою;
Не дремлют, действуют ловко –
Работа во всем краю.

(пер. с крымскотатарского)

См. об этом: *Полканов А. И.* Крымские караимы (караи – коренной малочисленный тюркский народ Крыма). Париж: [б. и.], 1995. С. 44.

¹⁶ Одабаш Абибулла Абдурешидович (лит. псевдонимы Тимурджан, Чатыртавы, Х. О.) (1891–1938 (?) Соловки (?)) – крымскотатарский поэт, педагог.

¹⁷ См.: ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 62. Л. 11.

¹⁸ *Одабаш А.* «Ешиль аданынъ» макъсады // Ешиль ада. 1920. № 1. С. 2.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Али Э.* Татарская жизнь // Крымский Вестник. 1920. Сен., 26.

²¹ См.: *Громов С. Е.* К вопросу о деятельности ряда национальных партий и организаций в Крыму в период Гражданской войны // Ученые записки Симферопольского гос. ун-та. 1998. № 6 (45). С. 57.

²² *Врангель П. Н.* Указ. соч. С. 349.

²³ Там же. С. 218–219.

²⁴ См.: *Калиновский В., Самыловская Е.* Указ. соч. С. 1130.

²⁵ ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 359. Л. 3, 11.

²⁶ Председатель Симферопольского сионистского комитета.

²⁷ См.: ГАРК. Ф. Р-2235. Оп. 1. Д. 359. Л. 10, 1.

²⁸ *Прохоров Д. А.* Документы к биографии С. М. Шапшала в Государственном архиве Республики Крым // Труды по еврейской истории и культуре: материалы XXI Международной ежегодной конференции по иудаике. М.: Пробел-2000, 2014. С. 378.

²⁹ ГАРК. Ф. 241. Оп. 2. Д. 52.

УДК 94 (571.6)

ББК 63.3 (2)

Г 82

А. Н. Гривастова, преподаватель кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: grivastovaa@yandex.ru

УДК 94 (571.6)

ББК 63.211

Л 34

А. Н. Левандовский, кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: andre-levandowski@rambler.ru

ОБРАЗ ХАРБИНА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЭМИГРАНТОВ И НА СТРАНИЦАХ ЭМИГРАНТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

В статье анализируется образ Харбина, одного из крупнейших центров русской эмиграции в 1920-е гг. на Дальнем Востоке, в воспоминаниях эмигрантов и материалах эмигрантской периодической печати. При изучении этих двух групп источников были выявлены существенные различия в восприятии города. Если в воспоминаниях эмигрантов Харбин описывается как тихий и мирный приют, в котором удалось сохранить традиционную русскую культуру, то пресса того времени изображает его как современный шумный город, где всю ночь не гаснут огни кабаре и кафешантанов. Причина такого разного восприятия Харбина кроется в различии целей, которые ставили перед собой авторы воспоминаний и газетных колонок. Одни хотели вписать город в общий контекст Гражданской войны, другие же старались привлечь больше читателей и рекламных денег.

Ключевые слова: российская эмиграция, Харбин, Дальний Восток, эмигрантская пресса, городская жизнь.

THE IMAGE OF HARBIN AS PRESENTED IN THE MEMOIRS OF EMIGRANTS AND IN THE PAGES OF EMIGRANT PERIODICALS

The article analyses the image of Harbin, one of the largest centres of Russian emigration in the 1920s in the Far East, in the memoirs of emigrants and materials of the emigrant periodical press. The study of these two groups of sources revealed significant differences in the perception of the city. In the memoirs of emigrants, Harbin is depicted as a tranquil and serene refuge where traditional Russian culture thrives. In contrast, the press of the period portrays it as a vibrant and modern city where the lights of cabarets and cafes never dimmed at night. This discrepancy in perception can be attributed to the differing objectives of the authors of memoirs and newspaper columns. Some authors sought to situate the city within the broader context of the Civil War, while others aimed to attract a larger readership and advertising revenue.

Key words: Russian emigration, Harbin, the Far East, emigrant press, urban life.

В современной историографии набирают популярность работы, авторы которых концентрируются не столько на исследовании каких-то конкретных исторических событий, сколько на изучении их образа, т. е. на восприятии определенных событий той или иной группой людей. Данный подход берет свое начало из культурного поворота, когда во главу угла была поставлена личность и ее понимание мира, а не глобальные объяснительные модели, подобные марксизму. Хотя данная концепция появлялась в той или иной итерации во многих работах, как методологическое направление она получила окончательное оформление в 1980-х гг. под влиянием трудов еврейского историка, профессора Колумбийского университета Й. Х. Йерушалми и французского ученого П. Нора¹. Это позволяет современным исследователям с нового ракурса взглянуть на уже, казалось бы, изученные до мельчайших подробностей события. До России этот подход дошел с опозданием, однако быстро вошел в историографическое поле, формировавшееся после распада Советского Союза, что не удивительно, так как в обществе появился мощный запрос на изучение событий истории СССР не только в марксистской, но и в иных трактовках.

Особый интерес у исследователей вызывали Октябрьская революция и Гражданская война, расколовшие общество на два непримиримых лагеря. Усилилось внимание к деятелям русской эмиграции, действия которых стали рассматриваться под совершенно иным углом². В дополнение к этому все больший интерес вызывали и центры русской эмиграции, причем исследования в этом направлении не ограничивались Парижем и Берлином³. Так, много внимания уделялось Харбину. И стоит сказать, что это внимание было справедливым, так как здесь сформировалась специфическая городская культура, которая была зафиксирована в произведениях русских эмигрантов и материалах русскоязычной периодической печати.

Само появление Харбина (по одной из трактовок слово «харбин» означает «узкий остров»⁴) было подобно чуду. Там, где раньше простиралась «безлюдная пустынная местность»⁵, со сказочной быстротой вырос город⁶, ставший одним из главных центров русской эмиграции. Спешка при его возведении была вполне оправданной: усиливались противоречия между Россией, Англией, Германией, США и Японией на Дальнем Востоке⁷. В этих обстоятельствах был разработан проект строительства Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), которая должна была соединить Китай с Россией, а также дать последней выход к Желтому морю, тем самым значительно усилив ее позиции в Тихом океане. Вслед за тяжелыми переговорами между странами началось активное строительство, которое привлекло в Маньчжурию огромное количество людей, задействованных в реализации проекта⁸. «Безлюдная пустынная местность, одиночные китайские фанзы и небольшие усадьбы, залитая водой местность с отрывками суши – вот что увидели перед собой члены экспедиции, первыми прибывшие на место, где предстояло обосноваться первостроителям Харбина», – пишет Н. П. Крадин в книге «Харбин – русская Атлантида»⁹. Первопроходцам требовалось решить важную задачу – найти место для размещения строителей железной дороги. Спустя некоторое время был найден незатапливаемый участок земли около заброшенного водочного завода¹⁰. 16 мая 1898 г. был возведен первый барак строителей железной дороги¹¹. Вскоре вокруг первого барака быстро вырос небольшой поселок¹². «Несколько позже, на возвышенной части, ближе к реке, вырос новый поселок, который стал называться „Новым Городом“. Это был странный город – чисто русский город, с русскими

постройками, с русским колоритом, но на китайской земле», – пишет русский писатель-эмигрант В. П. Петров в книге «Город на Сунгари»¹³. На рубеже XIX–XX вв. Харбин рос «со сказочной быстротой. Его рост, вероятно, можно сравнить с бурным ростом американских городов „Дикого Запада“ <...>», – продолжает повествование В. П. Петров¹⁴. Выгодное положение Харбина рядом с железной дорогой и «широкой, величественной рекой Сунгари» привлекало в город тысячи людей¹⁵. Активное развитие города продолжилось и во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.¹⁶

События, происходившие в России в 1917 г., внесли серьезные изменения в размеренную жизнь Харбина. В 1920 г. управляющий КВЖД генерал Д. Л. Хорват был смещен со своей должности китайским правительством¹⁷. В Харбин устремились эмигранты со всего Дальнего Востока, среди них было много ученых, врачей, деятелей культуры. Они пытались воссоздать в городе атмосферу утраченной ими России. Отчасти у них получилось выполнить эту задачу, однако у истории были иные планы. В 1924 г. КВЖД перешла в совместное управление Китая и СССР, что заставило покинуть Харбин наиболее ярых противников советской власти¹⁸. Те же, кто не уехал в 1924 г., покинули город во второй половине 1930-х гг., когда КВЖД перешла под контроль Японии. Перипетии русского периода истории Харбина нашли отражение в ярких воспоминаниях эмигрантов и материалах эмигрантской прессы.

Первые научные труды, в которых упоминается Харбин, появились в начале 1920-х гг. Наиболее нейтральные работы, в которых затрагивалась тема истории города, принадлежат русским ориенталистам, рассматривавшим Дальний Восток, в том числе Харбин, с сугубо научной точки зрения¹⁹. При этом большая часть историографии того времени не придерживалась подобного нейтралитета. Шел весьма оживленный спор между «белыми» и «красными» авторами, которые обсуждали, скорее, не сам город, а его жителей, т. е. русскую эмиграцию. Советские авторы всячески критиковали сбежавших в Харбин «белых», демонстрируя полный провал их социальных и политических идей²⁰. Так, Г. З. Иоффе в работе «Крах российской монархической контрреволюции» подчеркивал, что после своего поражения генерал Пепеляев был вынужден заниматься в Харбине извозом, а генерал Соболевский – развозить квас²¹. В то же время авторы-эмигранты описывали

в своих работах зверства большевиков и их невероятное бескультурье, ставшее, по их мнению, одной из причин угасания города после прихода «красных»²². Некоторые авторы старались быть максимально аполитичными²³, однако их было меньшинство по сравнению с полемически настроенными авторами. Поляризации мнений способствовало и то обстоятельство, что в условиях холодной войны доступ к архивным документам был ограничен. Положение дел изменилось с началом перестройки и особенно после распада СССР. Были сняты цензурные ограничения с обсуждения некоторых тем, начался обмен документами по истории белой эмиграции между российскими и зарубежными научными центрами. Пример проявления этой тенденции – передача в Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) коллекции микрофильмов Музея русской культуры в Сан-Франциско, значительная часть которой связана с историей Харбина.

Эти изменения дали возможность приступить к изучению прошлого Харбина с новой стороны – исследовать именно историю города, а не использовать его исключительно как декорацию в рассуждениях о ходе и итогах Гражданской войны. С такой позиции Харбин представлен в работах Г. В. Мелихова²⁴ и Е. П. Таскиной²⁵. Оба исследователя родились в Харбине, затем приехали в СССР, где занимались изучением истории и культуры дальневосточной эмиграции. Когда же цензурные ограничения начали постепенно ослабевать, они обратились к истории родного для них города. Важным шагом в изучении центра дальневосточной эмиграции стал ввод в научный оборот новых источников о Харбине. В 1998 г. Е. П. Таскиной подготовлен и выпущен сборник «Русский Харбин», в котором объединены воспоминания о городе представителей русской эмиграции²⁶.

Постановка новой исследовательской задачи, публикация источников, относящихся к истории Белого движения, наметившийся в последнее десятилетие XX в. и усиливающийся в настоящее время крен в сторону регионализма – все это способствовало тому, что Харбин как центр русского зарубежья все чаще становится объектом исследования. Вместе с тем расширяется круг проблем, требующих более подробного изучения. Исследователи обращаются к рассмотрению совершенно разных аспектов жизни города, начиная с архитектуры и градостроительства²⁷ и заканчивая детскими организациями²⁸. Значительное количество работ

посвящено изучению литературного наследия русской эмиграции и издательской деятельности русских жителей Харбина²⁹.

Несмотря на богатую историографическую традицию, вопросы, касающиеся изучения образа города, разработаны пока еще достаточно слабо, хотя поле для подобного рода исследований представляется весьма обширным. Интерес в нашем случае вызывает впечатление, которое сложилось в процессе изучения источников по истории Харбина: как будто речь в них идет о совершенно разных городах. С одной стороны, Харбин – это шумный и процветающий город, наполненный огнями автомобилей и ночных кабаре, с другой – тихое убежище от происходящих потрясений, призванное защитить русскую культуру и духовность от посягательств «красных». Это, конечно, две крайние точки существующих образов города, но примечательно то, где эти образы представлены. Так, в воспоминаниях эмигрантов Харбин чаще описывается как русский купеческий город, или гавань, где можно укрыться от разрушительных бурь революции и Гражданской войны. В газетных статьях, если они не носят откровенно политический характер, Харбин выглядит совершенно иначе – он больше похож на Нью-Йорк 1920-х гг. Разное восприятие города наталкивает на вопрос: почему образ Харбина в прессе так сильно отличается от образа города в большинстве воспоминаний эмигрантов? Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим обе группы источников и исторические условия их возникновения.

Первая группа источников, в которых представлены сведения, позволяющие воссоздать образ Харбина, – эмигрантские воспоминания. Их количество значительное, однако в связи с ограниченностью объема нашей статьи мы рассмотрим труды наиболее ярких авторов, описавших жизнь города. В первую очередь это воспоминания и статьи семьи Борзовых³⁰, так как их восприятие Харбина наиболее сильно и полно отражает образ «потерянного рая», который присутствует и в воспоминаниях других эмигрантов. Не менее интересен в отношении создания образа города сборник мемуаров «Русский Харбин» под редакцией Е. П. Таскиной, о котором мы упоминали выше³¹. Кроме того, Харбину посвятил свои стихи поэт и публицист А. И. Несмелов, отрывки из его стихотворений мы приводим в нашей статье (А. И. Несмелова цитируют многие исследователи истории города³²). Каждый из этих источников по-своему уникален, но при их анализе выявля-

ются общие места, на основе которых можно составить целостное представление о том, как русская эмиграция воспринимала Харбин. Еще одна примечательная деталь: после изучения биографий авторов воспоминаний складывается впечатление, что те из них, кто родился или провел свои школьные годы в Харбине, более склонны к идеализации города, чем те, кто приехал сюда уже в зрелом возрасте.

Переходя к описанию образа города, отметим, что появление Харбина посреди пустынных земель вызывало у русских людей чувство радости и гордости за Россию, которая смогла реализовать столь сложный проект. Эти чувства передал в своем стихотворении А. И. Несмелов:

Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
«Здесь построим русский город,
Назовем – Харбин».
Без тропы и без дороги
Шел, работе рад.
Ковылял за ним трехногий
Нивелир-снаряд³³.

Русский город Харбин станет результатом труда русского гения инженерного дела. Подобную картину рисует и Б. Н. Борзов. В его воспоминаниях Харбин предстает одним из звеньев великого проекта царского правительства под названием «КВЖД»³⁴.

Сама идея провести железную дорогу в Маньчжурии представлялась невероятно сложной задачей, однако из воспоминаний очевидцев и участников реализации проекта мы узнаем, что русским удалось сделать даже больше задуманного. Вокруг КВЖД была создана целая инфраструктура, вырос русский город Харбин³⁵. В то же время в воспоминаниях людей, видевших своими глазами первый этап освоения Маньчжурии, Харбин описывается в менее привлекательном свете: везде грязь, сырость и бесконечная толчея, и приезжему человеку весьма сложно разобраться, что здесь к чему³⁶. Несмотря на то, что автор этих строк писатель-натуралист Н. А. Байков далее пишет, что многие проблемы со временем были решены, первое впечатление, которое произвел на него город, трудно назвать благоприятным. Чего нельзя

сказать об авторах, которые родились или выросли в Харбине. В их воспоминаниях прослеживается четкая привязанность к Харбину, их чувства явно пронизаны теплотой и любовью к городу, что не удивительно, ведь с Харбином был связан период их беззаботного детства. Так, Н. И. Ильина вспоминала, как она вместе с мамой, сестрой Ольгой (Гулей), бабушкой и двоюродной сестрой Мусей жила на станции Эхо недалеко от Харбина³⁷. О детстве вспоминал и Б. Н. Борзов: вместе с другом Володи Трухановым он катался на велосипеде и ловил лягушек на болоте³⁸ (последний раз Борис Николаевич видел Володю перед тем, как бежал из Харбина, страшась прихода в город «красных»). Город в воспоминаниях Б. Н. Борзова – родной, любимый, он защищает от всех невзгод, которые происходят за его пределами. Борис Николаевич вспоминал о Харбинском коммерческом училище, где он провел годы своего детства, так:

В этих светлых, родимых стенах
Было много тепла, много света...
И навеки в горячих сердцах
Сохраним мы святые заветы³⁹.

Город был пристанищем для людей, не признававших советскую власть, в нем сохранялась русская культура, которая, по мнению многих эмигрантов, погибла в большевистской России. Так, каждый год в Благовещенском соборе Харбина торжественно праздновали Крещение Господне⁴⁰. В этот день после Божественной литургии совершался крестный ход пяти ближайших церквей на лед реки Сунгари для совершения ритуала освящения воды. Помимо православных обычаев, русские жители Харбина старались сохранить жизненный уклад дореволюционной России. Передавая культурные традиции подрастающему поколению, эмигранты рассчитывали на то, что именно оно сохранит национальную культуру для новой России, которая должна возродиться из пепла СССР. Н. А. Анчугова, вспоминая годы обучения в гимназии Христианского союза молодых людей (ХСМЛ), писала, что в числе предметов были «национальная этика» и «гражданская мораль». Таким образом, ученики должны были совершенствоваться не только умственно, но и нравственно⁴¹. Время шло, но власть в СССР набирала силу, большевики все ближе подбира-

лись к Харбину. Чувство надвигающейся опасности четко прослеживается в воспоминаниях Б. Н. Борзова. Сначала он слушал рассказы о «красных» отца своего друга, который чудом спасся от патруля Красной Армии⁴². Затем Борис Николаевич начал встречать у ворот церкви в Харбине, в которую он ходил с бабушкой, беженцев из Дальневосточной республики (ДВР)⁴³. Потом «красные» стали появляться в городе. Сначала их было немного, но они вели неприятные разговоры об убийстве царя, атеизме и торжестве пролетариата. Это было началом конца, и многие эмигранты покинули Харбин, чтобы не попасть в руки большевиков. С этого момента город постепенно утрачивал уникальные черты, которые отмечали в своих воспоминаниях эмигранты. Китайская и японская культура начала превалировать здесь над русской. Наиболее идейные эмигранты перебрались из Харбина в Америку. Они с любовью и тоской вспоминали город, в котором выросли, но которого больше не было.

Таким образом, Харбин воспринимался эмигрантами как дом, в котором они смогли укрыться от революции и Гражданской войны и сохранить русский жизненный уклад и культуру. Те из них, кто родился и вырос в Харбине, остро воспринимали боль утраты и через много лет попытались воскресить память о городе в своих воспоминаниях⁴⁴. А. И. Несмелов написал о Харбине следующие строки:

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.
Пусть удел подобный горек –
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас⁴⁵.

Теперь рассмотрим другой образа Харбина. Город, о котором мы узнаем из материалов периодических изданий, значительно отличается от города из воспоминаний эмигрантов. Он выглядит более шумным, ярким и современным. Причина появления двух «противоборствующих», но в то же время взаимодополняющих образов города кроется в различии целей, которые ставили перед

собой авторы воспоминаний и газетных колонок. Информативность, быстрое реагирование, меньшая эмоциональная нагрузка при отражении действительности, характеризующие периодическую печать, – все это позволяет исследовать особенности повседневной жизни русских эмигрантов с другого ракурса. Особую актуальность изучению периодической печати Харбина придает тот факт, что период с 1918 г. по 1920 г. исследователи русской прессы в Китае считают самым «продуктивным»: число периодических изданий росло, несмотря на то что многие из них прекращали свое существование после выпуска одного-двух номеров⁴⁶. В период с 1918 г. по 1930-е гг. в Харбине «заявили о себе 89 газет и 153 журнала»⁴⁷.

Одной из наиболее информативных из комплекса русской периодики, издававшейся в Харбине, была ежедневная общественно-политическая газета «Заря», которую основали журналисты М. С. Лембич и Г. Н. Шипков⁴⁸. Первый выпуск «Зари» (кит. *Xiaguangbao*) состоялся 15 апреля 1920 г.⁴⁹ Номер газеты в 1922 г. стоил 10 сен⁵⁰. Подписка на месяц с доставкой по Харбину обходилась читателю в 2 йены, с пересылкой на линию КВЖД и в Китай – в 2 долл., в Японию – в 3 йены⁵¹. В отличие от других газет, уделявших много внимания обозрению новостей из России и Европы, «Заря» широко освещала новости Харбина. В 1920-е гг. «Заря» – вечерняя газета, рассчитанная на широкий круг читателей. Среди других газет она выделялась фигурной версткой, многоколонными заголовками и различными шрифтами⁵². В 1923 г. ежедневные продажи газеты составляли от 12 до 15 тыс. экземпляров, что свидетельствовало о большой популярности этого издания среди русскоязычных жителей Харбина⁵³.

При анализе публикаций газеты в первую очередь бросается в глаза, что Харбин – это шумный богемный город. Если Харбин из воспоминаний предстает перед читателями в образе некоего уютного дома, в котором русские эмигранты старались сохранить культуру, традиции, духовные ценности дореволюционной России, то Харбин «газетный» – это город бесконечных развлечений: концертов, театральных представлений, кинопоказов, азартных игр, скачек и т. д.

Страницы «Зари» пестрят рекламой разнообразных увеселительных заведений. В 1920-е гг. в городе открывались многочисленные отели, гостиницы, в которых работали модные ресто-

раны, а также кафе, бары, киоски, носившие иногда комичные названия: «Яша – свой человек», «Привал трех бродяг», «Вася, заходи»⁵⁴. Популярны были и кафешантаны. Первое подобное заведение под названием «Бельвю» открыл в Харбине в 1900 г. бывший ссылопоселенец Гамартели⁵⁵. Через несколько лет он же открыл ресторан «Бристоль» на пристани – месте, привлекавшем разнообразную публику карточной игрой, оркестровой музыкой и выступлениями «доморощенного кордебалета»⁵⁶. На пристани работали и другие популярные заведения: «Марс», «Виктория», кафе Зазунова, кафе Азадовского⁵⁷.

Развитой была и сеть кабаре. Газета «Заря» в № 47 сообщала о скором открытии «театра изящной безделушки, веселой шутки и легкой сатиры» – литературно-художественного кабаре «Фавн»⁵⁸ и кабаре «Загородный ресторан»: «Стой!.. Читай!.. Ведь это не обман, что скоро откроется „КАБАРЭ“... Какое?.. „Загородный ресторан“»⁵⁹. Ежедневно «грандиозные кабаре-концерты» проходили в кабаре-театре «Баян»⁶⁰. Разнообразная кухня и развлекательная программа заведений на любой вкус – все это предоставляло жителям Харбина широкий выбор места веселого отдыха взамен тихого вечера в домашнем кругу.

Русским харбинцам были доступны разные жанры кино, о чем свидетельствуют афиши кинотеатров. Например, в кинотеатрах «Гранд-Отель», «Весь мир», «Ориант», «Амбир» шел показ психологической драмы «Симфония Стивенса», приключенческой драмы «В чад у опиума», бытовой драмы «На окраинах Москвы», а также картины «Великосветская воровка» – драмы, основанной «не по какому-нибудь роману» и не на фантазии режиссера, а на «настоящей действительности большого американского города»⁶¹. В театре «Модерн» показывали «современную сенсацию» «Зверское убийство и похороны Миши Фомиля и Гаубмана» – картину о разгуле бандитизма во Владивостоке⁶². Кинотеатр «Декаданс» приглашал зрителей на просмотр «первоклассного боевика-шедевра „Мадонны и мужчины“ – драмы человечества от Рождества Христова до наших дней». Эта «драма человечества» режиссера Б. А. Рольфа, по сообщению газеты, была одной из лучших картин сезона и в сюжетном, и в техническом отношении. В фильме были представлены «зверства и кровожадность Римской Империи в 27 г. до Р. Х. и современная жизнь свободной Америки»⁶³.

Театральная жизнь Харбина была насыщенной. В 1920-е гг. в город на гастроли приезжали лучшие русские артисты. В 1922 г. состоялся показ «Севильского цирюльника» с участием примадонны государственных театров Лидии Липковской⁶⁴, в 1924 г. – того же спектакля, но с участием А. И. Мозжухина⁶⁵. В 1922 г. в «Свободном Театре» шла пьеса наркома просвещения А. В. Луначарского «Слесарь и канцлер», имевшая ярко выраженный агитационный характер. Интересно, что об этой пьесе написала газета «Заря», которая все больше приобретала тогда антибольшевистскую направленность⁶⁶. Художественный театр миниатюр «Арс», литературно-художественный театр «Кабачок Богемы», «единственный в Харбине литературно-художественное „Кабарэ-Максим“» обещали публике, что их досуг пройдет «Весело, уютно, интимно»; жителям Харбина также предлагалось посетить ежедневную «Боевую программу» с «беспрерывным увеселением»⁶⁷.

Репертуар проходивших в городе мероприятий отличался невероятным разнообразием. Так, летний сад и театр «Палермо» организовывали целые программы. Например, 22 мая 1922 г. комедийно-фарсовая труппа представляла «злободневную комедию-фарс» «Супруги XX века», вниманию зрителей предлагался американский кинофильм «Женщина от сотворения мира до наших дней», а в летнем саду проходил «большой дивертисмент» и играл оркестр⁶⁸. Основная программа начиналась в 8 часов вечера, а после 12 часов объявлялась «особая роскошная концертная программа»⁶⁹. Бесконечные оперетки, мюзиклы, кинопоказы, борцовские соревнования – все это было доступно жителям города. Таким образом, в Харбине в 1920-е гг. активно формировались зачатки привычной для современного общества массовой культуры.

В то же время нельзя не отметить, что между двумя образами – тихого Харбина из воспоминаний и шумного города из газет – встречается ряд пересечений. Так, в ноябре 1922 г. в канцелярии епархиального совета в Московских рядах была открыта продажа билетов на духовный концерт хора Модягоуской церкви под управлением А. И. Колчина. Газета пишет, что концерт состоялся и в предыдущем, 1921 г., и прошел с огромным успехом⁷⁰. Кроме того, ежегодную концертную программу представлял симфонический оркестр под управлением Эм. Меттер в саду Железнодорожного собрания⁷¹. Эти мероприятия, анонсированные газетой, –

наглядные примеры сохранившейся культуры дореволюционной России, за которую так ратовали многие деятели эмиграции.

На страницах газет постоянно рекламировались азартные игры. Значительный интерес к ним вызывала возможность выиграть деньги. Наибольшую популярность в Харбине приобрели лото, игра в рулетку и карточные игры. Практически в каждом номере газет размещалась реклама лото. Игра проходила в Собрании Общества харбинских землевладельцев, Харбинском Обществе спортсменов, Итальянском клубе, в Собрании Общества ремесленников, Коммерческом Собрании, и не только. Играли в лото и в ресторанах⁷². Где-то играли еженедельно, где-то ежедневно. Организаторы игры предлагали сыграть в английское лото⁷³, или в лото, устроенное «по образцу заграничных казино со световыми цифрами и контрольной машиной»⁷⁴. Денежный приз составлял от 100 до 250 йен⁷⁵. Чаше в газетах встречается сумма 150 йен. Распространены были карточные игры девятый вал, покер, преферанс, реже на страницах газет появлялась реклама игр шмен-де-фер, винт и джокер⁷⁶. Приемы, которые использовали организаторы игр для привлечения публики, были разными. Одни зазывали гостей «первоклассным буфетом со всевозможными заграничными винами» и ценами «вне конкуренции»⁷⁷, другие были более лаконичны. Например, на первой полосе газет «Заря» и «Русский голос» регулярно печаталось объявление следующего содержания: «Лотто, казино на ул. Новоторговая, 23»⁷⁸. Лото было популярно в Харбине, и сложно найти номер газеты «Заря», в котором бы отсутствовала реклама или заметка, посвященная этой игре. О лото газета пишет, даже когда нет прямой связи с самой игрой. Например, в № 120 «Зари» в заметке под заголовком «Несчастье от лотто» рассказывается о несчастном случае, произошедшем с женщиной: она пострадала от удара сорвавшейся с балкона деревянной вывески с надписью «Лотто»⁷⁹. Таким образом, эта игра ежедневно «преследовала» жителей Харбина, что не могло не вызывать у них интерес к этому развлечению.

В ноябре 1922 г. правительство Китая, опасаясь распространения на линии КВЖД «эпидемии лоттошной игры»⁸⁰ (первое время игра проходила один раз в неделю, а в 1922 г. уже три раза в неделю), начало «поход» на азартные игры – против клубов и карточных домов. До начала этого похода в Китае уже были запрещены механические игры, и теперь власти готовили приказ, запрещающий некото-

рые азартные игры «в связи с проникновением туда нежелательных элементов», но при этом к играм допускались члены клубов⁸¹.

Интересно, что, согласно возвестившей о начале борьбы китайских властей с азартными играми новости, в лото играли преимущественно женщины⁸². Эта ремарка крайне любопытна, поскольку упоминания об увлечении именно мужчин азартными играми в газетах встречаются часто. Например, в одном из номеров «Зари» была размещена заметка о «сравнительно недавно женатой» паре, но молодой «муж, к несчастью, большую часть вечеров проводил вне дома, играя в карты в Железнодорожном собрании»⁸³. В другом номере газеты была опубликована новость о том, как «в „Северной“ гостинице после изрядной выпивки и картежной игры между военным чиновником и одним из русских офицеров разыгрался скандал, перешедший в брань и драку»⁸⁴. Причем подобные случаи, как отмечалось в газете, повторялись практически ежедневно⁸⁵.

Популярными в Харбине были также скачки и бега, привлекавшие большое количество людей. Так, в мае 1922 г. на ипподроме был «весь Харбин»⁸⁶. Присутствовали и представители китайских властей, в числе почетных гостей находилась К. А. Хорват. Газета отмечала, что, судя по количеству зрителей, ипподром обещал стать «очередным модным увлечением Харбина»⁸⁷. Разумеется, большой интерес к этому виду развлечений вызывал возможный денежный выигрыш: на майских скачках оборот тотализатора достиг почти 6 тыс. йен. Наибольший выигрыш составил 39 рублей. Кроме возможности участвовать в тотализаторе, посетителям скачек предлагалось принять участие в новой игре «свип-стекс» (англ. *sweepstakes*) (популярный в наше время розыгрыш призов). Однако в связи со «своеобразными условиями» этой игры, еще не известными публике, она не вызвала у нее особого интереса⁸⁸.

Еще одно развлечение, доступное харбинской публике, – тараканьи бега, их реклама опубликована в одном из номеров газеты «Коммерческий телеграф»: «*“Le grand cancrelas”*”: Ипподром тараканов»⁸⁹.

Сделаем небольшое отступление. В тот период тараканьи бега были популярны в другом центре русской эмиграции – Константинополе. «В девятом номере „Зарниц“⁹⁰ за 1921 год находим объявление о том, что бывший петербургский кинопромышленник Абрам Дранков арендовал один из залов „Русского клуба“ на Пере для кафародрома. Выступают звезды-тараканы „Мишель“,

„Мечта“, „Прощай, Лулу“ и „Люби меня, Троцкий“ – фаворит!», – пишет В. Д. Миленко⁹¹. Согласно воспоминаниям Н. Н. Чебышева, в Турции это развлечение как способ заработка организовали два русских беженца. Появление кафародромов было связано с запретом «лоттошных клубов», число которых в Константинополе составляло более четырех сотен⁹². Эту версию появления тараканьих бегов подтверждает и А. Т. Аверченко. Он пишет, что после закрытия полицией действовавших в столице «лоттошных клубов» местные эмигранты организовали в Константинополе новую игру – кафародром⁹³. Слово «кафародром», вероятно, происходит от французского *le cafard* (таракан) и древнегреческого *dromos* (бег, площадь для состязаний в беге).

Из воспоминаний А. Т. Аверченко мы узнаем, что игра была устроена следующим образом: «Есть старт, тотализатор, цвета жокеев, и бегут живые тараканы. Масса народа собирается играть. Есть верные тараканы! Фавориты!!!»⁹⁴. Эту картину дополняет другая, описанная Н. Н. Чебышевым: «Тараканы бегут, запряженные в тележки, бегут, испуганные электрическим светом. На номера, то есть на тараканов, ставят как на лошадей»⁹⁵. Сам кафародром, согласно описанию Н. Н. Чебышева, представлял собой «колоссальный стол» с устроенными на нем желобками, по которым бежали запряженные в проволочные колясочки тараканы⁹⁶.

Не столько развлечением, сколько, скорее, увлечением русских жителей Харбина было гадание. На страницах «Зари» и других газет постоянно размещались объявления о помощи «магов»: хироманток, «предсказательниц тайн человеческой судьбы», графологов, френологов и т. д. Круг предлагаемых ими услуг был широк. Например, одна из предсказательниц обещала излечить от всех «застарелых болезней», подагры, ревматизма, паралича, венерических заболеваний (в особенности сифилиса), от полового бессилья, запоя, дурных привычек у детей и неуспеваемости⁹⁷. Другая – избавить от дефектов, обещая «красоту лица и тела»⁹⁸. Для того чтобы узнать прошлое, настоящее и будущее, можно было обратиться к француженке Виолетт, хиромантке, гадающей по линиям руки, или к приезжей хиромантке Калькас, которая, помимо гадания по руке и на картах, могла трактовать сны⁹⁹.

В то же время у города была темная сторона жизни – криминальная, преступления в нем происходили постоянно. Большая часть газетных полос, сохранившихся в фонде Н. В. Борзова,

посвящена криминальной хронике, которую публика читала с увлечением. Особенно много сведений сохранилось о похождениях бандитов Корнилова и Ломаковского¹⁰⁰. Автор одной из статей писал, что даже если бы войска «красных» вошли в город, это мало бы кого встревожило, так как все обыватели были заняты «наблюдением» за похождениями этих преступников. Последняя новость об этих бандитах, сохранившаяся в фонде Н. В. Борзова, содержала сообщение об их побеге из зала суда благодаря спрятанному в уборной пистолету. Во время погони за ними был убит один из полицейских, а преступников так и не нашли; скорее всего, они скрывались где-то в подворотнях Харбина¹⁰¹.

«Преступную романтику» города в одном из своих фельетонов описал автор под псевдонимом Герцог Лоренцо:

«В английском городке Тентерден нет ни одного жулика. Тюрьма в нем пустует уже 10 лет.

А вот здесь наоборот.
Здесь совсем другой народ.
Здесь едва разинешь рот,
Как тебя уж обокрали.
Здесь воруют в день сто раз,
Убивают каждый час,
Кровь здесь льется, словно квас, —
По Китайской магистрали <...>.

Нет, Харбин — вот уголок!..
Здесь украсть любой бы мог, —
Уж такая атмосфера»¹⁰².

Одним из наиболее преступных районов Харбина был Сунгарийский городок, получивший в народе название Нахаловка. Этот район был расположен между станцией Харбин и главными механическими мастерскими, где жили наименее обеспеченные люди — беженцы, мастеровые и рабочие¹⁰³. В Нахаловке постоянно происходили происшествия, как правило, хулиганские. Например, одним из апрельских вечеров 1924 г. там был избит «двумя хулиганами» служащий внутренней охраны. Как оказалось, нападение было совершено двумя русскими мужчинами, которые избили полицейского «хлыстом и палкой»¹⁰⁴. «Нахаловец» —

понятие, ярко характеризующее жителя района, знакомое всем обитателям Харбина и в некотором смысле бренд¹⁰⁵.

Если бы весь фонд источников исчерпывался данной подборкой, то можно было бы утверждать, что русская эмиграция в Харбине жила, словно обитатели современного мегаполиса. Город быстро развивался, по его улицам рассекали новые автомобили. На бирже шла активная торговля, юридические конторы готовы были помочь при заключении той или иной сделки. Ночью город наполнялся огнями кабаре и ресторанов, в которых выступали знаменитые артисты. Харбин привлекал разных людей – от успешных предпринимателей до мошенников и убийц.

Образ шумного города явно диссонирует с образом города праведного, духовного центра русской эмиграции 1920-х гг. Поток рекламы увеселительных мероприятий, азартных игр, гаданий, сообщения о драках с участием русских эмигрантов рисуют картину повседневной жизни «живого» города, наполненную мирскими развлечениями и пороками.

В чем же причина столь серьезного расхождения между образом Харбина, представленного на страницах газет, и образом города из воспоминаний дальневосточных эмигрантов? Как уже было сказано выше, периодические издания, особенно ежедневные, были нацелены на фиксацию злободневных событий, которые происходили «здесь и сейчас». Их задача заключалась в привлечении максимально широкого круга читателей, поэтому публикация скандальных происшествий, зачастую выставивших Харбин не в лучшем свете, была одним из способов завладеть читательской аудиторией. Обилие рекламы многочисленных кабаре, театров, кафе-штанов объясняется банальной необходимостью привлечения средств на финансирование газеты. Подобные «Заре» дешевые издания были нацелены на массового читателя, это определяло выбор тем публикаций и содержание рекламы. Таким образом, периодической печатью создан образ шумного, божьего Харбина, где высокая русская культура уступила место массовым развлечениям.

В воспоминаниях эмигрантов прошлое рассматривалось в ретроспективе в контексте исторических событий, а не мелких повседневных происшествий. Кабаре и игорные дома не вызывали интерес у авторов воспоминаний, центром притяжения для них был возвышающийся в Харбине храм Покрова Пресвятой Богородицы, символ спасенной русской культуры. Кроме того, многие воспоминания

о Харбине связаны с детством и юностью их авторов. Взрослое поколение эмигрантов, оставивших воспоминания, – в основном люди высокой духовной культуры и воспитания, которых сложно представить среди зрителей борцовских боев или тараканных бегов.

Последний фактор, определяющий различия между двумя образами Харбина, – стремление некоторых эмигрантов представить Харбин именно как один из последних очагов русской культуры, которую большевики активно уничтожали. Падение города, как и падение имперской России, должно было стать предупреждением всему миру о недопустимости любых контактов с «варварским» СССР. По крайней мере, подобная риторика достаточно четко прослеживается в заметках Б. Н. Борзова, написанных в связи с визитом Н. С. Хрущева в Америку¹⁰⁶.

Каждый из образов Харбина несет в себе частичку истории этого удивительного города. Он предстает перед нами, с одной стороны, как бастион русской культуры в Маньчжурии, с другой стороны, как богемный шумный город. Только приняв оба образа Харбина, можно избежать однобокого понимания событий того периода, понять значение города для русской эмиграции.

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: *Сафронова Ю. А.* Историческая память: введение. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. С. 21.

² См.: *Сабенникова И. В.* П. Н. Милуков и идеологические течения в русской эмиграции // П. Н. Милуков: историк, политик, дипломат: мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 26–27 мая 1999 г. М.: РОССПЭН, 2000. С. 384–395; *Старк В. П.* В. В. Набоков и русская эмиграция // *Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.*: сб. ст. СПб.: Лики России, 2000. С. 304–307.

³ См.: *Любин В. П.* Русская культура в эмиграции. Берлин и Париж как главные литературные центры 20–30-х гг. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная литература: реферативный журнал. Сер. 7: Литературоведение.* 1996. № 4. С. 3–25; *Антропов О. К.* Париж как культурный центр зарубежья (1920–30-е гг.) // *Новый исторический вестник.* 2001. № 1. С. 248–252.

⁴ См.: *Крадин Н. П.* Харбин – русская Атлантида. Хабаровск: Издатель Хворов А. Ю., 2001. С. 23.

⁵ Там же.

⁶ См.: *Петров В. П.* Город на Сунгари. Вашингтон: Изд-во Русско-амер. ист. общества, 1984. С. 8.

⁷ См.: *Крадин Н. П.* Указ. соч. С. 11.

⁸ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 89.

⁹ *Крадин Н. П.* Указ. соч. С. 23.

- ¹⁰ См.: Там же.
- ¹¹ См.: *Петров В. П.* Указ. соч. С. 8.
- ¹² См.: Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. С. 11.
- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ См.: *Капран И. К.* Повседневная жизнь русского населения Харбина: конец XIX в. – 50-е гг. XX в.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Владивосток, 2007. С. 123, 128.
- ¹⁷ См.: *Гончарова Н. В.* Формирование русской диаспоры в Харбине в воспоминаниях эмигрантов (1917 – начало 1930-х гг.) // *Россия и Китай: взаимодействие культур.* Пекин; Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та, 2010. С. 36.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 89.
- ¹⁹ См.: *Серебренников И. И.* К характеристике быта линейных служащих Китайской Восточной железной дороги // *Русское обозрение.* Пекин. 1921. № 5. С. 226–236.
- ²⁰ См.: *Комин В. В.* Политический и идейный крах русской мелкобуржуазной контрреволюции за рубежом. Калинин: Изд-во Калинин. ун-та, 1977; *Барихновский Г. Ф.* Идейно-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921–1924 гг.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1978; *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987.
- ²¹ См.: *Иоффе Г. З.* Крах российской монархической контрреволюции. М.: Наука, 1977. С. 303.
- ²² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 80, 89.
- ²³ *Рерих Н. К.* Священный дозор. Харбин: [б. и.], 1936.
- ²⁴ *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991.
- ²⁵ *Таскина Е. П.* Неизвестный Харбин. М.: Прометей, 1994.
- ²⁶ *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. *Е. П. Таскиной.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- ²⁷ *Крадин Н. П.* Указ. соч.
- ²⁸ *Булатов И. А.* Русские детско-юношеские организации Харбина в 1920–1930-е гг. в современной отечественной историографии // *Genesis: исторические исследования.* 2021. № 9. С. 67–77.
- ²⁹ *Тюнин М. С.* Указатель периодических и повременных изданий, выходивших в г. Харбине на русском и других европейских языках по 1 января 1927 г. Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1927; Diao Shaohua (2001) Краткий обзор истории русской печати в Харбине. *Revue des études* 73 (2): 403–445; Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энцикл. справочник / сост. *П. Н. Базанов.* М.: Формат Т, 2005; *Хисамутдинов А. А.* Русское слово в стране иероглифов: к истории эмигрантской печати, журналистики, библиотековедения и архивов. Владивосток: Изд-во Дальнево-сточ. ун-та, 2006; *Сунь Ляу, Куличкина Г. В.* Русская пресса в Харбине (1920-е годы) // *Филология в XXI веке.* 2021. № 2 (8). С. 4–11.
- ³⁰ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11.
- ³¹ *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. *Е. П. Таскиной.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998.
- ³² См., например: *Гончаренко О. Г.* Русский Харбин. М.: Вече, 2009. С. 24.

- ³³ *Несмелов А. И.* Стихи о Харбине. Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_\(Несмелов\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Стихи_о_Харбине_(Несмелов))
- ³⁴ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 89.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ См.: *Байков Н. А.* Мой приезд в Маньчжурию // *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. *Е. П. Таскиной*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 8.
- ³⁷ См.: *Ильина Н. И.* Дороги и судьбы. М.: Сов. писатель, 1985. С. 67.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 81.
- ³⁹ Там же. Л. 26.
- ⁴⁰ См.: *Падерин Н.* Церковная жизнь Харбина // *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. *Е. П. Таскиной*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 27.
- ⁴¹ См.: *Анчужова Н. А.* О гимназии ХСМЛ и о нашем классе // *Русская Атлантида*. 2005. № 15. С. 16.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 82.
- ⁴³ Там же. Л. 76.
- ⁴⁴ См.: *Русский Харбин* / сост., предисл. и коммент. *Е. П. Таскиной*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998; *Русская Атлантида*: журнал. Челябинск, 1998–2023.
- ⁴⁵ *Несмелов А. И.* Указ. соч.
- ⁴⁶ См.: *Хисамутдинов А. А.* Указ. соч. С. 62.
- ⁴⁷ *Сунь Луя, Куличкина Г. В.* Указ. соч. С. 5.
- ⁴⁸ См.: *Хисамутдинов А. А.* Указ. соч. С. 63.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Заря. 1922. № 113. Май, 22. С. 1.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См.: *Издательства и издательские организации русской эмиграции 1917–2003 гг.: энцикл. справочник* / сост. *П. Н. Базанов*. М.: Формат Т, 2005. С. 72–73.
- ⁵³ См.: *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ, 1997. С. 79.
- ⁵⁴ См.: *Капран И. К.* Указ. соч. С. 172.
- ⁵⁵ См.: Там же. С. 170.
- ⁵⁶ Там же. С. 170–171.
- ⁵⁷ См.: *Старосельская Н. Д.* Повседневная жизнь «Русского Китая». М.: Молодая гвардия, 2006. С. 92.
- ⁵⁸ Заря. 1921. № 47. Мар., 3. С. 1.
- ⁵⁹ Там же. С. 2.
- ⁶⁰ См., например: Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 2; Заря. 1921. № 31. Фев., 13. С. 3.
- ⁶¹ См., например: Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 2; Заря. 1921. № 31. Фев., 13. С. 1; Заря. 1922. № 113. Май, 22. С. 2; Свет. 1922. № 1036. Ноябрь, 17. С. 2.
- ⁶² Заря. 1922. № 123. Июнь, 3. С. 1.
- ⁶³ Заря. 1922. № 113. Май, 22. С. 1; Заря. 1922. № 114. Май, 23. С. 1.
- ⁶⁴ См.: Свет. 1922. № 1036. Ноябрь, 17. С. 2.
- ⁶⁵ См.: *Русский голос*. 1924. № 1086. Апр., 9. С. 3.
- ⁶⁶ См.: Заря. 1922. № 115. Май, 24. С. 3; Заря. 1922. № 126. Июнь, 8. С. 1.
- ⁶⁷ См., например: Заря. 1921. № 47. Мар., 3. С. 1–2; Заря. 1922. № 114. Май, 23. С. 2; Заря. 1922. № 115. Май, 24. С. 3; Заря. 1922. № 116. Май, 26. С. 2; Заря. 1922. № 126. Июнь, 8. С. 1; Заря. 1922. № 262. Ноябрь, 22. С. 3.

- ⁶⁸ См.: Заря. 1922. № 113. Май, 22. С. 2; Заря. 1922. № 114. Май, 23. С. 2; Заря. 1922. № 125. Июнь, 7. С. 2.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Заря. 1922. № 262. Ноябрь, 22. С. 3.
- ⁷¹ Заря. 1922. № 122. Июнь, 2. С. 3.
- ⁷² См.: Коммерческий телеграф. 1922. № 94. Окт., 9. С. 1.
- ⁷³ См.: Коммерческий телеграф. 1922. №№ 94–97.
- ⁷⁴ Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 1.
- ⁷⁵ Коммерческий телеграф. 1922. № 94. Окт., 9. С. 1; Заря. Внеочередной воскресный выпуск. 1921. № 10. Июль, 24. С. 1; Заря. 1921. № 29. Дек., 4. С. 1.
- ⁷⁶ См.: Коммерческий телеграф. 1922. № 94. Окт., 9. С. 1.
- ⁷⁷ Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 1.
- ⁷⁸ Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 1; Заря. Внеочередной воскресный выпуск. 1921. № 10. Июль, 24. С. 1; Русский голос. 1922. № 681. Ноябрь, 18. С. 1.
- ⁷⁹ Заря. 1922. № 120. Май, 31. С. 3.
- ⁸⁰ Заря. 1922. № 262. Ноябрь, 22. С. 1.
- ⁸¹ См.: Там же.
- ⁸² См.: Там же.
- ⁸³ Заря. 1921. № 32. Фев., 15. С. 3.
- ⁸⁴ Заря. 1921. № 31. Фев., 13. С. 3.
- ⁸⁵ См.: Там же.
- ⁸⁶ Заря. 1922. № 113. Май, 22. С. 3.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Коммерческий телеграф. 1922. № 94. Окт., 9. С. 1.
- ⁹⁰ Подробнее об этом периодическом издании см.: *Николаев Д. Д.* Зарницы // Литературная энциклопедия русского зарубежья, 1918–1940. 2-е изд. Т. 2. / под ред. *Н. А. Богомолова*. М.: Полит. энцикл., 2000. С. 147–151.
- ⁹¹ *Миленко В. Д.* Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 225.
- ⁹² *Чебышев Н. Н.* Близкая даль. Париж: [б. и.], 1933. С. 299–300.
- ⁹³ См.: *Аверченко А. Т.* Записки простодушного: эмигранты в Константинополе. М.: Издание Н. С. Шуленина, 1922. С. 57–58.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ *Чебышев Н. Н.* Указ. соч. С. 300.
- ⁹⁶ См.: Там же.
- ⁹⁷ См.: Заря. 1922. № 262. Ноябрь, 22. С. 3.
- ⁹⁸ Заря. 1921. № 31. Фев., 13. С. 3.
- ⁹⁹ См.: Заря. 1921. № 30. Фев., 12. С. 3.
- ¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 12. Л. 647, 655.
- ¹⁰¹ Там же. Л. 655.
- ¹⁰² Заря. 1922. № 118. Май, 29. С. 3.
- ¹⁰³ См.: *Капран И. К.* Указ. соч. С. 134.
- ¹⁰⁴ Русский голос. 1924. № 1086. Апр., 9. С. 3.
- ¹⁰⁵ См.: Заря. 1922. № 115. Май, 24. С. 2.
- ¹⁰⁶ См.: ГАРФ. Ф. 10143. Оп. 11. К. 1. Л. 109.

УДК 94 (47).084.3 + 327
ББК 66.4 (0) + 63.3 (2) 612-9
А 72

С. А. Антропов, бакалавр факультета журналистики МГУ имени
М. В. Ломоносова
E-mail: Stepan-antropov@yandex.ru

СИМФЕРОПОЛЬСКАЯ ГАЗЕТА Б. А. СУВОРИНА «ВРЕМЯ» КАК ПРИМЕР ПЕЧАТИ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ

В статье рассматривается симферопольская газета Б. А. Суворина «Время», выходившая недолго в период, когда власть в Крыму (с апреля по ноябрь 1920 г.) принадлежала П. Н. Врангелю. Издатель газеты и талантливый журналист Б. А. Суворин в своих многочисленных статьях доказывал, что единственной исторической национальной идеей русского народа является монархизм. Среди других центральных тем газеты – помощь фронту, консолидация общества, Белое движение как авангард борьбы с большевизмом, судьба России и стран Антанты, Версальский договор и послевоенное устройство мира. Интерес с исследовательской точки зрения представляют и взаимоотношения крымской прессы в целом и газеты «Время» в частности с правительством Врангеля накануне Русского исхода. Привлекает внимание размещенная в газете реклама театральных постановок, цирковых представлений, кинопоказов, свидетельствующих о насыщенной культурной жизни Крыма в 1920 г. Газета дает представление о буднях полуострова, о проблемах его обывателей. «Время» как информационный источник помогает глубже понять события того исторического периода.

Ключевые слова: Гражданская война, Крым, Врангель, Суворин, газета «Время».

THE SIMFEROPOL NEWSPAPER OF B. A. SUVORIN VREMYA AS AN EXAMPLE OF THE PRESS OF THE WHITE MOVEMENT

The article examines the Simferopol newspaper of B. A. Suvorin Vremya, which was published briefly during the period when power in the Crimea (from April to November 1920) belonged to P. N. Wrangel. The newspaper publisher and talented journalist B. A. Suvorin in his numerous articles proved that the only historical national idea of the Russian people is monarchism. Other central topics of the newspaper include assistance to the front, consolidation of society, the White Movement as the vanguard of the struggle against Bolshevism, the fate of Russia and the Entente countries, the Treaty of Versailles and the post-war world order. From a research point of view, the relationship of the Crimean press in general and Vremya newspaper in particular with the Wrangel government on the eve of the Russian exodus is also of interest. The advertising of theatrical productions, circus performances, film screenings, testifying to the rich cultural life of the Crimea in 1920, attracts attention. The newspaper gives an idea of the life of the peninsula, about the problems of its inhabitants. Vremya newspaper as an information source helps to better understand the events of that historical period.

Key words: Civil War, Crimea, Wrangel, Suvorin, Vremya newspaper.

В истории России период с апреля по ноябрь 1920 г. – короткий, но насыщенный событиями. П. Н. Врангель, как Главнокомандующий и Правитель Юга России, сосредоточил в Крыму все военно-политические силы Белого движения. Хотя барон «рассматривал Крым как временное прибежище армии до того момента, как флот будет готов к эвакуации за границу»¹, он пытался построить здесь новое государство: «Врангель сосредоточился не только на военных действиях, но и на создании реальной государственности, на управлении Югом России, как настоящим возродившимся государством Россия»². В общее направление государственного курса должна была войти и печать³. «И печать это сделала <...>», – пишет Д. Маслов⁴.

Крымская пресса того периода времени «пестрела разнообразием, здесь выходили и имели своих читателей газеты всех направлений: монархические, праволиберальные, религиозные, черносотенные, леволиберальные и даже социалистические»⁵.

Периодическая печать контролировалась цензурой⁶, издания, нарушающие требования цензуры, закрывались, а виновных в публикации провокационных статей предавали суду⁷. Так, после публикации 29 июня 1920 г. в газете «Русская Правда» двух статей, по мнению Врангеля, «„антисемитского направления“», которые были пропущены военным цензором⁸, барон 30 июня 1920 г. выпустил новый приказ о недопустимости любой национальной, классовой и партийной вражды. Этим же приказом газета «Русская Правда» была закрыта⁹. 2 июля была закрыта газета Б. А. Суворина «Вечернее Время» из-за статьи, «„недопустимой по отношению дружественной страны“ и приводящей факты, „не соответствующие действительности“»¹⁰. Суворин начал издавать газету под другим названием – «Время».

Отметим, что в нашем распоряжении был лишь один номер газеты «Время» в полном объеме – это № 76 от 22 октября (9 октября по ст. ст.) 1920 г. Другие номера газеты за октябрь 1920 г. сохранились фрагментарно.

Газета «Время»: характеристика

Газета «Время» представляла собой частное издание правого толка и, по мнению Д. Маслова, была «третьей газетой в Симферополе, имевшей определенное влияние и большой круг читателей, преимущественно из среды гвардейского офицерства <...>»¹¹.

Датировать начало выпуска газеты «Время» с полной уверенностью мы не можем. В № 76 от 22 октября 1920 г. описывается забастовка шахтеров в Лондоне, состоявшаяся 21–22 октября. Путем математических расчетов мы попытались вычислить дату выхода первого номера газеты: по нашему мнению, это 26 июня (в тот день Врангель огласил приказ об информации, пропаганде и делах печати¹²). Выпуск газеты прекратился с приходом большевиков: 12 ноября они взяли Перекоп, а уже 13 ноября заняли Симферополь, где находилась редакция «Времени».

Стоимость крымских газет из-за дороговизны бумаги и типографского труда была довольно высокой¹³. Курс рубля постоянно падал, цены росли¹⁴. «Вообще дороговизна газет была самым уязвимым местом крымской печати», – пишет журналист Г. В. Немирович-Данченко, в то время начальник отдела печати Гражданского управления правительства Юга России¹⁵. Цена за номер газеты в Крыму варьировалась в августе 1920 г. от 500 до

800 рублей¹⁶. Такая «непомерно высокая цена» отпугивала даже довольно состоятельный круг обывателей полуострова¹⁷. Номер газеты «Время» стоил 500 рублей¹⁸. Для сравнения: один фунт (или 400 граммов) хлеба в сентябре 1920 г. в Крыму стоил 800 рублей¹⁹. На железнодорожных станциях «Время» продавалось на 50 рублей дороже²⁰. Была доступна подписка на газету: на месяц она обошлась бы в 10 тыс. рублей²¹. Оформить полугодовую или годовую подписку редакция не предлагала. Интересно, что для офицеров и других военнослужащих, а также для врачей и санитаров лазаретов цена газеты при покупке в «конторе» составляла 400 рублей, а подписка на месяц – 8 тыс. рублей²².

Редакция газеты

Борис Алексеевич Суворин был в газете «концертмейстером и дирижером», на долю других сотрудников «выпало играть здесь лишь вторую скрипку»²³. Суворин, несомненно, превосходил их всех своим талантом²⁴, и едва ли не половина статей была написана им самим. С октября 1920 г. Б. А. Суворин находился в эмиграции: в Париже, Шанхае, Панчево он продолжил журналистскую деятельность. Написал книгу воспоминаний (издана в 1922 г.)²⁵ и два романа (изданы в 1927 и 1932 гг.)²⁶.

Редактором «Времени» был Павел Александрович Никашин. Прежде он работал присяжным поверенным в Москве, затем присоединился к Белому движению, в 1919 г. стал сотрудничать с газетами Суворина. С 1927 по 1933 г. П. А. Никашин – член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии²⁷.

Константин Яковлевич Шумлевич до Октябрьской революции – многолетний сотрудник петербургского «Нового Времени». После октябрьских событий бежал в Крым, писал статьи для газет Б. А. Суворина. В 1920 г. эмигрировал в Белград. Автор публикаций эмигрантской газеты «Новое Время»²⁸. В 1925 г. выпустил сборник стихов²⁹, в 1938 г. – книгу «Памяти Куприна»³⁰.

Дела в редакции газеты шли не лучшим образом, редакторы, журналисты, наборщики конфликтовали из-за зарплаты. Д. Маслов в связи с этим пишет: «Особенно частые столкновения происходили в типографии Бориса Суворина. По словам одного очевидца, эти постоянные конфликты очень часто переходили в форменную драку, причем сам редактор, редко бывавший трезвым, принимал в них активное участие. Но наборщикам уплачивали, сколько они

требовали, и работа продолжалась»³¹. Повышения зарплаты работники типографии добивались буквально с боем, что отражалось на качестве издания, и как следствие – сбитые шрифты и небрежная верстка³². Кроме того, газета испытывала перебои с бумагой. Так, Я. А. Слещов-Крымский, «не выдержав», в рапорте П. Н. Врангелю от 5 апреля 1920 г. писал: «1) Печать, идущая на помощь фронту, остается без бумаги, либо болтается из стороны в сторону; 2) Интриги вызывают самые дикие слухи, <...> намечаются новые газеты, когда не хватает бумаги для старых <...>»³³.

В Симферополе редакция газеты «Время» располагалась на улице Лазаревской (ныне улица Ленина), в то время это была окраина города (сейчас район Симферополя, где находилась редакция, называется Старый город). Типография газеты находилась на улице Кантарной (ныне улица Чехова), в доме 20 (здесь же до июля 1920 г. печаталась крымскотатарская газета «Миллет»). Большинство крымских изданий получали субсидии от правительства³⁴. Газета «Время» тоже «пользовалась субсидиями, правда, не систематическими, со стороны Врангеля и Кривошеина»³⁵. Если субсидии задерживали, то газета выступала с право-оппозиционными статьями, хлестко критикуя власть «в пределах дозволенного»³⁶.

Б. А. Суворин о том периоде вспоминал: «Бумаги не было, а если и была, то ее расхищали или пользовались ей как <...> бездарные чиновники. Рабочий труд был поставлен отвратительно. Наборщик зарабатывал значительно больше, чем писатель. Вся жизнь наша была сплошная борьба с начальством, с поставщиками, с рабочими. Все они, ничего не понимая в деле, выжимали из нас последние соки, но все же мы, русские газетчики, жили. Я не был в Крыму (я выехал за месяц по делам в Париж, когда ничего не угрожало армии), когда наши газеты, опять-таки последние, должны были его покинуть, но до конца мы оставались верными Армии. Моя жена пробовала из Севастополя пробраться в Симферополь и уехала действительно последней. <...> я <...> горжусь тем, что никогда не падал духом, что наследство моего отца осталось в хороших руках»³⁷.

Темы и проблемы на страницах газеты

«Любимой темой Суворина <...> было доказательство того, что только идея монархизма способна возродить Россию, что только эта идея является исторической национальной идеей русского народа <...>», – пишет Д. Маслов³⁸.

Следующая центральная тема – поиск тех, кто несет ответственность за приход к власти большевиков и Гражданскую войну. Виноваты в этом А. Ф. Керенский, страны Антанты, пытающиеся наладить отношения с советской Россией и отказывающие Белому движению в увеличении помощи; виноваты все лица, подписавшие Версальский договор, оскорбивший международное право и фактически признавший власть большевиков. Виноваты главы пролетарских движений и профессиональных союзов, которые думают лишь о личной выгоде, а также рабочие, слепо верящие руководству этих движений. Словом, виноваты все, кроме интеллигенции, которая, однако, не торопится помогать фронту. Но больше других виноват Керенский, который продолжает работать в Европе в угоду большевистских интересов. Несколько месяцев его правления газета называет «эпохой позора Керенского». В статье «Противник» говорится, что Керенский в интервью немецкому изданию заявил, что он решительный противник Врангеля и что иностранная помощь Врангелю склоняет на сторону советской власти все классы России. Для правительства Врангеля подобное заявление бывшего главы Временного правительства было довольно чувствительным, лидеры Белого движения всеми силами пытались добиться военной и экономической помощи от стран Антанты. Поэтому публикация должна была, с одной стороны, дискредитировать Керенского в глазах сочувствующих ему крымчан и беженцев, с другой стороны, объяснить читателям, что Керенский действует на самом деле в интересах большевиков.

Еще одна важная тема – помощь армии. В октябре 1920 г. газета пишет, что в армии нет одежды, продовольствия; не хватает врачей и сестер милосердия. Военные испытывают проблемы с личной гигиеной, из-за которых могут распространяться болезни. Автор добавляет, что настоящее политически зрелое общество, способное противостоять большевикам, появится только при условии, если забота об укреплении фронта станет заботой каждого: «Власть и Армия вправе ожидать и властно требовать от общественных сил поддержки в делах насаждения новой государственности».

Газета стремится объединить разрозненные политические силы, призывает к консолидации общества, которая, по ее мнению, поможет переломить ход войны; выступает как оплот армии и правительства, участвует в формировании культа личности Врангеля,

его политику и указы не критикует. В статьях барон фигурирует как «Правитель», «Главкомандующий», «Вождь», о его Армии говорится как о самой сильной в мире. И все это преподносится в довольно торжественном ключе, с призывом поддержать Вождя и Армию: «Нужно ответить действительной, дружной поддержкой и Армии, и Вождя в дни тяжелого испытания, в необходимой для жизни России борьбе». На первой полосе газета объявляла о сборе пожертвований на нужды солдат: вещи, табак, деньги можно приносить в редакцию ежедневно.

Однако созданный Врангелем «с таким трудом в кратчайшие сроки гражданский и политический мир»³⁹ рушился. Крымские газетчики это понимали, и «ура-патриотические вопли»⁴⁰ под льстивыми заголовками соседствовали с печальным и сухим описанием событий на фронте и проблем в армии. Газета писала об отсутствии поддержки среди населения, о продвижении большевиков, однако их победы преподносились как успехи временные.

Следующая тема, освещаемая на страницах газеты, – экономический кризис. Так, А. Курганский в статье «Нужен ответ» пишет, что крымское общество «вяло относится к Власти, <...> личные интересы каждого преступно возобладали над общими». В белой печати земельная и другие реформы Врангеля восхваляются, однако «Время» эти реформы оценивает иначе: их положительные результаты практически незаметны из-за массовой спекуляции, экономической анархии, падения курса рубля и резкого роста цен. Свою роль в сложившемся положении дел, по мнению газеты, играют и представители рабочего класса, среди которых до сих пор сохраняется высокий уровень поддержки левых идей. Рабочие устраивают забастовки, мародерствуют, грабят. Но виновны в их «разврате» воспитанные на «заграничных теориях» руководители левых движений, которые не только организывают это мародерство, но и эксплуатируют рабочих круговой порукой, забывая при этом о традиционном артельном деле. Именно их в первую очередь журналисты винят в проблемах, связанных со снабжением фронта.

Репортажи военных корреспондентов

В центре второй полосы газеты помещались новости с фронта. Сначала под рубрикой «Сообщения ставки» публиковалась официальная информация, обычно это были сухие и короткие сводки событий на поле военных действий. Затем следовали

репортажи военных корреспондентов. Один из таких корреспондентов, публиковавший под псевдонимом К. Мега, работал в районе Мелитополя и Александровска (ныне город Запорожье) через несколько недель после того, как эти населенные пункты заняли белые. В репортаже «Раны земли»⁴¹ он описывает жизнь тех мест после ухода большевиков. Сначала журналист критикует корреспондентов, рассказывающих выдуманные истории о встрече с большевиками и в то же время умалчивающих о положении дел в этих краях. По его мнению, сейчас эти земли представляют собой «кладбище бывшего богатого хозяйства и иллюзию коммунистического опыта»⁴². Корреспондент описывает разрушенные дома, в которых побывали мародеры, разграбленные барские усадьбы и Свято-Григорьевский Бизюков монастырь⁴³. Особенно впечатляет журналиста тот факт, что из зданий украдено все железо. Однако он добавляет, что виной всему местные крестьяне, которые воспользовались анархией. Далее следует диалог с местными жителями: они рассказывают, как большевики запугивали их приходом белых. Вокруг – тотальная бедность, печи растапливаются книгами и архивами Бизюкова монастыря. Журналист удивляется: как случилось, что местные крестьяне, православные верующие, так поступили с монастырем? На этот вопрос он не отвечает, предоставляя возможность сделать это читателю. Однако ответ напрашивается сам собой: виноваты большевики. В конце статьи автор описывает ужасы советской мобилизации: людей идти на фронт заставляют – рабочие заводов бросают жребий, мобилизуют и женщин. Кроме того, большевики готовы даже пойти на уступки Польше, лишь бы добить Врангеля. Заканчивается репортаж ироничной зарисовкой: перед тем как большевики ушли из Александровска, в город приезжал Л. Д. Троцкий. Однако он настолько сильно боялся белогвардейцев, что даже не вышел из вагона поезда⁴⁴. Этот факт должен был, с одной стороны, унижить Троцкого и советскую власть, показать их слабыми и трусливыми, с другой стороны, подчеркнуть силу белой агентуры.

Репортаж «Раны земли» свидетельствует о профессионализме журналиста. К тому же поражают сроки публикации репортажа: К. Мега находился, как уже упоминалось, в районе Мелитополя и Александровска, а репортаж напечатан в Симферополе через четыре дня после его написания. Журналистам газеты «Время» удалось наладить связь с военными корреспондентами, что

позволило получать от них оперативную по меркам того времени информацию. Благодаря таким ярким, насыщенным фактами и быстро опубликованным материалам газета Б. А. Суворина могла выдерживать конкуренцию с другими крымскими изданиями.

Подобные материалы особенно сильно действовали на читателей. Целью газеты было не только описать ужас, творимый большевиками, но и доказать полную несостоятельность большевистских сельскохозяйственных реформ. Таким образом, контраст между пропагандируемой земельной реформой Врангеля и сельскохозяйственными реформами большевиков становился очевидным.

Идейная направленность газеты

Суворин, часто публиковавшийся под псевдонимами⁴⁵, доказывал состоятельность абсолютизма и монархизма. Передовицы, отражавшее его идейную позицию, выходили «под заглавием» «День за днем»⁴⁶. Он продвигал идею восстановления монархии как необходимую и единственно возможную «национальную идею русского народа»⁴⁷; считал, что «все зло происходит от масонов и евреев, задумавших погубить Россию»⁴⁸.

В контексте ультраправых идей на страницах газеты фигурировал император Николай II. Так, граф Н. Зубов писал: «Правда, жестоко оставлять наших братьев в Совдепии в рабстве даже лишний день. Но преждевременное спасение России только погубит ее, и вместо нынешней революции грянет другая. Подождем, пока весь народ от мала до велика, с голыми руками, встанет, как один, и с воплем: „хозяина!“ двинется вперед. Тогда наступит настоящий час. То будет час гибели коммунизма. То будет час оздоровления России». Николай II был таким хозяином – семьянином и религиозным патриотом. Газета одной из первых стала готовить эмигрантскую почву для дальнейшей канонизации царя, называя его праведником.

Октябрьская революция на страницах газеты – это «презренный заговор», большевики – «изменники Родины», «красные дьяволы», «красные гады», «смертельная зараза», «революционная зараза»: «Против Совдепии должна быть мобилизована не только вся рать, но и наука, торговля, капитал, промышленность. Только тогда все эти силы, сплоченные единой волей Вождя, встанут плечом к плечу во имя единой заветной идеи, в нашу жизненную силу поверит Запад, которого так ждут и не дождутся».

Газета сравнивала Гражданскую войну со Смутным временем в контексте идеи возрождения России и поднятия русского духа. Так, отмечалось, что и в XVII в., и в XX в. Москва играет ключевую роль в управлении государством. Врангель сравнивался с Пожарским, белогвардейские офицеры – с Прокопием Ляпуновым. Подобное сравнение должно было подчеркнуть и стремление России к единству («единая, великая и неделимая Россия»⁴⁹), и к историзации Белого движения как продолжателя традиционных национально-освободительных сил. Кроме того, проводилась параллель между польско-литовскими захватчиками и большевиками (о последних говорилось как о немецких шпионах).

Отношение к странам Антанты

Отношение к странам Антанты было восторженным, но в то же время, в случае каких-либо недопониманий, звучали призывы к Антанте пересмотреть свою позицию. Переговоры с Антантой являются одной из главных тем аналитических статей, посвященных вопросам внешней политики. Основным союзником правительства Врангеля газета считает Францию. Верховный комиссар Франции де Мартель в своей речи, опубликованной в № 76, подчеркивает «многолетние дружеские связи французского и русского народов»⁵⁰ (о белом правительстве он говорит как о единственном законном правопреемнике царского правительства). Брест-Литовский мир газета называет предательством, которое было совершено меньшинством против желания большинства, идеи большевиков в этом случае становятся навязанными порядками, тогда как большая часть населения России выступает решительно против сложившегося положения дел. Франция также комплементарно описывается как страна, открыто отказавшаяся от любых соглашений с большевиками, так как они поставили себя выше законов цивилизованного общества (таковым журналисты считают страны Антанты). Газета пишет, что Франция «с чувством искреннего расположения приветствовала создание демократического правительства, относящегося с уважением к национальным стремлениям и опирающегося на армию, тесно связанную с народом»⁵¹.

Газета искренне верит, что Франция, как основной союзник, окажет помощь Белому движению. Врангель получил от Франции «нравственную поддержку, а также и материальную помощь

в пределах возможного»⁵². Однако поддержки «в пределах возможного» было недостаточно, поэтому газета заявляет, что ждет введения французами войск и увеличения размеров помощи. Отметим, что Францию газета называет «близким другом» и «соратником», но как о военном союзнике о ней не говорит.

Увеличение размеров помощи становится одной из ключевых тем газеты. Журналисты считают, что в перспективе, после увеличения размеров помощи, договор об окончании Гражданской войны может быть подписан только в Москве и только после казни В. И. Ленина. То есть правительство Врангеля вопрос о провозглашении независимости Крыма как самостоятельного государства и сохранении «белого» влияния исключительно на полуострове не рассматривало. Возможно, это было одной из слабых сторон политики Врангеля: идея создания независимого «белого» государства в Крыму могла бы внушить надежду гражданскому населению и военным, консолидировать общество. Однако желание дойти до Москвы и, следовательно, притязание на всю территорию России вызывали сомнения и у крымского общества, и у представителей Антанты, хотя последние вместо словосочетания «белая армия» употребляли «русская армия», подчеркивая тем самым статус П. Н. Врангеля как потенциального правителя всей России, а не только Крыма.

В материалах, посвященных переговорам с Антантой, Крым Врангеля называется «русской землей» и «национальной Россией». Отмечается, что основная задача Белого движения – «возрождение России»: «Нами движет не дух завоевания, а непреклонное решение освободить русский народ от тирании и дать возможность ему самостоятельно выбрать свою судьбу». Этой формулировкой подчеркивалась демократическая политика Врангеля, авторитарное же сосредоточение власти в его руках – временное, но после победы над большевиками народ России самостоятельно выберет форму правления.

Газета рьяно критиковала нерешительность союзников в вопросах помощи Врангелю, а также их сомнения в победе Белого движения. Журналисты придумали интересный образ Белой армии: она представляла собой силы цивилизованного европейского мира, сдерживающие экспансию варваров-большевиков не только в Европе, но и во всем мире. Поэтому любые размышления стран Антанты о перемирии рассматривались как действия

в пользу красных и, следовательно, против цивилизованного мира. Б. А. Суворин в одной из статей пишет: «Надо признать большевистскую опасность как мировую опасность гораздо большую, чем немецкий милитаризм <...>. Наша армия – это героический авангард всего, что неминуемо будет бороться с большевизмом, и так надо смотреть на оказываемую нам всегда недостаточную помощь».

В статье «Плохая политика»⁵³ критикуются попытки Британии наладить отношения с советской Россией. По мнению автора, Европа не осознает опасности большевизма и следующими, кто пострадают от большевиков, будут именно европейцы.

«Время» о немецком национализме

Газету беспокоит не только дальнейшая судьба России, но и Германии. Германия «задыхается под бременем» репараций, а сами немцы испытывают огромное чувство ненависти к англичанам и французам. Версальский договор был несправедливым, страны, его подписавшие, осквернили международное право: «Версальский мир – дело не великих умов. Раскроить земли побежденных, ослабить их для полной гарантии собственной безопасности и взять что можно, а что нельзя на пополнение убытков – вот что было главными побуждениями Версальского мира»⁵⁴. «Время» предсказывает рост национализма в Германии. По мнению газеты, Австрия и Бавария объединятся и появится единое государство, а зарождающийся в Северной Германии либерализм будет уничтожен. «Время» настаивает на неизбежном экономическом союзе России и Германии.

Журналист К. Я. Шумлевич в 1920 г. побывал в Берлине и красочно описал жизнь в послевоенной Германии: «На улицах пусто, железнодорожное сообщение работает через раз, вообще нет полицейских (а те, что есть – без оружия, так как так постановил Версальский договор), еда стоит дорого (обед в ресторане – 8 марок), город перенаселен (стоимость одной комнаты – 60 марок в день), повсюду на улицах раненые солдаты-инвалиды, просящие милостыню, неконтролируемое воровство и мародерство, работают все, все партии, и все думают только о мести, думают только о реванше, о новой борьбе с Антантой»⁵⁵. Правительство Германии умеренно левое, и население страны только и говорит о новом рейхе и восстановлении империи. Во всех домах висят портреты

кайзера Вильгельма. Офицеры и высокие армейские чины придерживаются ультраправых взглядов, пресса – умеренных⁵⁶.

К. Я. Шумлевич описывает и митинг рабочих в Берлине под руководством генерала Гофмана, который закончился общим скандированием фразы *Deutschland über alles* (в пер. с нем. «Германия превыше всего» – первая строка «Песни немцев». – *Прим. авт.*). Журналист отмечает: «В большом фаворе патриотический дух. В Берлине патриотический дух силен, как никогда»⁵⁷. В статье говорится о сочувствии Германии, проводится параллель с советской Россией: Германия без императора – как город без хозяина, так же, как и Россия. России нужен такой же патриотический настрой, как в Германии, такое же единение нации и такое же отношение к врагам – большевикам, которых немцы ненавидят; однако еще сильнее немцы ненавидят и презирают поляков (упоминается, что жители польского города Познань выступают за возвращение Польши в состав Германии). В статье также говорится, что население Берлина хорошо относятся к русским белым эмигрантам (в Берлине их насчитывается около 100 тыс.⁵⁸); что в Берлине работает Амбулатория Российского Общества Красного Креста (помощь больным здесь оказывается на благотворительных началах⁵⁹). Немцы надеются на союз с белыми, они должны объединиться в борьбе с большевиками; «в общественно-политических кругах Берлина называют войну с Германией ошибкой России. В остальном немцы весьма скрытны и неохотно говорят о своих планах <...>»⁶⁰.

Статья, в которой говорится о необходимости союза с «националистической Германией», по нашему мнению, бесценна как исторический документ. Журналист явно восторженно описывает националистический подъем в Берлине, в том числе скандирование «Германия превыше всего»; он фиксирует и антипольские настроения, и реваншизм среди рабочих, и полное недоверие новой власти, и рост настроений, поддерживающих возрождение рейха. По его мнению, союз России и Германии необходим для восстановления былого величия обеих держав путем милитаризации и подъема национального духа (конечно, тогда журналисты и представить не могли, к чему в Германии приведет такой «национальный подъем» и желание восстановить рейх).

Газета о буднях полуострова

В рубриках «Хроника» и «Происшествия» публиковались новости, не связанные с деятельностью правительства. Например, о проведении съезда Русских национальных общин; о пожертвовании Симферопольской городской управой в пользу фронта 500 млн рублей; о предоставлении специального отпуска для сдачи сессии студентам, которые находятся на военной службе; о запуске железнодорожной ветки «Севастополь – Александровск»; о крупной краже одежды на сумму 2 млн рублей у гражданина Турции, произошедшей в Симферополе. Таким образом, благодаря хронике мы узнаем о буднях гражданского населения Крыма в тот период времени.

Реклама в выпусках газеты

Стоимость рекламы в газете зависела от полосы. Так, одна строка на первой полосе стоила 300 рублей, на второй и третьей – 400 рублей, на четвертой – 200 рублей⁶¹.

Рекламных объявлений в газете было немало. На первой полосе сообщалось о театрализованных представлениях, гастролях в Симферополе известных исполнителей, например, Павла Троицкого, Александра Вертинского, о спектаклях московских, петроградских и варшавских театров, о премьерах Театра Таврического дворянства (ныне Крымский академический русский драматический театр имени М. Горького). В репертуаре театра – спектакли по мотивам произведений Л. Н. Андреева, И. С. Тургенева, Э. Ростана. Спектакли шли ежедневно. Здесь же реклама кинопоказов с участием Натальи Кованько, Веры Холодной. Кроме того, на первой полосе сообщается о выступлении артистов цирка Нельсена. Стоимость билета на представление варьировалась от 600 до 2 тыс. рублей. Если зритель приносил вещи для фронта, билет на представление для него был бесплатным.

Во «Времени» публиковались и частные объявления. Летом и осенью 1920 г. из-за увеличения численности населения на полуострове спрос на жилье превышал предложение, а сами крымчане стремились как можно быстрее продать или обменять свое жилище на случай, если потребуются покинуть Крым. В одном из объявлений некий А. Линский готов «обменять дачу в Евпатории на берегу моря с 15 комнатами, 2 кухнями, 3 подвалами, с садом и беседкой в центральной части города на дом в Симферополе»⁶².

Кроме того, в газете мы находим рекламу юридических услуг, объявление о наборе на курсы машинисток. Мастерские инженеров и техников приглашали специалистов на «работы по установке и ремонту машин, двигателей, электро-моторов и станков»⁶³. В обязательном порядке в газете печатались указы и объявления правительственных комиссий, график работы этих комиссий прилагался. Справочная информация помогала крымчанам и беженцам наладить отношения с новой властью и решать проблемы разного плана – их в условиях военного времени было немало.

Письма в редакцию

Газета «Время» публиковала письма, которые содержали просьбы различного характера, например такую: «УМОЛЯЮ жителей Луганска, знающих Ивана Локотош, зайти по адресу Товарный переулок, дом 4 и спросить Набокова»⁶⁴, или призыв о помощи: «Я один из тысячи вырвавшихся из цепких лап красного дьявола пришел сюда с семьей, имея лишь душу и тело <...>»⁶⁵. Далее В. М., автор письма, рассказывает историю своей жизни, о болезни жены, об отсутствии работы. В конце письма он обращается «<...> с просьбой к одной из таких женщин, которых не коснулось безысходное горе нужды», подарить ему пару женских ботинок. По его словам, жена совсем босая и для работы ей нужны ботинки, денег на которые у него нет⁶⁶. Короткий, но пронзительный рассказ В. М. должен был растрогать читателей и не оставить их безучастными к его бедственному положению. Таким образом, газета привлекает внимание к людям, попавшим в беду. Кроме того, письмо В. М. содержит свидетельства негативного отношения к большевикам («красному дьяволу»).

Еще один пример письма в редакцию. В одном из материалов газета «Время» назвала актера Дмитрия Фаустовича Джусто (настоящая фамилия Тихомиров) одесситом, а Джусто отправил в редакцию письмо с просьбой это опровергнуть⁶⁷. И газете пришлось извиниться перед Джусто. «В будущее время, во избежание конфликтов, рецензентам придется запастись метрическими выписками всех членов группы», – пишет редакция⁶⁸. Такой ответ редакции свидетельствует об обратной связи с читателем, а также умении отвечать на критику с юмором.

Заключение

Газета «Время», издававшаяся талантливым журналистом Б. А. Сувориным в Симферополе в 1920 г., представляла собой издание правого толка. Суворин был в газете «концертмейстером и дирижером», на долю других сотрудников «выпало играть здесь лишь вторую скрипку». В своих многочисленных статьях он рьяно доказывал, что единственной исторической национальной идеей русского народа является идея монархизма.

Как и большинство других крымских изданий, газета пользовалась субсидиями, однако не систематическими, со стороны правительства Врангеля. Если субсидии задерживали, то газета выступала с правыми оппозиционными статьями, хлестко критикуя власть «в пределах дозволенного». Издание имело свою читательскую аудиторию, преимущественно из среды гвардейского офицерства.

Основные темы газеты – монархизм как национальная идея русского народа, поиск ответственных за приход к власти большевиков и Гражданскую войну, консолидация общества в противостоянии большевизму, помощь армии и фронту, экономический кризис и пути его преодоления, переговоры со странами Антанты об увеличении размеров помощи Белому движению и об их вступлении в антибольшевистскую борьбу, Версальский договор и послевоенное устройство мира, судьба России. Практически во всех материалах газеты большевики демонизируются, их победы представляются как успехи временные.

Белое движение утверждается изданием как главная сила в борьбе с распространением большевизма, с угрозой мировой революции. Газета участвует в формировании культа личности Врангеля: она рьяно поддерживает барона, заявляя, что только он может объединить Россию, только он – национальный лидер. Абсолютизм рассматривается как единственно приемлемый государственный строй в условиях Гражданской войны; подчеркивается необходимость сотрудничества с Францией и Германией. Газета считает, что победа в Гражданской войне может быть достигнута только при условии консолидации всего общества и поддержке других стран.

Репортажи корреспондентов газеты, работавших на Херсонском направлении, публиковались по меркам того времени оперативно. Газета получала информацию из разных источников:

Южно-Русское телеграфное агентство, британское радио, Ставка Главнокомандующего Вооруженными силами Юга России. Источником информации служила даже сводка большевиков.

Многочисленные рекламные объявления в газете свидетельствуют о насыщенной культурной жизни в Крыму в период правления Врангеля. Ежедневно проходили несколько культурных мероприятий: цирковые представления, выступления популярных артистов, театральные постановки, кинопоказы и др.

Письма в редакцию с обращениями за помощью говорят о погружении газеты в общественную жизнь. Они должны были растрогать читателей, не оставить их безучастными к людям, терпящим лишения.

Таким образом, на основе материалов газеты «Время» можно составить более целостную картину событий того периода, глубже понять их причины и следствия.

Примечания

¹ Петухова А. Барон и наука в Крыму // Коммерсант. 2022. Дек., 21. Режим доступа: Барон и наука в Крыму – Наука (kommersant.ru)

² Трубецкой А. А. Политическая деятельность Генерала П. Н. Врангеля. Режим доступа: Политическая деятельность Генерала П.Н. Врангеля – Наследие Империи (rusnasledie.info)

³ См.: Маслов Д. Печать при Врангеле // Антанта и Врангель: сб. ст. Вып. 1. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. С. 173.

⁴ Там же.

⁵ Астапенко М. П., Астапенко Е. М., Золотых В. В. Уходили мы из Крыма... Двадцатый год – прощай, Россия! Ростов-на-Дону: Мини Тайп, 2021. С. 157.

⁶ См.: Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. С. 275–276.

⁷ См.: Там же. С. 242–243.

⁸ Там же. С. 277.

⁹ См.: Там же. С. 277–278.

¹⁰ Там же. С. 278.

¹¹ Маслов Д. Указ. соч. С. 180.

¹² См.: Росс Н. Г. Указ. соч. С. 266–267.

¹³ См.: Астапенко М. П., Астапенко Е. М., Золотых В. В. Указ. соч. С. 162.

¹⁴ См.: Шариф Я. Экономическая политика белых // Антанта и Врангель: сб. ст. Вып. 1. М.; Петроград: Гос. изд-во, 1923. С. 114.

¹⁵ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Факты и итоги. Берлин: [б. и.], 1922. С. 38.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Маслов Д. Указ. соч. С. 175.

- ¹⁸ Время. 1920. № 76. С. 1.
- ¹⁹ *Немирович-Данченко Г. В.* Указ. соч. С. 38.
- ²⁰ Время. 1920. № 76. С. 1.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 181.
- ²⁴ См.: Там же.
- ²⁵ *Суворин Бор.* За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии, 1917–1918 гг. Впечатления журналиста. Париж: [б. и.], 1922.
- ²⁶ *Суворин Бор.* Фазан. Париж: Возрождение, 1927; *Суворин Бор.* Барон «Скупой рыцарь». Шанхай: Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина, 1932.
- ²⁷ См.: Сайт историка С. В. Волкова. Режим доступа: http://swolkov.org/2_baza_beloe_dvizhenie/2_baza_beloe_dvizhenie_abc-13.htm
- ²⁸ См.: Новое время (Белград, 1921–1930). Сводный каталог периодики русского зарубежья. Режим доступа: Новое время (Белград, 1921–1930) (emigrantica.ru)
- ²⁹ *Шумлевич К. Я.* Стихотворения. Белград: Рус. тип. С. Филонова, 1925.
- ³⁰ *Шумлевич К. Я.* Памяти Куприна. Белград: [б. и.], 1938.
- ³¹ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 175.
- ³² См.: Там же.
- ³³ *Слащов-Крымский Я. А.* Белый Крым. 1920 г. Мемуары и документы. М.: Наука, 1990. С. 147.
- ³⁴ См.: Воспоминания генерала барона П. Н. Врангеля: в 2 ч. М.: Терра, 1992. Ч. 2. С. 353.
- ³⁵ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 180.
- ³⁶ См.: Там же.
- ³⁷ *Суворин Бор.* За Родиной. Героическая эпоха Добровольческой армии, 1917–1918 гг. Впечатления журналиста. Париж: [б. и.], 1922. С. 249.
- ³⁸ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 180–181.
- ³⁹ *Трубецкой А. А.* Политическая деятельность Генерала П. Н. Врангеля. Режим доступа: Политическая деятельность Генерала П. Н. Врангеля – Наследие Империи (rusnasledie.info)
- ⁴⁰ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 172.
- ⁴¹ *Мега К.* Раны земли // Время. 1920. № 76. С. 2.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Монастырь был закрыт в конце 1921 г., его возрождение началось в начале 1991 г. Подробнее об этом см.: Бизюков Пропасной во имя священномученика Григория, просветителя Армении, мужской монастырь // Православная энциклопедия / под ред. *Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.* Режим доступа: БИЗЮКОВ ПРОПАСНОЙ ВО ИМЯ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ГРИГОРИЯ, ПРОСВЕТИТЕЛЯ АРМЕНИИ, МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ (pravenc.ru)
- ⁴⁴ См.: *Мега К.* Раны земли // Время. 1920. № 76. С. 2.
- ⁴⁵ См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: в 4 т. М.: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1960. Т. 4. С. 458.

⁴⁶ *Маслов Д.* Указ. соч. С. 180.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же. С. 181.

⁴⁹ *Росс Н. Г.* Указ. соч. С. 47.

⁵⁰ Верховный комиссар Франции у правительства России // *Время*. 1920. № 76. С. 3.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ *М. Г. Плохая политика* // *Время*. 1920. № 76. С. 2.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Шумлевич К.* В Германии // *Время*. 1920. № 76. С. 3.

⁵⁶ См.: Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Котельников К. Д.* Численность русской эмиграции в Берлине 1920-х гг. по германским источникам // *Вестник архивиста*. 2020. № 3. С. 696.

⁵⁹ См.: *Котельников К. Д.* Амбулатория Российского общества Красного Креста в Берлине в 1920–1930 гг. // *Научный диалог*. 2021. № 8. С. 379.

⁶⁰ *Шумлевич К.* В Германии // *Время*. 1920. № 76. С. 3.

⁶¹ *Время*. 1920. № 76. С. 1.

⁶² *Время*. 1920. № 76. С. 4.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ См.: Там же.

⁶⁸ Там же.

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 66.612
У 58

К. С. Ундозерова, аспирант факультета журналистики МГУ имени
М. В. Ломоносова
E-mail: lipskayakarina1998@gmail.com

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «РАБОТНИЦА» В 1920-е гг.: ЗАДАЧИ, ПРИЕМЫ, ОБРАЗЫ

В статье рассматривается производственная пропаганда в журнале «Работница» в 1920-е гг., направленная на массовое вовлечение женщин в промышленность. Были проанализированы и другие пропагандистские задачи «Работницы»: формирование негативного представления о традиционных семейных ценностях, трансформация гендерных стереотипов, продвижение идей равноправия, создание поэтизированного образа работницы. Выявлены расхождения между пропагандистскими установками и действительностью.

Ключевые слова: журнал «Работница», производственная пропаганда, «женский вопрос», гендерная дискриминация, безработица, женщина в мужской профессии, поэтизация индустриального труда.

INDUSTRIAL PROPAGANDA ON THE PAGES OF RABOTNITSA MAGAZINE IN 1920s: AIMS, TECHNIQUES, IMAGES

The article is devoted to the industrial propaganda on the pages of Rabotnitsa magazine in 1920s that was aimed to mass women recruitment in industrial production. The author also examines other Rabotnitsa magazine's propaganda objectives: the negative image formation of traditional family values, the transformation of gender stereotypes, the promotion of equality and the working woman poetic image's creation. During the research some discrepancies between propaganda guidelines and reality were identified.

Key words: Rabotnitsa magazine, the industrial propaganda, the women's issue, gender discrimination, unemployment, a woman in a male profession, poetization of the industrial labor.

Массовое привлечение женщин к труду было одной из важных задач построения нового социалистического быта. «<...> первой предпосылкой освобождения женщины является возвращение всего женского пола к общественному производству, что, в свою очередь, требует, чтобы индивидуальная семья перестала быть хозяйственной единицей общества», – пишет Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1884 г.)¹. На этот постулат опираются и авторы первых программных документов РСДРП(б), и первых работ, написанных для женской аудитории, например, Н. К. Крупская в брошюре «Женщина-работница» (1901 г.)², затем и центральный пропагандистский журнал «Работница». Только вовлеченная в общественное производство женщина могла освободиться от рабства традиционной семьи, стать полностью экономически независимым и равноправным членом нового общества.

Росту числа работающих женщин способствовал процесс индустриальной модернизации, начавшийся в России в 1890-х гг. «В 1913 г. <...> женщины составляли 25% всех работающих в крупной промышленности России», – констатирует П. М. Чирков³. В годы Первой мировой войны женщины составляли 40% всех работников: после ухода мужчин на фронт они были вынуждены занять их места⁴.

«Когда большевики пришли к власти, они сразу же приняли прогрессивные законодательные акты, касающиеся брака, развода <...>, а также женского равноправия – во многих капиталистических странах на тот момент подобных законов еще не существовало», – пишет В. Голдман, исследовавший феномен занятости советских женщин в производстве⁵.

«В 1920-е гг. в журналах для женщин активно формировалось негативное представление о традиционных семейных отношениях, материнских обязанностях. Их нужно было „бросить“ ради освобождения, которое ждет женщину в городе на производстве, а в деревне – на посту председателя сельсовета или делегатки. Как производственная пропаганда для женщин-горожанок, так и активное побуждение крестьянки „стать хозяйкой“ в 1920-е гг. ведется на перспективу. Это пропагандистская подготовка к индустриализации и коллективизации, когда жизненный сценарий женщины резко меняется», – читаем в монографии О. Д. Минаевой «Журналы „Работница“ и „Крестьянка“ в решении „женского

вопроса“ в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ»⁶.

Вовлечение как можно большего числа женщин в промышленное производство, сопровождающееся ломкой гендерных стереотипов и изменением традиционного жизненного уклада, при котором главную роль играл мужчина, стало основной задачей массового женского журнала «Работница» в 1920-е гг. Утверждение «женщина должна работать»⁷ являлось одним из основных постулатов издания.

Образы строителей советского общества как примеры для подражания

Выполняя агитационно-пропагандистскую функцию, «Работница» настраивала свою аудиторию на активное участие в строительстве нового советского общества. Примерами для подражания в борьбе за светлое будущее служили и видные политические деятели, и лидеры движения за раскрепощение женщин, и рядовые комсомолки и коммунистки.

Так, «Работница» писала о Н. К. Крупской, С. Н. Смидович, И. Ф. Арманд, А. М. Коллонтай, М. И. Ульяновой, К. Цеткин, Р. Люксембург и о других лидерах движения за равноправие женщин. Несомненно, приводились в пример лишь те черты марксистских феминисток, которые удовлетворяли Отдел агитации и пропаганды (Агитпроп).

Истории жизни рядовых комсомолок и коммунисток довольно однотипны: угнетенная капиталистическим бытом женщина, в большинстве случаев родившаяся в неблагополучной семье и затем несчастная и в браке, ищет спасения в рядах партии большевиков. Как правило, подобные истории написаны в жанре очерка.

Например, осиротевшую в 10 лет Мурзину, героиню очерка «Об одной»⁸, отдали в учение к бахромщику: «Хозяин-изверг учил веревкой, тумакami. Держал в беспросветной тьме»⁹. В 16 лет Мурзина выходит замуж, чтобы выбраться «из этого омута». «Но муж пил», а жизнь «была горше редьки»¹⁰. Автор очерка характеризует супруга героини как «темного, невежественного» человека, «отравленного ядом Михаила Архангела – монархиста»¹¹. В феврале 1917 г. у героини «пропасть ребят (8 человек)»¹². Семья живет в нищете. Однако революция «осветила» Мурзину: она вступает в профсоюз, становится делегаткой в женотделе.

Затем героиня вступает в партию, организывает партийную ячейку на фабрике, где работает. «Сознательность тов. Мурзиной росла, и рабочая масса поднимала ее все выше и выше по лестнице общественной работы», – пишет автор¹³. Теперь героиня «заведует женотделом, <...> она во главе 23.000 организованных работниц Красной Пресни, во главе 800 делегатов»¹⁴. Однако Мурзина считает, что главное ее дело – не общественная деятельность, а работа за станком. Таким образом, пример товарища Мурзиной должен был побудить читателей бороться за идеи революции.

Другой пример – Агния Филипповна Ерохина¹⁵. Она, прежде скромная закройщица швейной мастерской, вместе с рабочими отстояла эту мастерскую у заведующего Зарухина, по-нэпмански желающего присвоить помещение. На первый взгляд товарищ Ерохина ничем не отличается от других работников мастерской. Ее образ не такой яркий и запоминающийся, как образ «неугомонной», «смешливой» Дуни – другой работницы мастерской, которая с легкостью перепрыгивает через стол, спасаясь от поцелуя Зарухина. Внешность Ерохиной описывается вскользь: «Молодая женщина с карими умными глазами», «молодая красивая закройщица»¹⁶. Работники мастерской выбирают Ерохину делегаткой, и благодаря ее хлопотам нэпмана Зарухина смещают с должности заведующего. Когда появляется новый заведующий, все рады, все чувствуют, что он – свой человек. Ерохина же сидит у стола и работает: «Все в ней просто, обычно, как всегда. Но если внимательно приглядеться к ее тихо мерцающим глазам – в них можно заметить то особенное внутреннее спокойствие, какое испытывают люди после совершенного ими большого общественного дела»¹⁷. Подобный образ стойкой, требовательной к себе, но скромной общественницы тиражировался в журнале «Работница».

Сюжет «изменения жизненного сценария»¹⁸ повторяется и в стихотворной форме. В связи с этим примечателен, например, поэтический образ работницы текстильной фабрики Луши¹⁹. До 1905 г. жизнь Луши была горькой. Отец «частенько бил и гикал, чтоб „шелковой“ была». Старуха-мать «тоже колотила свою родную дочь», и «не жизнь была, а горе, хоть в петлю полезай»²⁰. Однако после событий 1905 г. для Луши открывается новый мир: «Как будто луч от солнца упал под темный свод»²¹. Во время Первой мировой войны Луша ведет агитацию среди рабочих

текстильной фабрики: «Не с немцем драться надо, / А свергнуть власть царя»²². После Октябрьской революции у героини нет покоя «ни на час, ни на миг, <...> ведь надо с боем свой отстоять Совет!»²³ В Гражданскую войну «<...> Луша за свободу / С винтовкою в руках / Почти четыре года / Дерется на фронтах»²⁴. В годы нэпа Луша просвещает рабочих, призывает их «устроить» детский дом, клуб, библиотеку. Рабочие восхищаются Лушей и единогласно избирают ее в Моссовет²⁵. Этот поэтический посыл призывает к трансформации сложившихся в обществе гендерных устоев.

Образу коммунистки присущи такие черты, как житейский аскетизм, преданность идеям революции, самопожертвование, труд на благо общества, неприятие никаких идейных ценностей, кроме борьбы за счастье всего человечества. Личное счастье коммунистку не интересует. В публикациях «Работницы», посвященных большевичкам, вы не найдете описания их семейного быта.

Отметим, что образцами для подражания служили не только реальные, но и вымышленные героини.

Поэтизация производственного процесса

Рабочий процесс на страницах журнала описывается в положительном ключе, при этом используется один из приемов производственной пропаганды – поэтизация индустриального труда. «Труд описан как процесс, доставляющий радость, вызывающий душевный подъем, он должен быть целью и смыслом жизни женщины. Для женской аудитории постоянно повторяются журналистами и закрепляются эмоциональные составляющие такого образа труда (он несет радость, счастье, любовь)», – отмечает О. Д. Минаева²⁶. Авторы «Работницы» часто используют различные тропы (сравнение, олицетворение, метафора, эпитет и др.) и фигуры речи (риторическое обращение, восклицание, вопрос).

Например, героиня стихотворения «Ткачиха»²⁷ «расцвела на фабрике шумливой <...> у звонкого станка». Ее «радость бьет-ся солнечным ключом», «сердце вольное не ведает печали». Героиня «весела, как солнечный поток». Она приговаривает: «Звени, звени, певучий мой станок»²⁸.

В стихотворении «Фабричная идиллия»²⁹ описывается «синий звездный вечерок» после «дружного труда», когда «отдохнуть отрадно». Фабричный гудок, оповещающий о конце рабо-

чего дня, «прогорланил»; доски олицетворяются: «У фабричных досок / Пылкое признание»³⁰. Интересный фразеологизм используется в стихотворении «Все наше»³¹: «Вот идут с завода синеглазые братья, те, что счастье куют». Автор выражает свое настроение словами «в груди моей радостно сердце поет», «в груди моей радостно струны поют»³². Работалось на фабрике героине стихотворения «У станка»³³ легко и радостно: «Я на фабрику, как птица, / Полечу, когда темно»³⁴. С нетерпением ждет возвращения на фабрику герояина другого стихотворения: «Нет милее мне фабричной стороны. / Стосковалась я в разлуке столько дней. <...> Захлестнула меня радость с головой: / Скоро буду я на фабрике родной»³⁵.

Поэтизация индустриального труда встречается не только в стихотворной, но и прозаической форме, например, в очерке «Фабзавучницы»³⁶. Одна из героинь очерка Мария Андреева – выносливая, сильная девушка. У нее «бронзовые руки», которые «крепко держат» трехгранную пилу. Ее глаза «ласково усмеваются красивому куску металла». Другая героиня очерка, Александра Кузнецова, «разглядывает обрубок стали, точно читая по нем причудливую историю жизни»³⁷.

Однако иногда авторы публикаций работу называют «тяжелой», «грязной». Например, в очерке «На Донбассе», опубликованном под рубрикой «Работница на производстве»³⁸, читаем: «Работа тяжелая и грязная. <...> В процессе работы шахтерки часто разрезают углем ноги, пробивают вагонетками руки, то и дело слышится крик боли, сопровождаемый проклятьем, слезами, и тут же опять веселый разговор об интересном спектакле, о комсомольском собрании, пролетарских общественных крестинах, частушки, являющиеся плодом их коллективного творчества, или комсомольские песни. Шахтерки в большинстве народ молодой, комсомольского возраста, и беззаботное веселье юности не может заглушить тяжелый труд»³⁹. Таким образом, даже тяжелый физический труд, в сложных условиях, вредный для здоровья, подается в позитивном ключе.

Часто романтизации трудовых будней сопутствует любовная линия. Истории, в которых работа помогла женщине найти свою любовь, нравились читательницам. Публикуя подобные материалы, журнал «Работница» «завоевывал» женскую аудиторию.

При описании романтических отношений между мужчиной и женщиной подчеркивался их равный статус и товарищеское

партнерство. Идеальным представлялся союз двух коммунистов, пролетариев, тружеников деревни. Однако любовные отношения героев публикаций были основаны на общих ценностях и целях.

Так, много общего у героев стихотворения «Весеннее»⁴⁰: после окончания работы выходят последними «двое сильных, спянных трудом» – работница и токарь; «Они рано труд свой полюбили, / А себя лишь только за станком». Вечером молодые люди вместе долго читают книгу. Примечательны в стихотворении картины пробудившейся природы: много «солнечного света»; жаворонки, собравшиеся «на весенний конгресс»; «повеселевший лес»; ручей, поющий весенний гимн⁴¹. Радостным настроением наполнены строки другого стихотворения – «Весенняя песня»⁴²: трудолюбивая героиня думает за работой о своем возлюбленном. При этом ее любовь к работе на станке и к мужчине становится одной большой любовью. Героиня стихотворения «Слепая работница»⁴³ «свою радость и счастье находит не в глазах, а в труде <...>». Кроме того, в мастерской она «друга повстречала», такого же невидящего, как она. И вместе они счастливы: «Кто же лучше на всей планете / Так умеет любить и жить?..»⁴⁴ Духовная близость влюбленных отражена в стихотворении «Танино солнце»⁴⁵: «На досуге ли приходится / С ним о чем поговорить, / Сердцу легче, так и хочется / Все на свете полюбить». Руки Таниного возлюбленного хотя и «заскорузлые», зато «за трудом и лаской жарки», поэтому «Ровно солнце святозарное / Он для Тани заводской». Пролетарка Таня «признает любовь свободную, без попов и без венчания»⁴⁶. О своем избраннике героиня стихотворения «Любовь»⁴⁷ говорит так: «Он чумазый, неумытый, / Как завод». Но это для нее не имеет значения, потому что он «лаской и отвагой сердце девичье зажег», и теперь оно пылает, «волнуется, трепещет, как роса»⁴⁸.

Пропаганда мужских профессий

Особое место в женском журнале «Работница» занимала пропаганда мужских профессий. «Не привыкли у нас еще видеть женщин-подмастерьев, исполняющих мужскую работу. Казалось всем, что женщина не может этого делать, точно у нее головы на плечах нет. <...> Она своей работой выбивает у окружающих старое, вкоренившееся мнение о женщинах: разве может баба держать ключ в руках, обращаться с тисками?» – пишет «Работница»

о тов. Евсеевой, которая трудится на фабрике в Твери⁴⁹. Работники, проходящие мимо нее, останавливаются, а затем «с улыбкой удивления продолжают свой путь дальше». Евсеева не устает от работы, на фабрике к ней относятся с уважением. «А ведь не далек тот час, когда у нас женщины осознают свое положение, встряхнут с себя старые традиции буржуазного прошлого и наравне с мужчинами будут работать и около тисков и уже не в единичном явлении», — таким видит будущее автор публикации⁵⁰.

Героиня статьи «Девушка-милиционер» тов. Зарва во время Гражданской войны была санитаркой, затем разведчицей, получила нескольких ранений и контузию. После окончания в 1923 г. Главной военной школы физического образования трудящихся работает милиционером-надзирателем, а также «несет различные партийные обязанности». «Зарва всегда на страже революции», — этой фразой заканчивается статья⁵¹.

В 1926 г. в «Работнице» была опубликована интересная дискуссия, состоявшаяся между слесарями машинно-строительного цеха механического завода. Они рассуждали о том, может ли женщина быть слесарем⁵². Так, один из них считает, что «слесаря из баб будут, только на легкой работе, которая не требует большой физической силы. <...> на другой слесарной работе они будут неподходящи». Другой полагает, что природа женщин такова, что «им невозможно на сильной физической и в то же время умственной работе работать». Третий оспаривает несообразительность женщин, так как они работают учителями и врачами, однако считает, что «на ремонт станков и вообще на тяжелую работу их допускать нельзя». В то же время он уверен, что «из них слесаря будут». Четвертый, «недовольно мотнув головой», сказал, что «ребят здоровых без работы много шляется, а тут еще бабы мужицкую работу хотят выполнять» и что «для государства дело убыточное» — обучить женщину: «мальчишку научишь за 2–3 года, а с ней надо возиться 5–6 лет <...>»⁵³. Редакция приглашает к дискуссии женщин: согласны ли они с мнением мужчин? И ждет от работниц ответа.

«Работница» агитировала читателей разрушать гендерные стереотипы, бросить вызов патриархальному укладу жизни, осваивать трудные и не доступные прежде для женщин профессии (например, шофер, рабочий сверлильного или болторезного станка⁵⁴), «сделать фактически работницу равноправной рабочему»⁵⁵.

Мария Арестова, героиня книги С. А. Алексеевич «У войны не женское лицо», вспоминает: «С двадцать девятого года работала я помощником машиниста. В то время женщины-машиниста не было нигде в Советском Союзе. Начальник паровозного депо был удивлен: „Ой, девчонка, обязательно ей нужна мужская профессия“. А я хотела стать машинистом, и только машинистом. В тридцать первом году я стала первая в стране женщина-машинист. В то время Крупская много писала о равноправии, чтобы женщины овладевали мужскими профессиями. Когда я ехала на паровозе, на станциях собирались люди: „Девочка ведет паровоз!“»⁵⁶. О. Д. Минаева отмечает, что хотя «упоминание о Крупской и ее заветах встречается в воспоминаниях первых женщин-трактористок, знаменитых летчиц довоенной и военной поры»⁵⁷, однако идеолог массовых женских журналов «никогда не призывала женщин овладевать именно „мужскими“ профессиями»⁵⁸. Крупская писала о важном значении образования для женщины, о том, что именно труд поможет женщине стать равноправным членом общества и избежать экономической зависимости от мужчины⁵⁹.

Между тем при вовлечении в промышленное производство женщины сталкивались с серьезными проблемами, среди которых гендерная дискриминация и безработица, однако журнал «Работница» освещал эти проблемы довольно однобоко.

Гендерная дискриминация

Идея трансформации роли женщины в обществе еще не проникла в массовое сознание. Нормы и правила, регулирующие допустимое и недопустимое поведение на работе, где заняты представители обоих полов, еще не выработались. В. Голдман в связи с этим отмечает, что мужчинам «трудно было видеть в женщине товарища по работе, они воспринимали ее как сексуального партнера, поэтому атмосфера на рабочем месте зачастую была напряженной»⁶⁰. «Почему комсомольцы не относятся к девушке как к товарищу, все больше подшучивают?» – задают вопрос президиуму Второй районной конференции девушек, созданной комсомолом, ее участницы⁶¹.

В то же время и сами женщины редко воспринимали мужчин исключительно как товарищей. Героини публикаций «Работницы» часто находили свое женское счастье именно на работе: отношения с мужчинами-коллегами перерастали во взаимную любовь

(об этом мы рассказали выше). Отметим еще один интересный факт: желая достичь равенства с мужчинами на профессиональном поприще, женщины обращаются к ним за помощью. «Мужчины, вы сильнее, помогите же своим товарищам женщинам, поправьте, если они делают не так, и помогите в случае неустойки», — читаем в материале «Как живет комсомолка»⁶². Однако товарищеские отношения, описываемые, например, в стихотворении «Как Дуня стала коммунисткой»⁶³, в действительности складываются редко.

Перестраивалась сама жизнь, но мужчины до сих пор смотрели на женщин «снисходительно, иногда даже презрительно»⁶⁴. До гендерного равенства было еще далеко. Более того, со стороны мужчин женщинам приходилось терпеть оскорбления и домогательства. Руководство предприятий не только не рассматривало жалобы работниц, но и увольняло их, так как именно женщин считали виновными в сексуальной провокации. Например, на Магнитогорском заводе женщину поставили вместе с мужчинами на тяжелую физическую работу — переносить кирпичи. Рабочие стали подшучивать над ней, приставать. Работница пыталась сдерживаться, но, не выдержав, плюнула одному из многочисленных обидчиков в лицо, после чего «ее хотели избить». Утром она попросила своего начальника перевести ее на другую работу, дневную, однако тот уволил ее якобы за нежелание работать⁶⁵.

Нередко попытки работниц восстановить справедливость с помощью печати вызывали лишь новую волну оскорблений в их адрес (например, в газете «Труд» опубликована заметка о том, как после жалобы работниц в стенгазету на заводе их стали называть «кляузницами» и «сплетницами»⁶⁶).

Однако описываемые в журнале «Работница» гендерные конфликты всегда заканчивались торжеством справедливости: обидчиков, нежелающих принять новый коммунистический уклад жизни, в котором женщине и мужчине отводились одинаковые роли, наказывали.

Например, помощник мастера московского пивоваренного завода Числов подходил к девушкам с «похабными ласками»⁶⁷, но благодаря «кипучей» деятельности коммунистки В. Прохоровой он был смещен со своей должности. Кроме того, на заводе были улучшены условия труда, стали выдавать спецодежду⁶⁸.

Часто в публикациях журнала заведующий, мастер и другие начальники, притесняющие работниц, выступали как отри-

цательные герои и олицетворяли старый, патриархальный уклад жизни⁶⁹. Подобные публикации также призывали бороться с нэпманами, черты которых воплощались в обидчиках.

Кроме того, на страницах журнала описывается светлое, оптимистическое «товарищеское единение» мужчины и женщины. Пример коммунистического братства и солидарности трудящихся мы находим, в частности, в публикациях, посвященных международному дню работниц. Так, автор публикации «Всколыхнулась сила рабочая»⁷⁰ пишет: «<...> вся фабрика, все рабочие празднуют. <...> Приветствия, горячие, близкие, родные <...>»⁷¹; «Слова докладчика невидимой нитью связаны с мыслью каждого рабочего и работницы <...>. Рабочие жмут руки своим товарищам, работницам, целуются. <...> по растроганным лицам струятся слезы»⁷². Автором публикации описана идеальная картина коммунистической солидарности трудящихся.

Безработица

После окончания Гражданской войны на свои рабочие места вернулись демобилизованные солдаты, и занятость женщин, особенно в промышленности, резко сократилась⁷³. Биржи труда не решали проблему безработицы: «<...> число безработных – и мужчин, и женщин – постоянно росло. В 1929 г. оно достигало 1 130 210 человек»⁷⁴. Безработица среди женщин в том же году составляла 47,1%⁷⁵. «Женская безработица стала причиной появления большого количества бездомных детей (беспризорников) и возрождения проституции. Нищие, оборванные проститутки рассказывали, как их увольняли то с одной, то с другой работы», – пишет В. Голдман⁷⁶.

Стоит отметить, что на бирже труда могли зарегистрироваться только проработавшие шесть месяцев по найму⁷⁷. В связи с этим показательно письмо крестьянки Заминской, полное отчаяния. В конце 1920-х гг. ее бросил муж. В надежде обеспечить себя и двоих детей она искала работу, обращалась на биржу труда. Нищета и голод вынудили ее написать письмо в «Работницу»: «Я – больная, голодная – обращаюсь сейчас всюду. На бирже труда мне говорят: вы должны прослужить шесть месяцев по найму»⁷⁸.

Женщины при приеме на работу становились жертвами гендерных стереотипов: при равном уровне квалификации кандидатов на работу предпочтение отдавалось мужчинам⁷⁹. Во время массовых увольнений, например, на железных дорогах, при

выборе: уволить мужчину или женщину, занимающих одинаковую должность, увольняли последнюю⁸⁰.

Высокий уровень женской безработицы был обусловлен не только гендерной сегрегацией, но и низкой квалификацией работниц. В 1929 г. только 10% безработных женщин имели профессиональные навыки, тогда как среди мужчин этот показатель был выше – 18,9%⁸¹. В связи с этим представляется вполне естественным, что при найме на работу предпочтение отдавалось квалифицированным мужским кадрам.

Пути решения проблемы безработицы отражались в установках партийного руководства. Например, в статье «В защиту работниц»⁸², опубликованной в журнале по итогам V Съезда Союза рабочих коммунального хозяйства СССР, говорится: «Не забыл съезд и тяжелой женской безработицы в нашем союзе и в своей резолюции признает, что до сих пор при сокращении далеко не всегда играла роль низкая квалификация женского труда, а часто и отрицательное отношение к женскому труду: дескать, „чего баб держать“ – и нынешний съезд резко осуждает это отношение и приписывает всем организациям союза строго следить, чтоб при сокращении принималась во внимание только квалификация и производительность труда»⁸³. Несмотря на то, что о гендерной дискриминации говорится даже в официальных документах, положение дел не менялось.

«Работница» пыталась решить проблему низкой квалификации женских кадров, вовлекая женщин в профессиональное обучение: «Итак, женщины работницы, я предлагаю лозунг „Вперед к равноправию“, а этого мы достигнем тогда, когда будем внимательнее относиться к науке и знанию»⁸⁴; «Каждая работница и крестьянка должна понять, что повышение квалификации улучшит ее быт»⁸⁵; «Чтобы прекратить дальнейшее сокращение штатов за счет женской рабочей силы, необходимо озаботиться поднятием квалификации работниц. Квалифицированный работник в производстве необходим, его не сократят»⁸⁶; «Работницы всех отраслей промышленности должны стремиться через школы фабзавуча, вечерние курсы, одиночное и групповое ученичество на самом предприятии поднять свою квалификацию»⁸⁷.

Разумеется, установки на поднятие уровня профессионального образования женщин давались ЦК ВКП(б)⁸⁸, «Работница», как рупор коммунистической партии, доносила их до граждан. Так, в 1929 г. правительство постановило увеличить

квоту для женщин-абитуриентов: «По индустриальным вузам и текстильным факультетам – 25 процентов. По химическим – 25 проц. По механическим – 6 проц. По горным и металлическим – 8 проц. Строительным и транспортным – 5 проц. Электротехническим – 10 процентов. По с.-х. (сельскохозяйственным). – К.У.) вузам – 25 процентов. При приеме в индустриальные и с.-х. техникумы <...> средний процент девушек должен быть не ниже 25. При приеме на рабфаки броня для женщин должна быть не ниже 25 проц., а в рабфаках в текстильных районах (Иваново-Вознесенске, Орехово-Зуеве, Ярославле, Твери) – не ниже 35 процентов»⁸⁹.

«Работница» постоянно писала о значении образования, призвала женщин повышать уровень грамотности. Читательницы, в свою очередь, делились своими мыслями и опытом с аудиторией журнала: «<...> дали нам свободу на бумаге, а мы ее теперь должны на деле завоевывать. <...> Это нас мужики заклевали: „дуры да дуры“, а учительша вон говорит: „Вы, товарищ, способная, учитесь“»⁹⁰. «Учись, трудно жить на свете такой темной! Ученье – свет!»⁹¹

Выводы

Производственная пропаганда в журнале «Работница» в 1920-е гг. была неразрывно связана с ломкой гендерных стереотипов. Авторы статей, очерков, стихотворений призывают читательниц отречься от традиционной роли хранительницы домашнего очага – новой власти представительницы слабого пола нужны для того, чтобы работать на производстве и заниматься общественной деятельностью.

Героини публикаций – не только лидеры движения за равноправие женщин, но и простые труженицы, изменившие старый уклад жизни на новый – призваны служить образцами для подражания. Мужчина (муж) часто наделяется отрицательными чертами и олицетворяет дореволюционный уклад жизни. Кроме того, он не дает женщине возможности развиваться и претворять в жизнь идеи революции. При подобной антитезе героиня всегда одерживает верх: либо ей удастся перевоспитать супруга, либо она уходит из семьи и обретает счастье на общественном поприще.

«Работница» пыталась решить проблему низкой квалификации женских кадров, вовлекая женщин в профессиональное обучение; писала о значении образования, призвала женщин повышать уровень грамотности.

Производственный процесс на страницах «Работницы» поэтизируется. Авторы стихотворений не скупятся на метафоры, сравнения и другие средства художественной выразительности. В публицистических материалах педалируется идея, что если работнице и суждено обрести личное счастье, то она встретит свою судьбу именно на предприятии – такого же, как она, строителя новой жизни.

На деле же установка на трансформацию гендерных стереотипов сложно претворялась в жизнь. Оптимистические материалы в журнале «Работница», редко уделявшие должное внимание проблеме женской безработицы, освещали процесс вовлечения женщин в производство в основном в положительном ключе. Однако и письма читательниц, опубликованные в журнале, и архивные данные свидетельствуют о том, что низкая квалификация, недостаток опыта и гендерные предрассудки становятся серьезными помехами на пути вовлечения женщин в производственный процесс.

Примечания

¹ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 97.

² *Крупская Н. К.* Женщина-работница / под ред. *В. И. Ленина*. Мюнхен: Искра, 1901. С. 15.

³ *Чирков П. М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). М.: Мысль, 1978. С. 117.

⁴ См.: Там же.

⁵ *Голдман В. З.* Женщины у проходной. Гендерные отношения в советской индустрии (1917–1927 гг.). М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. С. 48.

⁶ *Минаева О. Д.* Журналы «Работница» и «Крестьянка» в решении «женского вопроса» в СССР в 1920–1930-е гг.: модель пропагандистского обеспечения социальных реформ: моногр. М.: МедиаМир, 2015. С. 94–95.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ *Киш Г.* Об одной // *Работница*. 1924. № 3. С. 17–18.

⁹ Там же. С. 17.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 18.

¹² Там же. С. 17–18.

¹³ Там же. С. 18.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Рязанцев В.* Делегатка Ерохина // *Работница*. 1923. № 1. С. 10–11.

¹⁶ Там же. С. 10.

¹⁷ Там же. С. 11.

¹⁸ *Минаева О. Д.* Указ. соч. С. 95.

- ¹⁹ *Архип. Луша* // Работница. 1923. № 3. С. 5–6.
- ²⁰ Там же. С. 5.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же. С. 6.
- ²⁵ См.: Там же.
- ²⁶ *Минаева О. Д.* Указ. соч. С. 103.
- ²⁷ *Неунывающий С. Ткачиха* // Работница. 1923. № 1. С. 12.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Соколов А. Фабричная идиллия* // Работница. 1923. № 3. С. 4.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Милова А. Все наше* // Работница. 1924. № 15. С. 20.
- ³² Там же.
- ³³ *Смирнова Е. К. У станка* // Работница. 1926. № 6. С. 10.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *П. Рабфаковка перед отпуском* // Работница. 1925. № 9. С. 21.
- ³⁶ *Фабзавучницы* // Работница. 1924. № 15. С. 7.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ *Гирла-Бадаева Л. На Донбассе (Шахта «Пролетарская Диктатура»)* // Работница. 1924. № 3. С. 21–22.
- ³⁹ Там же. С. 21.
- ⁴⁰ *Виноградов С. Весеннее* // Работница. 1925. № 9. С. 20.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² *Доронин И. Весенняя песня* // Работница. 1923. № 5. С. 6.
- ⁴³ *Шоев Ф. Слепая работница* // Работница. 1927. № 31. С. 12.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ *Соколов А. Танино солнце* // Работница. 1923. № 4. С. 12.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ *Ганьшин С. Любовь* // Работница. 1923. № 2. С. 7.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Работница. Поднимай квалификацию!* // Работница. 1924. № 15. С. 6.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Елена. Девушка-милиционер* // Работница. 1924. № 13–14. С. 38.
- ⁵² *Большаков. Может ли быть женщина слесарем* // Работница. 1926. № 8. С. 20.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ См.: *Работницы-шофферки* // Работница. 1924. № 1. С. 18–19.
- ⁵⁵ *Работница в производстве* // Работница. 1924. № 1. С. 18.
- ⁵⁶ *Алексиевич С. А. У войны не женское лицо*. М.: Сов. писатель, 1988. С. 210.
- ⁵⁷ *Минаева О. Д.* Указ. соч. С. 34.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Голдман В. З.* Указ. соч. С. 282–283.
- ⁶¹ *Ф. Н. Конференция девчат Красной Пресни* // Работница. 1924. № 13–14. С. 37.

- ⁶² *Дочь Донбасса. Как живет комсомолка* // Работница. 1924. № 13–14. С. 37.
- ⁶³ *Головки Е. Как Дуня стала коммунисткой* // Работница. 1926. № 2. С. 6.
- ⁶⁴ *Дочь Донбасса. Как живет комсомолка* // Работница. 1924. № 13–14. С. 36.
- ⁶⁵ Совещание о подготовке материалов к внедрению женского труда в производство // ГАРФ. Ф. 5451. Оп. 15. Д. 361. Л. 15.
- ⁶⁶ Разогнать бригаду работниц // Труд. 1931. Мар., 24.
- ⁶⁷ *Прохорова В. Как организовались наши работницы* // Работница. 1924. № 15. С. 8.
- ⁶⁸ См.: Там же. С. 9.
- ⁶⁹ См.: *Рязанцев В. Делегатка Ерохина* // Работница. 1923. № 1. С. 10–11; *Скворцов А. Оказия* // Работница. 1924. № 15. С. 14–16.
- ⁷⁰ *В. Ш. Всколыхнулась сила рабочая (8-е марта на фабр. быв. Абрикосова в Москве)* // Работница. 1923. № 4. С. 2–3.
- ⁷¹ Там же. С. 2.
- ⁷² Там же. С. 3.
- ⁷³ См.: *Голдман В. З. Указ. соч.* С. 19.
- ⁷⁴ Там же. С. 27.
- ⁷⁵ Там же.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ См.: Там же. С. 12.
- ⁷⁸ *Гальперин М. Ускорить утверждение закона о принятии на учет бирж труда одиноких женщин* // Работница. 1930. № 21. С. 19.
- ⁷⁹ См.: *Голдман В. З. Указ. соч.* С. 31.
- ⁸⁰ См.: Там же. С. 12.
- ⁸¹ ГАРФ. Ф. 5515. Оп. 13. Д. 5. Л. 3 (об.).
- ⁸² *Голубева. В защиту работниц (5-й съезд рабочих коммунальников)* // Работница. 1924. № 15. С. 10–11.
- ⁸³ Там же. С. 11.
- ⁸⁴ *Дочь Донбасса. Как живет комсомолка* // Работница. 1924. № 13–14. С. 37.
- ⁸⁵ *Семенова М. Работница и профтехническое образование* // Работница. 1924. № 15. С. 6.
- ⁸⁶ *Р. Т. Как бороться с безработицей* // Работница. 1923. № 2. С. 16.
- ⁸⁷ *Чернышева О. Работница, поднимай свою квалификацию* // Работница. 1924. № 15. С. 1.
- ⁸⁸ О броне для девушек в вузах, техникумах и рабфаках: Постановление ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1929 г. // О культурном строительстве: сб. док. / сост. *И. Ф. Заколоткин, В. В. Морозов, А. Я. Подземский*. М.: Работник просвещения, 1930. С. 72.
- ⁸⁹ За учебу // Работница. 1929. № 13. С. 16.
- ⁹⁰ *Иванова М. Свет увидела* // Работница. 1926. № 6. С. 9.
- ⁹¹ *Семенова Е. Хорошая защита* // Работница. 1924. № 6. С. 7.

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 66.61.2
М 61

О. Д. Минаева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: olg-minaeva@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЙ СЕГМЕНТ В СИСТЕМЕ СОВЕТСКОЙ ПАРТИЙНОЙ ПЕЧАТИ ДЛЯ ЖЕНЩИН В 1920–1930-е гг.

В статье рассматривается процесс становления региональной прессы для советских женщин в 1920–1930-е гг. Задачи и методы работы этого типа печати определялись Женотделом ЦК РКП(б)/ВКП(б), который руководил организационной и пропагандистской работой среди женщин. Причем эта работа не сводилась исключительно к пропаганде равноправия женщин, а скорее была направлена на вовлечение женской аудитории в поле воздействия партийной пропаганды в целом.

Ключевые слова: история СССР, печать для женщин, история советской журналистики, Женотдел ЦК РКП(б)/ВКП(б).

THE REGIONAL SEGMENT IN THE SOVIET PARTY PRESS SYSTEM FOR WOMEN IN THE 1920s AND 1930s

The article traces the process of formation of the regional press for Soviet women in the 1920–1930s. The tasks and methods of work of this type of press were determined by the Women's Department of the Central Committee of the RCP(b)/VKP(b), which led the organizational and propaganda work among women. Moreover, this work was not limited only to the promotion of women's equality, but rather was aimed at involving a female audience in the field of influence of party propaganda in general.

Key words: history of the USSR, printing for women, history of Soviet journalism, Women's Department of the Central Committee of the RCP(b)/CPSU(b).

Развитие региональной женской печати в советской России началось в 1920 г. одновременно с планомерным формированием всей системы СМИ. В составе ЦК РКП(б) были созданы профильные отделы: сначала Женотдел, потом Отдел агитации и пропаганды. Перед печатью ставились и общие, и специальные задачи по работе с различными группами аудитории. Например, женщины рассматривались как наиболее угнетаемая при капитализме малообразованная часть пролетариата. Поэтому в женских изданиях мы находим как специфические, предназначенные только для этой аудитории (семейные отношения, женская доля и др.), так и общие для всего пролетариата (производственная пропаганда и др.), или беднейшего крестьянства (коллективные формы труда и пр.), или населения в целом (например, задача ликвидации неграмотности) темы. Подробные рекомендации и набор лозунгов для работы агитаторов с женщинами¹ (как и для других групп аудитории) давались в журналах Отдела агитации и пропаганды. При анализе советской печати того периода нужно иметь в виду многообразие сложных задач.

Женотдел ЦК партии – организатор и руководитель региональной женской печати

Для Женотдела ЦК РКП(б)/ВКП(б) организационная и агитационно-пропагандистская работа с женской аудиторией была основной. В отчетах Женотдела всегда уделялось внимание количеству и тиражам изданий для женщин. В начале 1921 г., судя по отчету Женотдела, еженедельная «Страничка работницы» выходила в «Правде», «Бедноте», «Гудке» (в последнем – нерегулярно), во всех губернских партийных изданиях (их насчитывалось свыше 80)². «Страничка работницы» в «Правде» носила агитационно-пропагандистский характер. Весь материал «Странички работницы» в «Бедноте» излагался популярным языком, большое внимание уделялось кооперативным собраниям с мест³. Общий характер «страничек» выдерживался в соответствии с кампанией, которую вела в то время сама газета и центральный отдел работниц. В международный день работниц был выпущен экстренный номер «Правды», целиком посвященный вопросам женского революционного движения⁴. «Странички для женщин» появлялись регулярно в «Правде» и «Бедноте» до середины лета 1922 г., потом прекратили выходить из-за бумажного кризиса⁵.

Издавались листовки и агитационная литература: «Простые ответы на трудные вопросы», «О партийной неделе», «На бой с болезнями», «Манифест к трудящимся женщинам всего мира», «Речь В. И. Ленина на съезде работниц» и т. д.; брошюры А. Коллонтай, Е. Блониной (И. Арманд), К. Самойловой и др.

«В 1918 г. партия только нащупывает методы работы. Периодической печати нет; массовый журнал „Работница“ перестал выходить <...>. В 1920 г. работа разворачивается: выработаны организационные формы, и появляется наша периодическая печать»⁶, – писала в 1925 г. Л. Сталь.

Задачи партийной печати для женщин – «коммунистическое воспитание широких отсталых слоев, тружениц города и деревни» и организация их «вокруг партии»⁷.

В 1920 г. у Женотдела ЦК РКП(б) не было ясного представления о том, какой именно тип журнала нужно издавать: руководящий или массовый. Оправдываясь тем, что в тот момент «Коммунистка» была единственным журналом, «обслуживающим нужды работы партии среди трудящихся женщин», редакция попыталась охватить и партийную, и массовую аудиторию, что оказалось неосуществимо⁸. В результате, как пишет Р. Ковнатор, «журнал представлял смесь публицистики и беллетристики и, не являясь строго-выдержанным, не мог удовлетворить в достаточной степени ни руководителей нашей работы, ни читающих работниц»⁹. В 1921 г. редакция определилась с типом журнала. «Главный инструктор», «коллективный организатор работы женотделов» – так назвала «Коммунистку» Р. Ковнатор в своей статье, написанной к юбилею журнала¹⁰.

Журнал «Крестьянка» начал выходить в 1922 г. сначала как «информационный материал» для местных агитаторов с приложением «Долой неграмотность!»¹¹. Учитывая абсолютное отсутствие «популярной литературы для крестьянок», в июне 1922 г. Женотдел ЦК РКП(б) изменил его формат на полноценный массовый журнал, его тираж поднялся с 5 тыс. до 15 тыс. экземпляров.

Женотдел считал нужным активно увеличить количество местных изданий. В письме ЦК РКП(б) от 10 июня 1922 г. всем губернским и уездным комитетам предписано иметь «женские странички» в местных партийных газетах¹². Их содержание определялось женотделами, причем подробный перечень основных

тем был дан в этом инструкторском письме ЦК: от борьбы с религиозным фанатизмом до охраны труда и воспитания детей.

В 1922 г. уменьшилось количество «страничек для женщин» в местных газетах, появлялись они нерегулярно. Женотделы ссылались на нежелание редакторов, а иногда и партийных комитетов отводить для них место в газете. 14 июня 1922 г. ЦК РКП(б) в специальном циркуляре (№ 32) предложил сделать «странички» не органами женотделов, а частью газеты (напомнив об ответственности редактора), одновременно освещая жизнь работницы и крестьянки и в общей прессе. Это поручалось отделам партийной и рабочей жизни. После циркуляра «странички» выходят в 36 губерниях¹³. Позже они станут основой для развития местной прессы для женщин.

В обзоре женской прессы отмечалось, что «странички для женщин» в местных журналах не отвечают потребностям аудитории¹⁴, поэтому и началось издание региональных партийных женских журналов. Однако основной вопрос для Женотдела – насколько эти журналы помогают работникам местных женотделов в агитационно-пропагандистской работе. К концу первого года выпуска «Работницы» (в 1923 г. журнал вновь начал выходить) ответ на этот вопрос – «помогает незначительно»¹⁵. Именно это считается причиной невысокого тиража (5 тыс. экземпляров), а журналу ставится задача «проникнуть в гущу работниц» с помощью женотделов¹⁶.

Процесс становления массовых партийных женских журналов был непростым. Авторы и руководители редакций привыкли к агитационному стилю, революционной риторике, лозунгам и призывам. Даже в 1926 г. деятельницы Женотдела были вынуждены напоминать, что «в массовых женских журналах – малоподготовленный читатель и мало места для длинных теоретических рассуждений»¹⁷, нужно связывать решения партийных документов и конференций с «жизненными условиями» работницы и крестьянки, которые мыслят чрезвычайно конкретно¹⁸, пояснять значение «новых» слов («конференция», «съезд», «исполком» и др.), в одной статье нужно разбирать только один вопрос и т. п. Призывали в печати обратить внимание на беллетристику. Эта форма пропаганды коммунистических идей, по мнению деятельниц Женотдела, наиболее доступна для восприятия работниц и крестьянок. Но и беллетристика должна быть «политически

выдержанной и гармонизировать с общей установкой номера. Мещанские призывы о „бабе“ <...> должны быть изгнаны со страниц нашей печати»¹⁹.

В постановлении о печати Всероссийского совещания заведующих женотделами, принятом в январе 1924 г., сказано, что «внедрением в общую печать мы заинтересовываем нашей работой и способствуем установлению правильных взглядов на нее»²⁰. Здесь же повторяется, что «печатная агитация и пропаганда должны занять соответственное место в нашей работе, ибо они являются одним из лучших способов насаждения и внедрения наших идей в среду работниц»²¹.

О партийной женской печати в этом документе говорится, что она рассчитана главным образом на менее развитую часть работниц и крестьянок, для которых общая пресса слишком трудна. Предполагается, что более развитая (т. е. грамотная) часть работниц читает общественно-политическую массовую прессу. Однако этот тезис вызывает сомнения. Тиражи как женской, так и «общей» печати в начале 1920-х гг. были невелики, что связано со всеобщей малограмотностью и отсутствием привычки у рабочих и крестьян читать прессу.

Формирование системы региональных изданий для женщин

В 1919 г., когда был создан Женотдел ЦК РКП(б), выходили всего три газеты для женщин – в Петрограде, Владимире и Вессьегонске Тверской области. Женотдел регулярно отчитывался о количестве местных партийных изданий для женщин. Так, в сентябре 1923 г. сибирский женотдел начал издавать «Красную сибирячку», Горская Республика – «Горянку», Азербайджан – «Труженицу Закавказья», Москва – «Делегатку», Женотдел ЦК КП Украины продолжал издавать журнал «Коммунарка». Были и специальные газеты для женщин: «Красная тулячка», «Работница и крестьянка» в Москве, Рязани, «Крестьянка» в Орле, «Пролетарка Донбасса» в Бахмуте²².

В 1925 г., как следует из отчета Ф. Нюриной, выходило 16 партийных женских газет и журналов общим тиражом 300 тыс. экземпляров. Причем местные журналы «обслуживали» и работниц, и крестьянок²³. Нужно уточнить, что в 1925 г. выходило 18 женских журналов и одна газета. В отчете Женотдела отмечается,

что в начале 1926 г. в СССР выходят «14 женских журналов и 2 национальные газеты, из них 3 на восточных языках. Общий разовый тираж их составляет 350 тыс. экземпляров»²⁴. Эти издания имеют 4 тыс. рабселькорок²⁵.

Судя по обзорам в «Коммунистке», Женотдел был недоволен качеством местной печати. «Периодическая печать на местах еще слаба в качественном отношении и не носит массового характера. Тираж некоторых из них поистине убог», — писала Л. Сталь в 1925 г.²⁶ Вина за такое состояние печати возлагалась на местные женотделы, которые мало внимания обращали на содержание и продвижение женской прессы.

Для расширения аудитории в документах ЦК партии и инструкциях Женотдела местным комитетам предписывалось максимум внимания уделять распространению женской печати и всемерно расширять ряды рабочих и сельских корреспонденток. Эту же задачу должна была решить создаваемая в 1920-х гг. система региональной женской печати, речь о которой пойдет ниже. Выполняя постановление ЦК партии, Женотдел и все партийные женские журналы активно «выращивали» рабселькорок, постоянно отчитываясь об их количестве²⁷, повторяя, что ставится задача привлечь раборок не только в женскую, но и в стенную и прочую печать²⁸. Так, в начале 1925 г. рабселькорок было: у «Работницы» — 746, у «Крестьянки» — 825, у «Делегатки» (Москва) — 480, у «Работницы и крестьянки» (Ленинград) — 463, у республиканских журналов — 297, всего — 2 811. Л. Сталь подчеркивает, что, «конечно, ни о каком отдельном женском рабселькоровском движении не может быть и речи», рабселькорок надо привлекать в общую работу в общественно-политической печати²⁹.

На курсах партработников, организованных Женотделом, обсуждали местную женскую печать с точки зрения помощи местным женотделам: «критика журналистов вызвала горячие прения; даны указания и пожелания на будущее»³⁰. Отметим, что местная печать испытывала дефицит кадров, а женская печать — особенно. Местная женская пресса воспроизводила структуру центральных женских журналов, копировала как могла трактовку основных тематических направлений, формы работы с аудиторией, жанры, верстку и т. д. Собственно, это копирование поощрялось, так как центральные журналы демонстрировали образцы политически выверенного подхода к женской аудитории.

В документах ЦК ВКП(б) о печати постоянно повторяются требования к женотделам «усилить» руководство местной женской печатью, улучшить ее распространение и «повысить» эффективность содержания в связи с особой важностью этого типа прессы³¹.

В публикациях «Коммунистки» и других руководящих журналов мало примеров того, как разрабатывались конкретные тематические направления в женских журналах. «Руководящие указания» заключались в определенной иерархии тематических направлений, в выделении актуальных лозунгов и фокусировании на конкретных задачах, связанных с последними партийными решениями. Например, встречаются следующие указания: «надо усилить элементы классового воспитания», чтобы работница «осознала руководящую роль пролетариата во всех видах соц. строительства»³².

В общественно-политическом сегменте системы партийно-советской печати публикаций, посвященных «женскому вопросу», было немного, что объясняется разными причинами: недостатком кадров, отношением к этим темам как к второстепенным, несогласием с трактовкой вопросов равноправия женщин и т. д. Именно поэтому Женотделу удавалось на протяжении 1920-х гг. мотивировать необходимость количественного роста печати для женщин. Так, например, «женские странички» в отраслевой («профессиональной») печати были признаны неудачными: «сухой, официальный материал». Вместо них было рекомендовано шире освещать вопросы женского труда и быта в отраслевой прессе³³.

Деятельницы Женотдела постоянно выступали в руководящих журналах Отдела агитации и пропаганды, давая пример «правильной» трактовки темы женского равноправия. Они стремились публиковать статьи в общественно-политической печати – как в центральной, так и местной. Быстро сложилась традиция отмечать статьей или выступлением 8 марта или любые съезды, слеты и прочие мероприятия с участием женщин. Лидировала по количеству выступлений в прессе Н. К. Крупская.

Женотдел регулярно готовил обзоры общественно-политической печати, особенно региональной, о том, как подается в ней тема раскрепощения женщин. Констатировалось, что сложился вредный «уклон» – подчеркивание 8 марта как «бабьего праздника», а не общепролетарского. Приводятся примеры привкуса «сальности и обывательщины» в публикациях: «касаемо бабы – вещь полезительная, можно сказать важнейшая домашняя

обиходность»; «ежели, скажем, выпимши, как без бабы». «Какое отношение эта разнузданная болтовня, пропитанная похабщиной, имеет ко дню 8 марта? – спрашивала Н. Торская. – Может ли это активизировать работниц и крестьянок для борьбы за социализм, – мы сомневаемся. Нам думается, что такие фельетоны могут писать люди, совершенно не понимающие задач, которые партия ставит в области работы среди женщин»³⁴. Среди недостатков провинциальной печати названы: малопонятный язык статей, рассчитанный не «на массу», не на популярную печать («напыщенная и бессмысленная фразеология»), слабое привлечение самих работниц и крестьянок (рабселькорок) к проведению дня 8 марта³⁵. В подобных публикациях всегда перечислялись актуальные темы в улучшении труда и быта женщин.

На ситуацию, сложившуюся с «женской темой» в общественно-политической печати, влиял и такой фактор, как гендерный состав работников печати. В 1925 г. в СССР было проведено «бюджетное обследование» членов профсоюза работников печати. Оказалось, что в группе литературных работников из 89 человек было 85 мужчин и 4 женщины (4,7%), т. е. женщин было почти в 20 раз меньше, чем мужчин. Среди редакторов и заведующих отделами из 57 человек оказалось всего 4 женщины (7%) – в 13 раз меньше, чем мужчин. К сожалению, точных данных нет, но можно уверенно сказать, что женщины были редакторами, а не заведующими отделами. Однако среди корректоров женщины составляли уже 38% обследованных – это самые высокие показатели женщин-работников для сферы печати. В числе сотрудников экспедиции и разносчиков газет (профессии, требующие физической выносливости) женщин было 23%³⁶.

В женских журналах авторами подавляющего большинства публикаций были женщины, главными редакторами тоже. Однако, насколько можно судить по публикациям, в советской печати работали в основном мужчины, женщин-журналисток было очень мало.

Итак, в 1929 г. в системе партийной печати для женщин были три центральных журнала («Коммунистка», «Работница», «Крестьянка»), а также 19 журналов и одна газета (республиканские и губернские). Высоких тиражей достигли не только центральные журналы, но и два городских – «Делегатка» (Москва) и «Работница и крестьянка» (Ленинград). Сократилось количество женских газет и журналов – в основном за счет губернских и уездных.

Журналы для женщин в 1930-е гг.

В 1930 г. было признано, что «женский вопрос» в основном решен, поэтому был распущен Женотдел ЦК ВКП(б), закрыты журналы «Коммунистка» и «Делегатка».

Стоял даже вопрос о том, нужно ли вообще оставлять женскую прессу. «Мы со всей категоричностью заявляем, что еще не настало время для ликвидации женских изданий»³⁷, — писала Н. Торская в 1930 г. Она мотивировала это тем, что тираж массовых женских изданий достиг 800 тыс. экземпляров, что означает не менее 2 млн читательниц. «Общая печать» не сможет соответствовать специфическим запросам и нуждам этой аудитории, «выдерживать тот необходимый уровень популярности», который ей нужен. В городах до 40% безграмотных работниц, в деревнях около 70% безграмотных крестьянок, эти «массы будут требовать особого подхода к их нуждам и запросам»³⁸.

Фактически основным доводом Н. Торской было указание на то, что в условиях индустриализации и коллективизации эти два миллиона читательниц, лишаясь привычных изданий, не волеются в аудиторию общественно-политической прессы. Наоборот, нужно удержать уже сформировавшуюся аудиторию в поле партийной пропаганды и привлечь новую, пользуясь наработанными методами. Поэтому категоричный вывод «женские массовые журналы останутся»³⁹ кажется вполне убедительным. Но условия их работы будут «более сложными»: они «волеются в общее море партийной и советской печати», вместо женотделов ими «на общих основаниях» будут руководить отделы пропаганды партийных комитетов. Они «лишатся того повседневного толкача, который до сих пор опекал их неуклонно», — женотделов⁴⁰. Н. Торская подчеркивает, что женские журналы должны будут «встать на самостоятельные ноги», «ориентироваться на свой политический нюх». После закрытия женотделов Н. Торская прогнозирует усиление «помех» в эмансипации женщин, так как «бюрократы еще не перевелись, не перевелись и узколобые политики, которые продолжают свысока смотреть на работу среди работниц и крестьянок, которые не понимают или не хотят понять» ее важность для страны⁴¹. В качестве аргумента Н. Торская ссылается на постановление ЦК ВКП(б) о закрытии Женотдела: в нем говорится, что приобщение широчайших женских масс к социалистическому строительству имеет «особо важное значение»⁴².

В таблице 1 представлены данные о количестве женских изданий в 1917–1941 гг.

Таблица 1

Количество женских изданий в 1917–1941 гг.

Год	Женские издания		
	Газета	Журнал	Всего
1917	—	6	6
1918	—	4	4
1919	2	-	2
1920	8	2	10
1921	13	3	16
1922	5	9	14
1923	1	14	15
1924	—	19	19
1925	1	18	19
1926	—	24	24
1927	—	24	24
1928	—	26	26
1929	-	22	23
1930	2	20	22
1931	2	22	24
1932	1	25	26
1933	1	23	24
1934	1	22	23
1935	1	18	19
1936	—	21	21
1937	—	19	19
1938	—	18	18
1939	—	15	15
1940	—	15	15
1941	—	16	16

В 1935 г. выходило 19 женских журналов, в 1941 г., накануне войны, их было 16. В присоединенных республиках Прибалтики (Эстония и Латвия) тоже были созданы республиканские женские журналы на национальных языках.

Подавляющее большинство изданий для женщин в 1920–1930-е гг. издавалось партийными комитетами. Но выходило и несколько ведомственных журналов: «Гудок – домохозяйкам», «Общественница».

При газете «Гудок» непродолжительное время издавался в качестве приложения журнал «Гудок – домохозяйкам» (1927–1928 гг.). Его задачей было привлечь домохозяек к общественной работе или на производство. Газету «Домашняя работница» (1930–1931 гг.) издавал в Москве ЦК Союза рабочих народного питания; это было ведомственное издание, его содержание никак не было связано с вопросами эмансипации женщин.

Журнал «Общественница» издавался в 1936–1941 гг. наркоматами СССР (наркоматами тяжелой промышленности, путей сообщения, пищевой и легкой промышленности и др.). Аудитория журнала – жены хозяйственников, инженеров и техников тяжелой промышленности, которые названы «новым отрядом по перестройке быта и культуры». Цель журнала – «дать возможность каждой жене стать общественницей, найти свое достойное место в строительстве социализма»⁴³.

Тираж «Общественницы» с 11 тыс. вырос до 65 тыс. экземпляров, объем составлял от 32 до 64 полос, периодичность – 12–18 раз в год. В журнале приведены примеры того, как домохозяйки, жены инженеров выполняют общественную работу: посещают кружки политграмоты, смотрят за чистотой в столовых и детских садах, разбивают клумбы и проч. «Еще недавно кругозор многих домашних хозяек был ограничен кухней, кастрюлями, рынком. Стыдно признаться, но частым ворчанием мы не помогали своим мужьям, а мешали. Теперь мы поняли, что и мы можем принести народу большую пользу», – пишут читательницы журнала⁴⁴. Представление о том, какими были содержание и аудитория журнала, дают советы на каждый день: как чистить меха, полированную мебель, белые замшевые перчатки, шелковое платье, как сделать крем от «красноты рук», удалить пятна от шоколада, кофе и сливок с ковров, шерстяных тканей, бархата⁴⁵.

Этот журнал не соответствовал строгим критериям актуальности и политической «выдержанности» с точки зрения

задач эмансипации женщин, которые демонстрировали центральные партийные журналы «Работница» и «Крестьянка». Сам факт его существования говорит о том, насколько важно было в годы индустриализации вовлечь эту социальную группу (жен инженерно-технических работников) в поле политической пропаганды.

В 1930-х гг., после закрытия Женотдела, женская проблематика в прессе традиционно становилась актуальной накануне 8 марта. В 1935 г. весь номер «Бюллетеня для районных газет» (т. е. сборника статей для перепечатки местной прессой) был посвящен этому дню. Даже в программе радиовещания в 1930 г. значится тема «День работницы и крестьянки»⁴⁶.

Периодически к проблеме публикаций о женщинах обращались руководящие издания агитационно-пропагандистского отдела ЦК ВКП(б). Так, в 1933 г. в журнале «Районная и политотдельская печать» местной прессе адресовались следующие вопросы: «Почему на страницах (районной. — *О.М.*) газеты рассказ о жизни колхозниц, показ работы ударниц — исключительно редкое явление? Почему вы не бичуете отрывков старого, порой хамского, отношения к женщине? Где ваша помощь женорганам?»⁴⁷ Далее читаем: «Сделайте женский вопрос в колхозах, во всем его многообразии, повседневным вопросом на страницах ваших газет»⁴⁸.

Тот же журнал писал в 1935 г., что в районной газете нужно «систематически показывать лучших ударниц, бичевать тех, кто недооценивает роль женщин. Заботливо следить за ростом женщин на руководящей работе»⁴⁹.

В 1937 г., наряду с решениями об усилении молодежного, литературно-драматического, военного радиовещания и т. д., об увеличении пропаганды физкультуры, творчества народов СССР, упоминается о введении радиопередач для домохозяек. Они должны были транслироваться через день по нечетным числам 15 раз в месяц в течение 55 минут⁵⁰.

Один из немногочисленных примеров критического разбора женского журнала мы находим в журнале «Большевистская печать» за 1939 г.⁵¹ Автор анализирует журнал «Работница и крестьянка» (Ленинград). Он не обнаруживает в издании «политического невежества, политически ошибочных положений». Журнал старается быть в курсе актуальных событий, но в нем

плохой язык, неинтересные публикации. Автор отмечает, что в редакции «полный комплект» сотрудников, большинство из них имеют высшее образование, двое – специальное литературное образование. Редактор тов. Павлова – «хорошая партийка и политически грамотный человек, но недостаточно хороший редактор»⁵².

Голословные обвинения автор адресует и другим «нашим» женским журналам: «Они в большей или меньшей степени слабы и нуждаются в серьезном улучшении. Большинство из них не знает, к какому типу принадлежит: литературно-художественному, массово-политическому или смешанному. Нужно ли печатать рассказы и стихи? Как должна подаваться текущая политическая жизнь страны <...>? Какова должна быть вообще их тематика? Какие специфические женские вопросы должны освещаться на страницах этих журналов? Как освещать такие вопросы, как любовь, семья, взаимоотношения мужчины с женщиной? О всех этих сложных и глубоко волнующих вопросах у наших женских журналов (кстати сказать, имеющих миллионные тиражи) неопределенное мнение»⁵³.

Что можно ответить на эти обвинения? Тип агитационно-пропагандистского по функциям, политического по содержанию женского журнала сложился еще в 1920-е гг., никакого отношения к литературно-художественному журналу он не имеет. Тем более не понятно, что такое смешанный тип литературно-художественного и массово-политического журнала. Рассказы и стихи постоянно использовались в женской прессе как жанры, очень подходящие для актуализации пропагандистских установок. Все тематические направления развивались, причем достаточно целенаправленно, не меняя базовых представлений о путях и желаемых результатах эмансипации женщин. Подробно освещались вопросы любви, семьи и отношений мужчины и женщины. По-видимому, мужчине-рецензенту не близки принципиальные позиции большевичек-феминисток, которые издавали журналы, преследуя определенные цели – изменить отношение к женщине в обществе, но в первую очередь отношение к жизни и своему предназначению самой женщины.

Этот пример наглядно демонстрирует разницу между тем, как женской прессой руководил Женотдел и как выглядит это руководство после закрытия Женотдела. Все-таки традицион-

но в системе советских СМИ женская печать не считалась самостоятельным и важным сегментом, поэтому неудивительно, что ее практически не изучали в советское и постсоветское время.

Говоря современным языком, включение в повестку дня СМИ «женского вопроса» и работа по созданию системы печати для женщин – целиком заслуга Женотдела ЦК партии. За агитационными кампаниями и целенаправленной пропагандой идей эмансипации женщин в массовых женских изданиях не очень заметна более глобальная цель – изменение гендерных стереотипов общества. Хотя именно на нее и были направлены в конечном счете все усилия Женотдела.

К системе партийной периодики для женщин в 1917–1941 гг. критерий «издатель» позволяет отнести более 90 изданий для женщин. Структура партийных органов была вертикальной, поэтому система женской прессы соответствует этой вертикали.

В довоенный период выходили всего 4 центральных партийных общесоюзных журналов для женщин: кроме «Коммунистки», «Крестьянки» и «Работницы», в 1921–1925 гг. выпускался «Бюллетень отдела ЦК РКП по работе среди женщин».

Центральные руководящие журналы для женщин представляли собой модель содержания для местной руководящей печати, которая также, хотя и непродолжительное время, выходила в некоторых регионах.

«Работницу» и «Крестьянку» можно отнести к другому типу изданий и по задачам, и целевой аудитории, и содержанию. Это центральные массовые агитационно-пропагандистские журналы. Они представляли основные тематические направления, обязательные для массовой местной женской печати.

В системе изданий для женщин насчитывается около 70 региональных партийных изданий.

Все республиканские женские журналы издавались на национальных языках, выходили и двуязычные журналы (см. табл. 2).

Таблица 2

Журналы для женщин республиканских ЦК РКП(б)/ВКП(б)

№ пп	Название	Годы выпуска	Язык	Кол-во номеров в год	Место издания	Издатель
1	«Белорусская работница и крестьянка» (в 1931–1941 гг. – «Работница и колхозница Белоруссии»)	1924–1931	белорус., в 1924–1927 гг. – белорус. и рус.	12–36	Минск	ЦК КП(б) Белоруссии
2	«Женщина Востока» (в 1938–1940 гг. – «Женщина Азербайджана»)	1923–1938	азерб.	12–24	Баку	ЦК КП(б) Азербайджана
3	«Женщина Азербайджана» (в 1923–1938 гг. – «Женщина Востока»)	1938–1940 (прод.).	азерб.	6–24	Баку	ЦК КП(б) Азербайджана
4	«Колхозница Украины» (в 1924–1931 гг. – «Крестьянка Украины»)	1931–1941	укр.	4–24	Харьков, с 1934 г. – Киев	ЦК КП(б) Украины
5	«Коммунарка Украины» (приложения: «Антирелигиозный листок», 1928 г.; «В помощь до-машней хозяйке», 1928 г.)	1920–1934	укр., в 1920–1928 гг. № 10 – на рус.	10–48	Харьков	ЦК КП(б) Украины

Продолжение таблицы 2

6	«Крестьянка»	1940–1941	эст.	4–6	Тарту	ЦК КП(б) Эстонии
7	«Крестьянка Украины» (выделялся из журнала «Коммунарка Украины», с 1931 г. – «Колхозница Украины»)	1924–1931	укр.	12–24	Харьков	ЦК КП(б) Украины
8	«Наш путь» (в 1926–1939 гг. – «Груженица»)	1923–1926	груз.	12–24	Тбилиси	ЦК КП(б) Грузии
9	«Новый путь»	1926–1934	узб.	3–12	Ташкент	ЦК КП(б) Узбекистана
10	«По ленинскому пути»	1932–1941	тадж.	4–12	Сталинабад	ЦК КП(б) Таджикистана
11	«Работница и крестьянка» (в 1931 г. – «Работница и колхозница Белоруссии»)	1924–1931	белорус., в 1924–1927 гг. – белорус. и рус.	12–36	Минск	ЦК КП(б) Белоруссии
12	«Работница» (с 1 июля 1941 г. вместо журналов «Работница» и «Крестьянка»)	1941	эст.	3	Таллин	ЦК КП(б) Эстонии
13	«Работница»	1941	эст.	1	Таллин	ЦК КП(б) Эстонии

Окончание таблицы 2

14	«Работница Армении»	1924– 1941	арм.	5–24	Ереван	ЦК КП(б) Армении
15	«Работница и колхозница Белоруссии» (в 1924–1931 гг. – «Белорусская работница и крестьянка»)	1931– 1941	белорус.	10–36	Минск	ЦК КП(б) Белоруссии
16	«Работница и колхозница» («Голос женщин – в 1931 г., «Работница-деканка» – в 1932 г., «Колхозница» – в 1932 г.)	1931– 1932	туркм.	1–11	Ашхабад	ЦК КП(б) Туркменистана
17	«Светлая жизнь»	1936– 1941	узб.	5–12	Ташкент	ЦК КП(б) Узбекистана
18	«Трудящая женщина»	1940– 1941	латыш.	10–12	Рига	ЦК КП(б) Латвии
19	«Труженица» (в 1923–1926 гг. – «Наш путь»)	1926– 1939	груз.	3–31	Тбилиси	ЦК КП(б) Грузии

Республиканские журналы часто меняли названия, объединялись и разделялись, экспериментировали с периодичностью. Л. Сталь, критикуя местную женскую прессу за небольшие тиражи, сделала вывод, что «большинство наших журналов не имеют твердо установленной линии, какого читателя они обслуживают, и не изучили в достаточной степени своего читателя. Эта задача еще усугубляется тем, что ряд журналов ставят себе почти неразрешимую задачу обслужить одновременно работников и крестьянок»⁵⁴. Скорее всего, большинство этих изданий не нашли удачный формат и не сформировали устойчивую аудиторию, поэтому и выходили непродолжительный срок. Кроме того, для женских журналов сложно было найти квалифицированные кадры партийных журналистов, особенно в закавказских и азиатских республиках. Этот фактор влиял и на тиражи республиканских изданий: в целом они невелики, причем видна тенденция к снижению тиражей во второй половине 1930-х гг. Наименьшие тиражи у журналов, издаваемых в Армении, Грузии, Таджикистане. Наибольшие показатели тиражей у журналов Украины.

Краевых и губернских/областных партийных изданий для женщин – 38, из них 15 – газеты (см. табл. 3), т. е. их гораздо больше, чем республиканских (19) (см. табл. 2).

Таблица 3

Красные и губернские/областные партийные издания для женщин

№ пп	Название	Вид издания	Язык	Годы выпуска	Кол-во номеров в год	Место издания	Издатель
1	«Бюллетень Киргизского областного отдела работниц и крестьянок»	журн.	рус.	1924	1	Оренбург	Киргизский обком РКП(б)
2	«Газета крестьянки»	газ.	рус.	1921	3	Пенза	Пензенский губком РКП(б)
3	«Газета работницы»	газ.	рус.	1920	2	Владимир	Приложение к газете «Бюллетень Владимирского губкома РКП»
4	«Голос крестьянки»	газ.	рус.	1921	1	Пенза	Пензенский губком РКП(б)
5	«Делегатка»	журн.	рус.	1923– 1931	12–18	Москва	МК ВКП(б)
6	«Женщина Джетьсу»	журн.	рус.	1922	1	Оренбург	Обком КПТ
7	«Женщина на пути к социализму» (в 1937–1941 гг. – «Советская женщина»)	журн.	тат. (крымский)	1932– 1936	9–12	Симфе- рополь	Крымский обком ВКП(б)

Продолжение таблицы 3

8	«Женщина Семиречья»	журн.	казах.	1924	3	Алма-Ата	Джетысуйский обком и облисполком
9	«Колхозница» (в 1928–1930 гг. – «Хлеборобка»)	журн.	рус.	1931–1938	12–24	Ростов-на-Дону	Ростовский обком ВКП(б), с 1934 г. – Азово-Черноморский крайком ВКП(б)
10	«Колхозница Урала» (загем «Ударница Урала»)	журн.	рус.	1932	4	Свердловск	Уральский обком ВКП(б)
11	«Красная работница»	газ.	рус.	1921	7	Саратов	Саратовский губком РКП
12	«Красная сибирячка»	журн.	рус.	1922–1939	4–24	Новосибирск	Сибкрайком ВКП(б), затем Запсибкрайком ВКП(б), Новосибирский обком ВКП(б)
13	«Красная тулячка»	газ.	рус.	1921–1922	1–7	Тула	Тульский губком РКП(б)
14	«Красная тулячка»	журн.	рус.	1923–1924	1–2	Тула	Тульский губком РКП(б)

Продолжение таблицы 3

15	«Красное знамя»	газ.	рус.	1920	3	Владимир	Владимирский губком РКП
16	«Марийская женщина»	журн.	марийский	1932– 1936	3–12	Йошкар- Ола	Марийский облисполком
17	«На новом пути»	газ.	башк.	1929– 1935	7–70	Уфа	Башкирский обком ВКП(б)
18	«На новом пути»	журн.	башк.	1935– 1938	1–12	Уфа	Башкирский обком ВКП(б)
19	«Освобожденная женщина»	журн.	казах.	1926– 1929; 1931– 1934	4–13	Кызыл- Орда, Алма-Ата	Казахский крайком ВКП(б)
20	«Путь работницы и крестьянки»	газ.	рус.	1920	1	Петроград	Петроградский губком РКП(б)
21	«Работница»	журн.	чув.	1928– 1934; 1936– 1941	2– 12	Чебоксары	Чувашский обком ВКП(б)
22	«Работница и крестьянка»	газ.	рус.	1921– 1922	1–3	Тюмень	Тюменский губком РКП(б)

Продолжение таблицы 3

23	«Работница и крестьянка»	газ.	рус.	1921–1922	1–4	Пенза	Пензенский губком РКП(б)
24	«Работница и крестьянка»	газ.	рус.	1920	не указ.	Николаев	Губернский отдел при губпарткоме КП(б) Украины
25	«Работница и крестьянка» (в 1932–1936 гг. – «Работница и колхозница»)	журн.	эст.	1927–1931	5–12	Ленинград	Ленинградский обком ЦК ВКП(б)
26	«Работница и крестьянка»	журн.	рус.	1922–1941	2–24	Петроград, Ленинград	Петроградский комитет РКП(б), затем Ленинградский губкомитет ВКП(б)
27	«Работница и крестьянка»	журн.	рус.	1922	2	Симбирск	Симбирский губком РКП(б)
28	«Равенство»	газ.	казах.	1925	7	Оренбург	Женотдел обкома ВКП(б)
29	«Свободная женщина»	газ.	башк.	1921	не указ.	Уфа	Приложение к газете «Советская Башкирия»
30	«Свободная женщина»	журн.	таг.	1926–1941	4–24	Казань	Татарский обком ВКП(б)

Окончание таблицы 3

31	«Советская женщина»	журн.	фин.	1932–1937	9–22	Петро- заводск	Ленинградский и Карельский обкомы ВКП(б)
32	«Советская женщина» (в 1932–1936 гг. – «Женщина на пути к социализму»)	журн.	тат. (крымский)	1937–1941	6–12	Симфе- рополь	Крымский обком ВКП(б)
33	«Страничка работницы и крестьянки»	газ.	рус.	1920	1	Псков	Псковский губком РКП(б)
34	«Пролетарка Донбасса»	газ.	не изв.	1922	1	Бахмут, Донецкая губ.	Донгубпартком КП(б) Украины
35	«Труженица Закавказья»	журн.	рус.	1923–1924	1	Тифлис	Закавказский крайком РКП(б)
36	«Труженица Северного Кавказа»	журн.	рус.	1925–1927	8–12	Ростов-на- Дону	Севкавказкрайком и Донком ВКП(б)
37	«Ударница Урала» (с 1932 г. – «Колхозница Урала»)	журн.	рус.	1932–1937	9–12	Сверд- ловск	Уральский обком, с 1934 г. – Свердловский обком ВКП(б)
38	«Хлеборобка» (в 1931–1938 гг. – «Колхозница»)	журн.	рус.	1928–1930	12	Ростов-на- Дону	Северо- Кавказский крайком ВКП(б)

Из таблицы 3 видно, что иногда вместо газеты издавался журнал с таким же названием. Часть губернских журналов издавалась на национальных языках: татарском, башкирском, казахском, чувашском, марийском, языке крымских татар. К сожалению, сведения об их тиражах фрагментарные.

Из губернских журналов хотелось бы отметить «Делегатку», орган женотдела Московского комитета ВКП(б). На обложке журнала был помещен лозунг «От кухни, от печки, корыт и кадок – иди становись в ряды делегатов!»⁵⁵. Журнал был ориентирован на работниц и крестьянок Москвы и Московской губернии. Большинство рубрик «Делегатки» дублировали рубрики центральных женских журналов: «Руководящий отдел», «По России», «Отдел Ильича», «За границей», «Наши делегатки», «Женщина и религия», «Новый быт», «Отдел матери и ребенка», «Веселый уголок», «Почтовый ящик», «Научно-популярный отдел». Только рубрика «Отдел по Москве и губернии» указывала на региональные ориентиры журнала.

Качеством публикаций, иллюстраций, количеством рассказов и стихотворений «Делегатка» не уступала «Работнице», по тиражам конкурировала с «Крестьянкой».

Районные издания для женщин – 7 газет и 2 журнала – выходили в основном в конце Гражданской войны. Позже этот тип прессы не развивался, возможно, потому что выпускались областные журналы для женщин. Кроме того, в регионах особенно часто жаловались на нехватку квалифицированных кадров, а пресса для женщин требовала еще и знаний специфических особенностей этой аудитории.

Анализ содержания изданий показывает, что центральные женские пропагандистские журналы («Работница» и «Крестьянка») определяли содержание местных изданий, а также их жанры, методы подачи материала, визуальные средства.

В конце 1920-х гг. основные задачи эмансипации женщин считались выполненными, поэтому в 1930 г. были закрыты Женотдел ЦК ВКП(б) и местные женотделы. Система печати для женщин в целом сохранилась, до начала Великой Отечественной войны выходили центральные и республиканские партийные журналы для женщин.

Примечания

¹ См., например: Что дал Октябрь работнице и крестьянке (тезисы для агитаторов) // Вестник агитации и пропаганды. 1920. № 2. С. 27–30; Основные

положения о производственной пропаганде среди работниц // Вестник агитации и пропаганды. 1920. № 3. С. 11–12; *Ярославский Е.* Об антирелигиозной агитации и пропаганде среди работниц и крестьянок // Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 19. С. 31–32.

² Отчет о работе отдела ЦК РКП по работе среди женщин с марта 1920 г. по февраль 1921 г. // Известия ЦК РКП(б). 1921. № 28. С. 29.

³ См.: О деятельности отдела ЦК РКП по работе среди женщин // Коммунистка. 1920. № 5. С. 37–38.

⁴ См.: Там же. С. 38.

⁵ См.: Отчет отдела ЦК РКП по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1922. № 3. С. 48.

⁶ *Сталь Л.* Печать для работниц и крестьянок // Коммунистка. 1925. № 6. С. 44.

⁷ *Сталь Л.* Задачи женских журналов // Коммунистка. 1925. № 7. С. 67–68.

⁸ *Нюрина Ф.* Печать работниц и крестьянок к 7-й годовщине // Красная печать. 1924. № 35. С. 59.

⁹ *Ковнатор Р.* Пять лет «Коммунистки». Наши достижения и задачи // Коммунистка. 1925. № 6. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 7.

¹¹ Отчет отдела ЦК РКП по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 31.

¹² О «Страничке работницы и крестьянки» в местных газетах. Письмо ЦК РКП(б) от 10 июня 1922 г. // Решения партии о печати. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 41.

¹³ Отчет отдела ЦК по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 106.

¹⁴ *Нюрина Ф.* «Работница» // Коммунистка. 1923. № 11. С. 36.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Гопнер С.* В печати для женских масс // Красная печать. 1926. № 21. С. 17.

¹⁸ *Нюрина Ф.* Классовое воспитание и вовлечение работниц в строительную работу // Коммунистическая революция. 1927. № 3. С. 51.

¹⁹ *Торская Н.* 8 марта и печать // Красная печать. 1927. № 2. С. 14.

²⁰ Из резолюций и постановлений V Всесоюзного совещания при ЦК РКП(б) заведующих женотделами (24 января – 2 февраля 1924 г.) // Решения партии о печати. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 52.

²¹ Там же.

²² Отчет отдела ЦК по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 3. С. 106.

²³ *Нюрина Ф.* Массовая работа среди работниц // Спутник агитатора. 1925. № 21. С. 49.

²⁴ *Сталь Л.* К истории женской рабочей печати // Красная печать. 1926. № 7–8. С. 35.

²⁵ Там же.

²⁶ *Сталь Л.* Печать для работниц и крестьянок // Коммунистка. 1925. № 6. С. 46.

²⁷ *Захарян.* Женкорские кружки // Красная печать. 1926. № 10. С. 21–23.

²⁸ *Нюрина Ф.* Раборка // Красная печать. 1924. № 21–22. С. 4.

²⁹ *Сталь Л.* О работе среди раборок и селькорок // Красная печать. 1925. № 17–18. С. 47–49.

³⁰ Отчет отдела ЦК по работе среди женщин // Известия ЦК РКП(б). 1923. № 7–8. С. 53.

³¹ См., например: Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок (Из постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 марта 1926 г.) // Решения партии о печати. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 98; Об обслуживании печатью женских трудящихся масс. Постановление ЦК ВКП(б) от 29 апреля 1927 г. // Решения партии о печати. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 108–109.

³² *Нюрина Ф.* Классовое воспитание и вовлечение работниц в строительную работу // Коммунистическая революция. 1927. № 3. С. 50.

³³ См.: Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок (Из постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) от 1 марта 1926 г.) // Решения партии о печати. М.: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941. С. 83.

³⁴ *Торская Н.* 8 марта и печать // Красная печать. 1927. № 2. С. 12.

³⁵ См.: Там же. С. 13.

³⁶ *Дембо В. О.* Бюджет работника печати (итоги бюджетного обследования). М.: Центральный совет секции работников печати при Союзе рабочих полиграф. производства, 1927. С. 6.

³⁷ *Торская Н.* Задачи массовой женской печати // Коммунистка. 1930. № 2–3. С. 11.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 12.

⁴⁰ Там же. С. 13.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ От редакции // Общественница. 1939. № 10. С. 37.

⁴⁴ Настоящая жизнь // Общественница. 1938. № 6. С. 34.

⁴⁵ Общественница. 1937. № 17–18.

⁴⁶ Календарный план тем для деревенских передач на 1929/1930 год // «Великая книга дня...» Радио в СССР. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 72.

⁴⁷ Не ждите восьмого марта // Районная и политотдельская печать. 1933. № 3. С. 8.

⁴⁸ Там же. С. 9.

⁴⁹ Бережно и заботливо выращивать женские кадры // Районная и политотдельская печать. 1935. № 7. С. 3.

⁵⁰ Об образовании редакции «Передач для домашних хозяек»: из приказа № 220 по ВРК при СНК СССР 16 июня 1937 г. // «Великая книга дня...» Радио в СССР. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2007. С. 97–98.

⁵¹ *Краснов П.* О женских журналах // Большевицкая печать. 1939. № 9–10. С. 31–33.

⁵² Там же. С. 32.

⁵³ Там же. С. 33.

⁵⁴ *Сталь Л.* Задачи женских журналов // Коммунистка. 1925. № 7. С. 65.

⁵⁵ Делегатка. 1924. № 5.

УДК 070 + 94 (47)

ББК 76.003

Д 33

И. Н. Денисова, кандидат филологических наук, доцент кафедры цифровой журналистики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

E-mail: Irina_denisowa@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ ХУДОЖНИКОВ КАК СПОСОБ ОСВЕЩЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье речь идет о творчестве военных художников – свидетелей военных потрясений XIX–XXI вв. Несмотря на появление фотографии, газетные и журнальные материалы несколько десятилетий иллюстрировались в основном репродукциями работ художников. После усовершенствования фотографического процесса труд художников не утратил своей значимости. Иллюстрации рассказывали о событиях войны, ее героях, служили средством агитации и пропаганды. Военные художники востребованы и сегодня.

Ключевые слова: военные художники, военная журналистика, организация работы журналиста, профессиональная этика, информационная война.

THE ACTIVITY OF MILITARY ARTISTS AS A WAY OF COVERING THE FIGHTING

The article deals with the work of military artists who witnessed the military upheavals of the XIX–XXI centuries. Despite the appearance of photography, newspaper and magazine materials have been illustrated for several decades mainly with reproductions of artists' works. After the improvement of the photographic process, the work of the artists has not lost its importance. The illustrations told about the events of the war, its heroes, and served as a means of agitation and propaganda. Military artists are still in demand today.

Key words: military artists, military journalism, organization of a journalist's work, professional ethics, information warfare.

Художники были иллюстраторами военных событий с начала XIX в.¹ Военные конфликты они фиксировали кистью, карандашом, углем. Любой рисунок давал больше информации, чем прошедшая строгую цензуру газетная или журнальная публикация. Художник-график Б. Е. Ефимов в книге «Работа, воспоминания, встречи» пишет: «Рисунок в газете или журнале первым из всех изобразительных жанров разносит из края в край подхваченное и отображенное художником чувство миллионов людей – их насмешку или возмущение, радость или гнев»². Смысл рисунка понимает даже неграмотный.

Во время Отечественной войны 1812 г. русские художники высмеивали в карикатурах французского императора и его армию, хотя до начала военной кампании Александр I запрещал «сатирические выпады в сторону Наполеона»³. Карикатуры-картинки, призывавшие русский народ к борьбе с завоевателями и воспевавшие подвиги героев, «распространялись чаще всего в форме „летучих рисунков“, отдельных самостоятельных листков»⁴. Листки выпускались тиражом 200–300 копий с одного рисунка, авторство многих рисунков неизвестно⁵.

Художники И. И. Теребеньев, А. Г. Венецианов, И. А. Иванов изображали французского суверена и его армию ущербными, трусливыми. В то же время мастера подчеркивали бесстрашие и силу русских людей, защищающих Отечество. Названия их карикатур говорят сами за себя: «Обратный путь или действие русского слабительного порошка», «Смотр французским войскам на обратном их походе через Смоленск», «Русский Геркулес города Сычевки», «Французские гвардейцы под конвоем бабушки Спиридоновны», «Бегство Наполеона», «Наполеон формирует новую армию из разных уродов и калек»⁶. Этими карикатурами иллюстрировались статьи русских и зарубежных периодических изданий, посвященные военным событиям⁷. Карикатуры издавались и как приложение к журналу «Сын Отечества» Н. И. Греча⁸. «Главная черта всех картинок, вышедших в Отечественную войну, – это неподдельный народный юмор. <...> Картинками чуть ли не каждый шаг Наполеона сопровождается, начиная от его вторжения и кончая бегством туда, откуда пришел», – пишет Д. Г. Булгаковский⁹.

Кавказская война 1817–1864 гг. богато отражена в изобразительном искусстве благодаря военным служащим, обладавшим

художественным талантом. Многие работы этих мастеров были опубликованы в газетах и журналах. «Рисунки, выполненные с натуры, воспроизводились в виде литографий в „Русском художественном листке“ В. Ф. Тимма и становились доступными широким слоям российского общества», – пишет Т. А. Колосовская¹⁰. Тем самым изобразительное искусство, наряду с публицистикой, выполняло в те годы задачу, которую Р. А. Фадеев сформулировал так: «Каждый русский должен знать, хотя бы в главных чертах, что делается на Кавказе, где бьются двести тысяч его соотечественников»¹¹.

События Крымской войны (1853–1856 гг.) стали темами лубочных картинок – популярных в народе рисунков, сопровождающихся текстами¹². Русские солдаты изображались как герои, противник, напротив, в уничижительном виде. Лубки печатались отдельными тиражами, «распространяя в народе сочувствие к воинам нашим, делая известными их имена и подвиги»¹³; вывешивались на всеобщее обозрение в людных местах, преимущественно на оградах церквей, на рынках и ярмарках¹⁴; публиковались в газетах и журналах, издавались в виде альбомов. «Лубочная визуализация военных событий, выполнившая функцию коммуникации со зрителем, легла в основу не только военного лубка, карикатуры, „летучих листов“ периода Отечественной войны 1812 г., Крымской войны, но и положила начало созданию агитационных плакатов, ставших в годы Первой мировой войны и Великой Отечественной войны мощным информационным оружием», – считает Д. К. Первых¹⁵.

Первые фотографии с театра военных действий были сделаны во время американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Они представляли собой нечеткие дагеротипные снимки, довольно дорогие в производстве. Поэтому свидетельства художников особенно ценны, в количественном измерении их значительно больше, чем фотоснимков.

В. В. Верещагин – «специальный корреспондент» русского искусства

Художника В. В. Верещагина упоминают прежде всего, когда речь идет о батальном жанре изобразительного искусства. Он прожил насыщенную событиями жизнь, несколько раз был «на театрах военных действий»¹⁶, много путешествовал. Уви-

денное переносил на полотна, которые стали известны во всем мире. Помимо славы художника, В. В. Верещагин приобрел славу писателя – при его жизни вышло 12 его книг¹⁷. Его очерки, воспоминания¹⁸, статьи, рецензии печатались в периодических изданиях: «раздел библиографии, составленной Г. К. Буровой и А. К. Лебедевым, насчитывает свыше 170 номеров 18 русских журналов и газет с публикациями Верещагина»¹⁹. Искусствовед и художественный критик Г. С. Островский о Василии Васильевиче пишет: «Не романист-психолог и не занимательный рассказчик – Верещагин был по складу своего дарования художником-документалистом, „специальным корреспондентом“ русского искусства на театрах военных действий»²⁰.

В. В. Верещагин всегда находился «в самых передовых отрядах и в самых опасных местах»²¹. Во время Туркестанских походов он был штатным рисовальщиком армии генерала К. П. фон Кауфмана. На Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. состоял в группе адъютантов командующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича. Художник делал наброски, наблюдая за ходом сражений. Был ранен, когда миноносец «Шутка», на котором он находился, вступил в бой с турецким судном²². Мастер работал над своими полотнами с особой тщательностью: «Он изучал архивы, читал мемуары для того, чтобы максимально точно передать на холсте все детали и описать места, в которых побывал: природу и памятники архитектуры, местных жителей и их обычаи, исторические события, батальные сцены, раскрывая особенности национальных культур разных народов и подчеркивая самые неприглядные стороны войны»²³. Для цикла «1812 год» Верещагин изучил воспоминания участников Отечественной войны 1812 г.²⁴

Работы В. В. Верещагина – ценный источник о Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.²⁵ На своих полотнах художник изобразил не сцены эпических побед, а тяготы и ужасы этой войны²⁶. Писатель В. И. Немирович-Данченко, отправившийся на Русско-турецкую войну военным корреспондентом, о работе Верещагина в период взятия Шипки вспоминал: «Василий Васильевич до вечерней зари каждый день работал там, рисуя с натуры картины, полные нечеловеческого ужаса. <...> Он не только рисовал – он собирал и свозил с полей целые груды пропитанного кровью тряпья, обломки оружия, мундиры турецких солдат.

До некоторых из этих предметов было противно дотронуться, но такой реалист, как Верещагин, собственноручно связывал их в узлы и таскал к себе»²⁷. В. В. Верещагин считал, что «дать обществу картины настоящей, неподдельной войны нельзя, глядя на сражение в бинокль из прекрасного далека, а нужно самому все прочувствовать и проделать, участвовать в атаках, штурмах, победах, поражениях, испытывать голод, болезни, раны. Нужно не бояться жертвовать своей кровью, своим мясом, иначе картины <...> будут „не то“»²⁸.

Выставки работ В. В. Верещагина имели огромный успех²⁹. Для того чтобы все желающие смогли увидеть «Туркестанскую серию» (состоит из 13 картин, 81 этюда и 133 рисунков³⁰), художник «установил бесплатный вход на выставку в течение нескольких дней в неделю»³¹ (речь идет о выставке в Петербурге, состоявшейся в 1874 г. – *И.Д.*).

В. В. Верещагин погиб весной 1904 г. на борту флагмана Тихоокеанской эскадры броненосца «Петропавловск», который налетел на японские мины и затонул. Тогда погибли командующий эскадрой адмирал С. О. Макаров, 620 матросов и 29 офицеров³².

И. А. Владимиров: от Кавказской войны до блокадного Ленинграда

И. А. Владимиров учился в Виленской рисовальной школе, затем в Санкт-Петербургском юнкерском училище. Но на военной службе не остался – решил шлифовать свой талант в Императорской Академии художеств. Работы, посвященные войне на Кавказе, принесли Владимирову известность. Художник получил в дальнейшем всеобщее признание как «бытописатель» событий, происходивших в России в начале XX в.³³

На Русско-японскую войну И. А. Владимиров отправился в качестве художественного корреспондента. Был свидетелем боев на реке Шахэ за Путиловскую и Новгородскую сопки 3–4 октября 1904 г., взятию этих сопкок художник посвятил несколько работ. В качестве художественного корреспондента был и на передовой Балканских войн 1912–1913 гг., работал над зарисовками военных событий. Затем находился на фронтах Первой мировой войны: осенью 1914 г. на Северо-Западном, весной 1915 г. на Западном фронте. Его акварели, посвященные событиям Первой мировой войны, были опубликованы в журнале «Нива» (редактор-издатель

А. Ф. Маркс)³⁴. Работа в Петроградской милиции в 1917–1918 гг. тоже нашла отражение в творчестве художника. Через несколько лет И. А. Владимиров создает несколько полотен, посвященных Советско-финской войне 1939–1940 гг. Во время Великой Отечественной войны художник жил и творил в блокадном Ленинграде. Ушел из жизни в декабре 1947 г.

Первая мировая война

Австро-венгерская армия мобилизовала 346 художников империи – они стали частью Военной пресс-службы общей армии (*k.u.k. Kriegspressequartier*, далее *KPQ*)³⁵. Военные власти издали «Предписание по живописному освещению войны» (*Vorschrift für die bildliche Berichterstattung im Kriege*), в котором были прописаны в том числе следующие задачи: «эффективно донести до граждан страны и за рубежом информацию о вооруженных силах в правильном свете, подготовить материалы для последующих исторических исследований, прославляющие подвиги в искусстве и литературе»³⁶.

Художники изображали тяготы и лишения фронтовой жизни. Требования к ним были следующие: один раз в неделю создавать не менее одного эскиза, один раз в месяц – как минимум одну картину. Пейзажистам необходимо было акцентировать свое внимание на природе, а портретистам запечатлевать солдат и офицеров – героев войны. Мастера жанровой живописи должны были делать как можно больше набросков, изображающих подвиги. Эти наброски использовались в том числе для создания агитационных открыток и плакатов³⁷.

Все сотрудники *KPQ* состояли на полном государственном обеспечении, были экипированы по уставу. Они носили специальные желто-черные нарукавные повязки с надписями белого цвета «*PRESSE*», «*KUNST*» или «*KRIEGSPRESSEQUARTIER*»³⁸.

В британской, как и австро-венгерской армии, была официальная должность военного художника. С целью сохранить память о страшных преступлениях Первой мировой войны по заказу Британского комитета по военным мемориалам художник Джон Сингер Сарджент создает картину «Отравленные газом» (1919 г.). Британский художник Джон Нэш в 1916 г. уходит на фронт добровольцем, с 1918 г. служит в качестве военного художника. «Над вершиной» (1918 г.) – самая известная его работа, посвященная

Первой мировой войне. Его брат Пол Нэш отправился на Первую мировую войну в качестве художника армии союзников в составе подразделения «*The Artists' Rifles*». Получил ранение. Увиденное на фронте настолько впечатлило художника, что он изменил стиль своих работ, они стали мрачными («Менинская дорога», «В атаку», «Мертвое море» и др.). Своей супруге Пол Нэш с фронта писал: «Я видел самый страшный кошмар... Я больше не пытливый и увлеченный живописец, я – посланник»³⁹.

Уильям Орпен в годы Первой мировой войны работал официальным художником в отделе пропаганды военного министерства Британии. Ужасные последствия этой войны, свидетелем которых он был, отражены на полотнах «Мертвые немцы в траншее» (1918 г.), «Зоннебеке» (1918 г.).

Французский художник Морис Дюбуа, будучи уже довольно пожилым человеком, в письме военному министру просил о встрече, чтобы рассказать о «той роли, какую традиционно играл живописец в армии, начиная с эпохи Людовика XIV»⁴⁰; также он просил направить его самого и его коллег на фронт для работы.

В ноябре 1914 г. военное министерство Франции после ходатайства генерала Нио, директора Музея Армии, направило группу французских художников на фронт. Была договоренность о покупке музеем работ этих художников (впоследствии музей нарушал договоренность, и часть работ осталась у мастеров). Таким образом Феликс-Жозеф Бушор, Франсуа Фламенг, Анри Жакье, Жорж Скотт, Андре Девамбе, Жан-Жак Берно-Беллекур, Раймон Деварро отправились на поля сражений для того, чтобы увидеть и запечатлеть войну. Картины художников выставлялись в Музее Армии, их репродукции публиковались в периодических изданиях, например, в сатирическом журнале Люмо⁴¹.

Осип Цадкин служил санитаром в полевом госпитале. Получил тяжелое отравление после газовой атаки, лечился в госпитале, был демобилизован⁴². По мотивам сделанных зарисовок создал серию офортов, посвященных своему фронтовому опыту.

Русские художники Казимир Малевич, Илья Машков, Аристарх Лентулов, Давид Бурлюк с первых дней войны рисовали пропагандистские листовки в стиле лубка. Подписи к ним придумывал Владимир Маяковский («Масса немцев пеших, конных», «Эх, султан, сидел б в Порте», «Астрияки у Карпат»)⁴³.

Художница Н. С. Гончарова в 1914 г. создала серию литографий «Мистические образы войны»⁴⁴. Первые рисунки художника Б. Е. Ефимова появились в июне 1919 г. в наркомвоенморской газете «Красная армия». «Именно с этого времени я исчисляю дату своего рождения как политического карикатуриста», – вспоминал художник⁴⁵.

Великая Отечественная война

Советскую пропаганду во время Великой Отечественной войны называли третьим фронтом, а карандаш – оружием художников⁴⁶. 24 июня 1941 г. была сформирована редакция-мастерская «Окна ТАСС»⁴⁷. За первый военный месяц мастерская создала 119 агитационных плакатов, их тираж составил 7 200 экземпляров; за военные годы было выпущено 1 289 плакатов тиражом 842 550 экземпляров⁴⁸. Коллектив редакции трудился без выходных, работа не останавливалась ни на час. «Окна ТАСС» выходили в Москве, Ленинграде, Ашхабаде, Баку, Ташкенте, Свердловске и других городах Советского Союза. Только в московской редакции трудились 125 художников, 83 писателя и нескольких сотен печатников⁴⁹. Агитационные плакаты отправляли на фронт, в тылу их клеили на доски объявлений, заборы, столбы, размещали в витринах; для партизан выпускали плакаты специального формата⁵⁰.

В блокадном Ленинграде художники творили из последних сил. Им приходилось работать в перчатках и отогревать краски своим дыханием⁵¹. Пейзажистка А. П. Остроумова-Лебедева, несмотря на почтенный возраст, отказалась эвакуироваться из города. Она обустроила кабинет в ванной комнате – там было тише и безопаснее⁵². Художница вспоминала: «Положу на умывальник чертежную доску, на нее поставлю чернильницу. Впереди на полочке – коптилка. Здесь глуше звучат удары, не так слышен свист летящих снарядов, легче собрать разбегающиеся мысли и направить их по должному пути. <...> Голова кружится от утомления и слабости, но я скрываю свое состояние и усердно пишу, внутренне терзая себя за плохое качество работы»⁵³.

А. Ф. Пахомов⁵⁴, автор серии литографий «Ленинград в дни войны и блокады», писал следующее: «Серия не является непосредственными зарисовками с натуры, это композиции, сделанные на основе наблюдений и размышлений, <...> хотелось изо-

бразить все то новое, что принесла с собой война и блокада. Вид ленинградских улиц был необычным, исчезли трамваи, автобусы, автомобили, мало стало прохожих, появились снежные сугробы; там, где был всегда подметенный асфальт, появились люди с детскими саночками, везущие разную поклажу»⁵⁵.

Над выпуском плакатов в годы Великой Отечественной войны работали ленинградские художники (И. С. Астапов, Н. М. Быльев, В. И. Курдов, В. А. Николаев, Ю. Н. Петров, В. А. Тамби, Н. А. Тырса, И.Ф. Холодов и др.), поэты и писатели (Н. Л. Дилакторская, А. А. Прокофьев, В. М. Саянов, С. Д. Спасский, Б. П. Тимофеев, Н. С. Тихонов и др.) творческого объединения «Боевой карандаш»⁵⁶.

На IV пленуме ЦК Всесоюзного профессионального союза работников искусств (РАБИС) было решено мобилизовать художников для образования фронтовых художественных бригад, которые должны были создавать средства наглядной агитации⁵⁷. Почти 900 мастеров отправились на фронт⁵⁸: «отныне искусство, как никогда, будет служить могучим и боевым оружием победы коммунизма над фашизмом»⁵⁹. Им выдали удостоверение фронтового художника и художественный инвентарь (карандаши, краски, блокноты). Мастера служили в фронтовых бригадах и при политуправлениях, издававших газеты. В состав такой бригады, кроме художников, входили патологоанатомы⁶⁰. Бригадир имел мандат Главного военно-санитарного управления. Иногда к художникам присоединялись фотографы, но именно художники создавали большую часть иллюстраций для армейской прессы – рисунки, плакаты, этюды. Дивизионные и армейские газеты обычно выходили два раза в неделю, и в очередной номер художник должен был «сдать» портрет героя или зарисовку с поля боя. Битву за Москву иллюстрировали более 60 военных художников⁶¹. Каждый мастер получал конкретное задание, которое выполнялось к определенному сроку. Приоритетные темы иллюстраций – работа медицинских подразделений, эвакуация, раздача питания, выступления артистов. Если в начале войны в работах художников звучал мотив порабощения, то после коренного перелома в ходе военных действий этот мотив сменился другим – прославлением подвига народа и несокрушимости Советской Армии. Согласно «Памятке художнику, командированному военно-санитарным музеем Красной Армии на фронт»⁶², его маршрут начинался с поездки

в штаб Санитарного управления фронта. «После получения назначения художник выезжал в указанную ему часть, согласовывая свои действия с командованием этой части», — пишет М. С. Олейник⁶³. Б. М. Неменский, военный художник, участник Великой Отечественной войны⁶⁴, в интервью корреспонденту «Известий» рассказал о своей работе в военное время следующее: «Возвращаясь из фронтовых командировок, мы сдавали свои зарисовки, запасались необходимыми материалами и снова отправлялись на передовую. А рисунки уходили в свой путь, выставочный — и на другой фронт, и в тыл. Война их тоже не жалела, поэтому большая их часть не сохранилась»⁶⁵.

Художник фронтовой газеты «На разгром врага» А. Г. Вязников вспоминал: «Редакции фронтовой газеты была положена спецавтомашинка с типовой походной цинкографией. Она состояла из фотоаппарата, работавшего на фотопластинках с сухой эмульсией, копировальной рамы и других элементов цинкографии. Процесс работы требовал специфических условий, определенной температуры проявителей, а газета требовала оперативности. Приходилось рисовать прямо на цинковой пластине типографской краской и травить ее кислотой. Это сковывало почерк художника, но клише обеспечивались в краткие сроки и бесперебойно»⁶⁶.

При Главном управлении политической пропаганды Военно-морского флота СССР с конца 1920-х гг. в штате работали художники⁶⁷. С. С. Боим, Ю. М. Непринцев, И. Ф. Меркеев, Б. И. Пророков, Я. Д. Ромас, Г. Н. Петров, Г. С. Верецкий и другие флотские художники создавали сатирические плакаты и иллюстрации для газет, посвященные событиям на флоте⁶⁸. Небольшие тиражи плакатов, боевых листовок выпускались специально для флота и распространялись на кораблях⁶⁹.

В свердловских газетах «Уральский рабочий» и «На смену!» выходили «окна сатиры». Жители города с нетерпением ждали очередные выпуски газет с плакатами и карикатурами на злобу дня («Ой, и будет морда бита у Гитлера-бандита!», «Фашистский попугай, министр клеветы Геббельс», «Советские соколы и фашистские стервятники»⁷⁰) и новостями с фронта.

Художники создавали пропагандистские плакаты и листовки и для распространения во вражеской армии: «вслед за ураганным огнем советских артиллерии и авиации летели листовки»⁷¹. М. И. Бурцев пишет, что только «за первые 12 дней войны было

издано и распространено в расположении войск и в тылу противника 66 видов листовок, лозунгов, обращений общим тиражом 90 млн экземпляров»⁷². Листовка-пропуск адресовалась немцам, сдающимся в плен⁷³.

Работы художников отличались сарказмом. Гитлера изображали «верхом на битом тигре или в тигровой шкуре с полуоторванным хвостом»⁷⁴. Или рядом с карикатурой на Гитлера большими буквами написано: «Стреляй в него! Он ведет вас на смерть!». Таким образом, разрушался миф о непобедимости немецкой армии и ее чудо-оружии.

Портреты прославившихся солдат и офицеров воодушевляли тружеников тыла, поднимали боевой дух защитников Родины. История сохранила наставление (датировано 15 июня 1942 г.), полученное Константином Вяловым, за подписью старшего политрука, начальника отдела истории Красного флота Центрального военно-морского музея Берникова: «После того, как у Вас будет все ясно, Вы пишите рабочий эскиз о героическом подвиге тов. Сафронова и эскиз его портрета на месте»⁷⁵ (речь идет о подвиге дважды Героя Советского Союза военного летчика подполковника Бориса Сафонова. – *И.Д.*).

Художник А. М. Родионов⁷⁶ делал в своем дневнике зарисовки с поля боя, посвящая их отличившимся в сражениях солдатам и офицерам, погибшим товарищам. В наградном листе А. Родионова указано, что «с ноября 1944 г. гвардии лейтенант работал художником в редакции армейской газеты „Во славу Родины“»⁷⁷. Родионов освоил производство типографских клише в походных условиях и передавал в газету портреты героев сражений за Одер, Нейсе, Шпрее и Берлин⁷⁸.

Художники создавали листовки, пропагандирующие боевой опыт солдат и офицеров, наглядные пособия по уничтожению бронированной вражеской техники. Например, когда был захвачен первый «Тигр», мастера создали схему с указанием наиболее уязвимых мест танка.

Б. М. Альменов во время войны работал в редакции татарской газеты «Вперед на врага!»⁷⁹. Он часто бывал на первом Прибалтийском фронте, в деокупированной Белоруссии. Под обстрелом делал зарисовки для фронтовой газеты углем и карандашом⁸⁰.

И. В. Царевича в сентябре 1941 г. назначают художником газеты «За Родину» 110-й стрелковой дивизии, в апреле 1943 г.

он становится художником газеты 33-й армии «За правое дело». За годы войны Царевич запечатлел многочисленные эпизоды сражений, прошел путь от Москвы до Берлина⁸¹.

Некоторые художники-баталисты Студии имени М. Б. Грекова ушли на фронт в первые дни войны⁸². Фиксировали увиденное и пережитое, гибли, получали ранения. П. А. Кривоногов⁸³, один из грековцев, изобрел специальный «скворечник» для хранения рисунков: «Это была папка, обрамленная деревянной рейкой: листы в ней лежали очень плотно и поэтому рисунки в ней не терлись. Иначе на ухабах военных дорог от них ничего бы не осталось»⁸⁴.

Л. А. Бруни⁸⁵ в качестве художника-документалиста находился в истребительном батальоне авиационного полка одной из военных частей «с целью зарисовки отдельных награжденных в части командиров»⁸⁶.

Гвардии младший лейтенант танкист Б. Ф. Федоров⁸⁷ «оказался единственным художником, которому удалось запечатлеть эпизоды штурма Берлина в мае 1945 года»⁸⁸. Однако наброски портретов, сделанные в те майские дни, сохранились лишь в фотокопиях; благодаря усилиям сына художника они частично были восстановлены⁸⁹.

Н. Н. Жукова⁹⁰ называли маршалом от искусства. В августе 1941 г. он добился назначения на должность фронтового художника газеты 29-й армии Калининского фронта «На разгром врага». Одновременно работал военным корреспондентом «Правды»⁹¹. Его работы поражали точностью и выразительностью⁹². Н. Н. Жуков писал: «За моей спиной – четыре года войны, которую я прошел как солдат и военный корреспондент. Я обязан был зафиксировать все точно и достоверно, потому что, пока я рисовал, перед моими глазами прошли все ужасы той войны»⁹³.

В 1946 г. Н. Н. Жуков был делегирован на Нюрнбергский процесс. За 40 дней работы в зале суда он сделал более 400 рисунков, изобразив не только обвиняемых нацистов, но и судей, журналистов, свидетелей⁹⁴.

На Нюрнбергский процесс были командированы и художники-сатирики – Кукрыниксы⁹⁵, Б. Е. Ефимов⁹⁶. Кроме художников, в группу, представлявшую Советский Союз на этом процессе, входили писатели, поэты, журналисты, операторы и др.⁹⁷

Каждое творческое объединение понесло утраты в годы Великой Отечественной войны, только Московский союз худож-

ников потерял 54 человека⁹⁸. Более 80 творцов не пережили блокаду Ленинграда из-за голода, болезней, ранений (И. Я. Билибин, П. Н. Филонов, Н. Э. Радлов, Н. А. Тырса, П. А. Шиллинговский и др.)⁹⁹. Их работы навсегда останутся свидетельствами страшных событий Великой Отечественной войны.

Опыт СВО

Сейчас средства массовой информации не иллюстрируют материалы работами художников, так как цифровые технологии позволяют журналистам делать фотографии и видео с мест событий, что, возможно, менее художественно, но более информативно и оперативно. Исключения составляют работы для выставок. Картины, плакаты, карикатуры, рисунки размещаются в социальных медиа. Популярные *Telegram*-каналы «Машины рисовашки», «Художники Z», «Арт-батальон», «Валерий Букша», «Военный художник» содержат либо авторские ресурсы художников или их объединений, либо представляют собой каналы-агрегаторы художественного контента. Проводятся стационарные и передвижные выставки работ военных художников.

Художники-баталисты, например, авторы Студии военных художников имени М. Б. Грекова, присутствуют на учениях, ездят в командировки в горячие точки. От мастеров, отправляющихся в зону СВО, требуется физическая выносливость. Автор Студии Егор Смирнов считает, что на место сбора материала не стоит брать этюдник, достаточно планшета, бумаги и карандаша¹⁰⁰. Художники делают зарисовки, потом пишут работы в студиях. В госпиталях рисуют портреты раненых военнослужащих. Сергей Берлов, написавший серию портретов раненых бойцов в Военно-морском клиническом госпитале имени Н. И. Пирогова, поделился с журналистом РИА «Новости Крым» своими мыслями: «Поневоле чувствуешь эту боль, пропускаешь через себя. Моей задачей не было напугать зрителя. Мне хотелось передать, что есть другая сторона героики – страдание обычной людской плоти, в которой мы живем. И что эти ребята страдают и за нас тоже»¹⁰¹. На создание этих работ его вдохновила серия госпитальных портретов В. В. Верещагина, написанных в период англо-бурской войны. Берлов отказался писать портреты по фотографиям, так как «это будет неправдиво смотреться потом на холсте, а должно быть реалистично, чтобы зритель понял и почувствовал»¹⁰².

Валерий Букша рисует комиксы и выкладывает их в социальные сети. Серия его работ называется «Красные линии», уже вышло 9 электронных альбомов комиксов. «Там нет выдуманных героев, командиры, разведка, артиллеристы – живые люди. Главный герой – это собирательный образ, но я даже не показываю его в комиксе. Все видно его глазами», – отмечает художник¹⁰³.

Дмитрий Альшаев сюжеты для своих рисунков находит в *Telegram*-каналах: «В них встречаются гораздо более подробные, живые кадры, чем те, которые показывают в ТВ-новостях»¹⁰⁴. Работы Альшаева выкладываются в авторских группах в социальных сетях и распространяются как самостоятельный контент, часто без подписи. Оригинальные работы художника постоянно экспонируются.

В 2022 г. Министерство обороны РФ создало две фронтовые творческие бригады, в которые входят артисты, певцы, художники¹⁰⁵. Звания у всех воинские, должности – согласно профилю деятельности. Изобразительное искусство по-прежнему выступает одним из инструментов информационной пропаганды.

Выводы

Изобразительное искусство издавна было источником информации, средством агитации и пропаганды. Художники, свидетели и участники военных событий, увиденное и пережитое воплощали в своих работах. В различных жанрах они создавали «сообщения», смысл которых был понятен и неграмотной аудитории. «Летучие рисунки», картины, плакаты, листовки, с одной стороны, поднимали боевой дух защитников Отечества, укрепляли их веру в победу, с другой стороны, деморализовали врага. Работа военных художников всегда была опасной, многие из них погибали при выполнении профессионального долга.

Военные художники востребованы и в наши дни. Трансформируется организация их деятельности; изменился их статус: теперь они не военнослужащие, а гражданские лица. Цифровые технологии позволяют быстро распространять авторские работы через цифровые медиа, расширяют возможности взаимодействия авторов с аудиторией и т. д. Работы художников помогают сохранить память о прошлом, становятся документами истории.

Примечания

¹ См.: *Луковская М. А.* Иллюстрированные приложения к петербургским газетам XIX в. // История газетно-журнальной иллюстрации: сб. ст. Ч. 1. СПб.: Свое изд-во, 2016. С. 83.

² *Ефимов Б.* Работа, воспоминания, встречи. М.: Сов. художник, 1963. С. 18.

³ *Кольцова Л.* 1812 год в графике художников – современников военных событий // Искусствознание. 2013. № 1–2. С. 332.

⁴ Там же.

⁵ См.: Там же.

⁶ *Верещагин В. А.* Русская карикатура и Отечественная война. Терещнев, Венецианов, Иванов: в 3 т. СПб.: Сириус, 1912. Т. 2. С. 37.

⁷ См.: Там же. С. 45.

⁸ См.: *Щербакова А. Э.* Карикатуры антинаполеоновской кампании 1812–1814 гг.: что именно было опубликовано в журнале «Сын Отечества»? // Сфера культуры. 2024. № 2 (16). С. 108–123.

⁹ *Булгаковский Д. Г.* Народные карикатуры-картинки, вышедшие в Отечественную войну. С их общей характеристикой. СПб.: Типо-литография Санкт-Петербургской одиночной тюрьмы, 1912. С. 6.

¹⁰ *Колосовская Т. А.* Историческая память о Кавказской войне XIX века в художественном наследии ее участников // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2012. № 1. С. 73.

¹¹ *Фадеев Р. А.* 60 лет Кавказской войны. М.: Гос. публичная ист. библиотека, 2007. С. 146.

¹² См.: *Иванов Е. П.* Русский народный лубок. М.: Гос. изд-во изобразит. искусств, 1937.

¹³ Е. И. В. Великий Князь Константин Николаевич – В. И. Далю. 13 января 1855 г. // Русская старина. Ежемесячное историческое издание М. И. Семевского. 1889. Т. 62. Кн. 4. С. 38.

¹⁴ См.: *Захарова М. Е.* Лубок как явление российской массовой культуры XIX века // Известия Пензенского гос. пед. ун-та имени В. Г. Белинского. 2012. № 27. С. 635.

¹⁵ *Первых Д. К.* Военный лубок как жанр журналистики // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2020. Т. 6 (72). № 4. С. 101.

¹⁶ Цит. по: *Мосесов А., Грибовская И.* Тяга и ненависть: война глазами Василия Верещагина. Режим доступа: <https://tass.ru/spec/vereshchagin>

¹⁷ См.: *Ким Е. В.* Книжки В. В. Верещагина с автографами автора в собрании Государственного музея-заповедника «Ростовский Кремль» // Книжная культура Ярославского края – 2016: сб. ст. и мат-лов. Ярославль: ВНД, 2016. С. 96.

¹⁸ *Верещагин В. В.* Очерки, наброски, воспоминания. СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1883; *Верещагин В. В., Верещагина Е. К.* Очерки путешествия в Гималаи г-на и г-жи Верещагиных. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1884 и др.

¹⁹ *Ким Е. В.* Верхневолжский регион в биографии и творческом наследии В. В. Верещагина: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04. М., 2014. С. 20.

²⁰ Цит. по: Мосесов А., Грибовская И. Тяга и ненависть: война глазами Василия Верещагина. Режим доступа: <https://tass.ru/spec/vereshchagin>

²¹ Стасов В. В. Василий Васильевич Верещагин. М.: Искусство, 1952. С. 258.

²² См.: Мосесов А., Грибовская И. Указ. соч.

²³ Мануйлов Н. Е. Благородные идеи Хосе Марти и Василия Верещагина актуальны и востребованы в наши дни // Культура мира. 2022. Т. 10. № 29 (4). С. 15.

²⁴ См.: Скворцов А. А. Война в философском мировоззрении В. В. Верещагина // Этическая мысль. 2018. Т. 18. № 2. С. 86–98.

²⁵ См.: Булгаков Ф. И. Василий Васильевич Верещагин и его произведения. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1905.

²⁶ См.: Смирнов А. Г. Отражение имперской политики России XIX века в творчестве В. В. Верещагина // Имперская традиция в российской государственности в Новое и Новейшее время: мат-лы междунар. науч. онлайн-конф. / под ред. С. В. Леонова, Г. В. Талиной. Москва, 20 мая 2022 г. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2023. С. 92–101.

²⁷ Цит. по: Лебедев А. К. В. В. Верещагин. М.; Л.: Искусство, 1939. С. 6–7.

²⁸ Там же. С. 9.

²⁹ См., например: Зеленко-Жданова О. Художник, скиталец, воин. Василий Васильевич Верещагин. 110 лет со дня смерти // Военное обозрение. 2014. Апр., 13. Режим доступа: Художник, скиталец, воин. Василий Васильевич Верещагин. 110 лет со дня смерти (topwar.ru)

³⁰ Соколова М. «Тяжелые кошмары горячки». История шедевров Василия Верещагина // Аргументы и факты Санкт-Петербург. 2016. Окт., 26. Режим доступа: «Тяжелые кошмары горячки». История шедевров Василия Верещагина | АиФ Санкт-Петербург (aif.ru)

³¹ Лебедев А. К., Солодовников А. В. Василий Васильевич Верещагин. Л.: Художник РСФСР, 1987. С. 39.

³² Варшавчик С. Броненосец «Петропавловск» и мина, взорвавшая российскую империю. Режим доступа: Броненосец «Петропавловск» и мина, взорвавшая российскую империю - РИА Новости, 26.05.2021 (ria.ru)

³³ См.: Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н. Археология как искусство: к 150-летию со дня рождения И. А. Владимировой // Проблемы истории, филологии, культуры. 2019. № 3 (65). С. 268.

³⁴ См.: Иванов А. Война потянула художника к боевым линиям наших доблестных войск. Памяти баталиста И. А. Владимировой. Режим доступа: https://ruskline.ru/history/2015/11/23/vojna_potyanula_hudozhnika_k_boevym_liniyam_nashih_doblestnyh_vojsk/

³⁵ См.: Адаменко Д. Пером, кистью и объективом: творчество в дыму сражений. Режим доступа: <https://warspot.ru/13845-perom-kisty-i-ob-ektivom-tvorchestvo-v-dymu-srazheniy>

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Там же.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Маслов В. Мистику в сюрреалистических картинах Пола Нэша раскрывает галерея Тейт. Режим доступа: https://artchive.ru/news/2326~Mistiku_v_sjurrealisticheskikh_kartinakh_Pola_Nesha_raskryvaet_galereja_Tejt

⁴⁰ См.: *Голубинов Я.* Пуалю с карандашами и красками. Режим доступа: <https://warspot.ru/9557-pualyu-s-karandashami-i-kraskami?ysclid=lp2wwjwbwsl198209459>

⁴¹ См.: Там же.

⁴² См.: *Калитина Н. Н.* Скульптуры Осипа Цадкина // Вестн. Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 2: История. 2011. Вып. 3. С. 150.

⁴³ См.: *Терехина В. Н.* Военный лубок Маяковского и Малевича // Политика и поэтика: русская литература в историко-культурном контексте Первой мировой войны: сб. ст. М.: Ин-т мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2014. С. 827–834.

⁴⁴ *Гончарова Н.* Мистические образы войны. 14 литографий. М.: Издание В. Н. Кашина, 1914.

⁴⁵ *Ефимов Б. Е.* 40 лет. Записки художника-сатирика. М.: Сов. художник, 1961. С. 46.

⁴⁶ См.: *Гриднева Н.* Языком плаката // Гудок. 2021. Янв., 28. Режим доступа: Языком плаката | В Санкт-Петербурге открылась выставка, посвященная снятию блокады | Газета Гудок (gudok.ru)

⁴⁷ См.: *Масленников В. А.* Окна ТАСС, 1941–1945. М.: Контакт-культура, 2007.

⁴⁸ *Волкова А., Ретунская Я.* 80 лет «Окнам ТАСС». Кто и как создавал плакаты, которых боялся даже Геббельс. Режим доступа: <https://tass.ru/spec/okna-tass-80?ysclid=luwzttknkv82930430>

⁴⁹ См.: Там же.

⁵⁰ См.: Там же.

⁵¹ См.: Художники блокадного Ленинграда. Режим доступа: Художники блокадного Ленинграда - Virtual Russian Museum (rasmuseumvm.ru)

⁵² См.: *Остроумова-Лебедева А.* Художники осажденного города. Режим доступа: <https://www.culture.ru/materials/253609/khudozhniki-osazhdennogo-goroda>

⁵³ *Остроумова-Лебедева А. П.* Автобиографические записки. М.: Центрполиграф, 2003. С. 299.

⁵⁴ Пахомов Алексей Федорович. Режим доступа: ПАХОМОВ Алексей Федорович - Виртуальный Русский музей (rasmuseumvm.ru)

⁵⁵ *Червонная С. М.* О революции, о войне и мире, о родной земле. М.: Изобразит. искусство, 1985. С. 51.

⁵⁶ См.: Серия плакатов «Боевой карандаш». Режим доступа: Серия плакатов «Боевой карандаш» (gov.spb.ru)

⁵⁷ См.: *Абрамов Е. П., Бахтуридзе З. З., Безугольный А. Ю.* и др. Подвиг народа: вклад народов СССР в Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. СПб.: Аврора, 2015. С. 317.

⁵⁸ См.: *Попов Д.* Минобороны России открыло выставку фронтовых художников на своем сайте // МК.ru. 2015. Апр., 13. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2015/04/13/minoborony-rossii-otkrylo-vystavku-frontovykh-khudozhnikov-na-svoem-sayte.html?ysclid=lv1613q14t557840741>

⁵⁹ Обращение участников IV Пленума ЦК Союза РАБИС к работникам искусств СССР 23 июня 1941 г. // ГАИО. Ф. Р-1084. Оп. 1. Д. 206. Л. 102.

⁶⁰ См.: *Белова З.* Военно-медицинский музей в Петербурге отмечает свою годовщину выставкой «Музейщики на фронте» // Metro Санкт-Петербург. 2020. Ноябрь, 12. Режим доступа: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/>

voenno-medicinskiy-muзей-v-peterburge-otmechaet-svoyu-godovschinu-vystavkoj-muzeyschiki-na-fronte-1728139/?ysclid=lp5t31daz5321317369

⁶¹ См.: *Воробьев П.* Судьба одна на всех: что оставили после себя художники-фронтовики // *Вечерняя Москва*. 2022. Янв., 11. Режим доступа: <https://vm.ru/society/938581-sudba-odna-na-vseh-chto-ostavili-posle-sebya-hudozhniki-frontoviki?ysclid=loon1lg2lg458903077>

⁶² Памятка художнику, командированному Военно-санитарным музеем Красной Армии на фронт // *Архив военно-медицинских документов (филиал ЦАМО РФ)*. Ф. 2. Оп. 69530. Д. 1. Л. 141.

⁶³ *Олейник М. С.* Фронтовые бригады: от передовой к подлинной «художественной документации» // *Идеи и идеалы*. 2018. Т. 2. № 3 (37). С. 116.

⁶⁴ Неменский Борис Михайлович. Режим доступа: *НЕМЕНСКИЙ Борис Михайлович - Виртуальный Русский музей (ruseumvm.ru)*

⁶⁵ *Уваров С.* «Фронтовые художники нужны были тогда, нужны и теперь». Живописец Борис Неменский – о творчестве под обстрелами, проблемах ИЗО в школе и собственном столетии // *Известия*. 2022. Дек., 23. Режим доступа: <https://iz.ru/1444266/sergei-uvarov/frontovye-khudozhniki-nuzhny-byli-togda-nuzhny-i-teper>

⁶⁶ *Вязников А. Г.* Записки военного художника-корреспондента. 1941–1945. М.: Художник РСФСР, 1968. С. 49.

⁶⁷ См.: *Олейник М. С.* Художники на войне: значение фронтовой графики // *Вестн. Санкт-Петербургского гос. ин-та культуры*. 2020. № 2 (43). С. 82.

⁶⁸ См.: Там же. С. 81–82.

⁶⁹ См.: Там же. С. 82.

⁷⁰ См.: *Вязников А. Г.* Указ. соч. С. 19–20.

⁷¹ *Суржик Д. В.* Оружие слова. Советская спецпропаганда в годы Великой Отечественной войны // *Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2010. № 1. С. 56.

⁷² *Бурцев М. И.* Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Воениздат, 1971. С. 23.

⁷³ См.: *Суржик Д. В.* Указ. соч. С. 50.

⁷⁴ *Ефимов Б.* Работа, воспоминания, встречи. М.: Сов. художник, 1963. С. 37.

⁷⁵ *Ментюкова О., Галкина М.* Страницы истории. Художники на войне. Режим доступа: <https://lavrus.tretyakov.ru/publications/hudozhniki-na-voynе/?ysclid=lp3vb9i8wl18495276>

⁷⁶ Родионов Александр Миронович. Режим доступа: *Родионов Александр Миронович - Виртуальный Русский музей (ruseumvm.ru)*

⁷⁷ *Дорфман А.* Зарисовки с поля боя: какой видели войну татарстанские художники-фронтовики // *Аргументы и факты Казань*. 2015. Мар., 31. Режим доступа: <https://kazan.aif.ru/society/persona/1456349?ysclid=loon5pww03248722431>

⁷⁸ См.: Там же.

⁷⁹ См.: Байназар Альменов. Альбом-воспоминание о татарском художнике-графике / сост. *А. Альменова*. Казань: Татар. кн. изд-во, 1988.

⁸⁰ См.: *Дорфман А.* Указ. соч.

⁸¹ См.: Они ушли на рассвете. 33 Армия генерала М. Г. Ефремова в работах художника-баталиста И. В. Царевича. Режим доступа: Они ушли на рассвете. 33-я Армия генерала М.Г. Ефремова в работах художника-баталиста И. В. Царевича (museum-online.moscow)

⁸² См.: Студия военных художников имени М. Б. Грекова. Режим доступа: История Студии | Студия Грекова (grekovstudio.ru)

⁸³ Кривоногов Петр Александрович. Режим доступа: Кривоногов Петр Александрович - Виртуальный Русский музей (ruseumvmvm.ru)

⁸⁴ Воробьев П. Указ. соч.

⁸⁵ Бруни Лев Александрович. Режим доступа: БРУНИ Лев Александрович - Виртуальный Русский музей (ruseumvmvm.ru)

⁸⁶ Ментюкова О., Галкина М. Указ. соч.

⁸⁷ Федоров Борис Федорович. Режим доступа: Федоров Борис Федорович - Виртуальный Русский музей (ruseumvmvm.ru)

⁸⁸ Черкашин Н. Пир победителей // Родина. 2017. № 5. С. 4.

⁸⁹ См.: Там же.

⁹⁰ Жуков Николай Николаевич. Режим доступа: Жуков Николай Николаевич - Виртуальный Русский музей (ruseumvmvm.ru)

⁹¹ См.: Милютинская С. Военный художник Николай Жуков // Военное обозрение. 2015. Ноябрь, 12. Режим доступа: <https://topwar.ru/86012-voennyy-hudozhnik-nikolay-zhukov.html?ysclid=lp5tk1g1id718654205>

⁹² См.: Там же.

⁹³ Жуков П. День в истории. «Маршал от искусства» Николай Жуков // ЁЖ. 2023. Сен., 24. Режим доступа: https://ezhonline.ru/articles/events/den-v-istorii-marshal-ot-iskusstva-nikolay-zhukov_5544.html?ysclid=lp5ua0ons9229771884

⁹⁴ См.: Милютинская С. Указ. соч.

⁹⁵ Сарматов А. Кукрыниксы: мастера плакатно-карикатурной пропаганды // Военное обозрение. 2022. Дек., 27. Режим доступа: Кукрыниксы: мастера плакатно-карикатурной пропаганды (topwar.ru)

⁹⁶ Кантор Ю. Карикатурист Борис Ефимов: «Геринг сидел багровый и возбужденный, а Риббентроп был как мумия» // Известия. 2005. Ноябрь, 22. Режим доступа: Карикатурист Борис Ефимов: «Геринг сидел багровый и возбужденный, а Риббентроп был как мумия» | Новости | Известия (iz.ru)

⁹⁷ См.: Колесникова Л. Е. Кукрыниксы на Нюрнбергском процессе // Военно-исторический журнал. 2016. № 10. Режим доступа: Кукрыниксы на Нюрнбергском процессе - ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ (milportal.ru)

⁹⁸ Вязников А. В. Указ. соч. С. 8.

⁹⁹ См.: Художники блокадного Ленинграда. Режим доступа: Художники блокадного Ленинграда - Virtual Russian Museum (ruseumvmvm.ru)

¹⁰⁰ См.: Подервянская А. «За ошибки можно поплатиться жизнью». О работе военных художников в горячих точках. Режим доступа: <https://tass.ru/vstrane/18786849?ysclid=luvl0vneqo278797737>

¹⁰¹ Петрова А. Помните об этом: художник – о героях СВО, которых рисовал в госпитале ЧФ. Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20231024/pomnite-ob-etom-khudozhnik--o-geroyakh-svo-kotorykh-risoval-v-gospitale-chf-1132269770.html?ysclid=luvm9lfh2838387623>

¹⁰² *Петрова А.* Художник из Севастополя напишет «госпитальные картины» о героях СВО. Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20221205/khudozhnik-iz-sevastopolya-napishet-gospitalnye-kartiny-o-geroyakh-svo-1125655880.html>

¹⁰³ *Мельникова К.* Герои в комиксах и татуировки. Как художники рассказывают о войне. Режим доступа: <https://regnum.ru/article/3866181?ysclid=luv9hmtvx500932563>

¹⁰⁴ *Альшаева И.* Белый Художник рассказал, откуда берет идеи для своих картин на тему СВО. Режим доступа: <https://www.ridus.ru/belyj-hudozhnik-rasskazal-otkuda-beret-idei-dlya-svoih-kartin-na-temu-svo-389076.html>

¹⁰⁵ См.: Минобороны создало творческие бригады для поддержки участников военной операции // Коммерсант. 2022. Дек., 14. Режим доступа: Минобороны создало творческие бригады для поддержки участников военной операции – Коммерсантъ (kommersant.ru)

УДК 94 (470)-070

ББК 63.3 (2) 6

Ч 51

В. С. Чесак, преподаватель кафедры истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: chesakvik@mail.ru

**ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА
И ИЗМЕНЕНИЕ ОБРАЗА ГЕРМАНИИ
В СОВЕТСКОЙ ПЕЧАТИ
(НА ПРИМЕРЕ ГАЗЕТЫ
«КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА»)**

В статье на примере «Комсомольской правды» рассматривается трансформация образа Германии в советской печати после заключения между СССР и Германией пакта Молотова – Риббентропа. Анализ материалов газеты, опубликованных в период с 23 июля по 23 сентября 1939 г., за месяц до подписания договора о ненападении и в течение месяца после, выявил, что подход к формированию образа Германии и освещению советско-германских отношений в советской прессе значительно изменился. Существует большое количество исследований, посвященных оценке пакта Молотова – Риббентропа, однако в данной статье впервые анализируются особенности освещения этого договора в советской печати.

Ключевые слова: СССР, пакт Молотова – Риббентропа, советская печать, образ Германии, Вторая мировая война.

**THE MOLOTOV – RIBBENTROP PACT
AND THE CHANGING IMAGE OF GERMANY
IN THE SOVIET PRESS
(USING THE EXAMPLE
OF THE KOMSOMOLSKAYA PRAVDA NEWSPAPER)**

The article examines the transformation of the image of Germany in the Soviet press after the conclusion of the Molotov–Ribbentrop Pact between the USSR and Germany on the example of the Komsomolskaya Pravda newspaper. An analysis of the newspaper's materials published between July 23 and September 23, 1939, a month before and within a month after

the signing of the Molotov-Ribbentrop Pact, revealed that the approach to shaping the image of Germany and covering Soviet-German relations in the Soviet press had changed significantly. There is a large number of studies devoted to the evaluation of the Molotov-Ribbentrop Pact, however, this article for the first time analyzes the specifics of the coverage of this treaty in the Soviet press.

Key words: *USSR, The Molotov – Ribbentrop Pact, Soviet press, The image of Germany, World War II.*

Между Советским Союзом и Германией 23 августа 1939 г. был заключен договор о ненападении, который в дальнейшем в отечественной историографии получил название пакт Молотова – Риббентропа, а в зарубежной – пакт Сталина – Гитлера. Это международное соглашение было подписано В. М. Молотовым и Иоахимом фон Риббентропом, главами ведомств по иностранным делам СССР и Германии. Договор о ненападении оказал значительное влияние на внешнюю политику государств и международные отношения накануне Второй мировой войны.

Споры ученых и политиков относительно значения договора не утихают до сих пор. Мы не ставим задачу затрагивать вопросы оценки как пакта в целом, так и его дополнительных протоколов. Цель статьи – рассмотреть публикации газеты «Комсомольская правда», посвященные пакту Молотова – Риббентропа. В ходе исследования стало очевидно, что подход газеты к освещению советско-германских отношений и формированию образа Германии значительно изменился после подписания договора.

Выбор «Комсомольской правды» обусловлен спецификой газеты как «органа центрального и московского комитетов ВЛКСМ»¹. Эта газета – не только одно из ведущих советских общесоюзных изданий, но и печатный орган, призванный формировать мировоззрение молодежи, на которую возлагались надежды в будущем противостоянии с империалистами. Характерно, что «Комсомольская правда» была в числе центральных газет, которым в годы Великой Отечественной войны предписывалось иметь в штате военных корреспондентов.

В ходе исследования были проанализированы 230 материалов «Комсомольской правды» – все публикации газеты с 23 июля по 23 сентября 1939 г. (вышедшие за месяц до подписания договора о ненападении и в течение месяца после), в которых прямо или косвенно затрагивалась тема Германии. Например, Германия

упоминалась в качестве актора, либо говорилось о действиях других стран, так или иначе связанных с политикой Германии.

Опубликованные по интересующей нас тематике материалы не отличаются жанровым разнообразием. Большая их часть (226) – это заметки, расширенные заметки, обзоры иностранной прессы (реакции на то или иное событие), официальные заявления, коммюнике, речи политиков. В крайне редких случаях встречается политическое обозрение и интервью (три и один материал соответственно).

Основные источники информации для материалов «Комсомольской правды», посвященных отношениям с Германией, – это иностранная пресса, информационные агентства, а также выступления по радио зарубежных журналистов. Редкие заметки выходили с опорой лишь на сведения ТАСС. Стоит отметить, что подавляющее большинство материалов было опубликовано без указания автора, от лица редакции; исключение – материалы «Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны»², «Германская молодежь против войны»³ и «Мы знаем свою силу»⁴, где автор указан.

Кроме того, отметим, что публикации на международную тематику (194) в основном размещены на последней, четвертой полосе газеты, именно здесь можно встретить заметки и обзоры иностранной прессы. На третьей полосе были размещены 22 материала по интересующей нас тематике, на второй полосе – один материал, на первой – 13 материалов. Объемные статьи, носящие преимущественно пропагандистский характер, публиковались в основном на первой или второй полосах. Материалы о военных конфликтах в разных странах можно найти под рубрикой «За рубежом», однако часто подобные материалы размещались и вне рубрик. В нескольких выпусках газеты рубрика «За рубежом» либо отсутствовала, либо вместо нее появлялись непостоянные рубрики «Международный блокнот», «По страницам зарубежных газет». С 1 сентября рубрика «За рубежом» исчезла вовсе (до конца исследуемого периода такой рубрики в газете мы не нашли), все материалы, связанные с Германией, выходили под рубриками «Военные действия между Германией и Польшей», «Война между Германией и Польшей».

Полный текст договора был опубликован в «Комсомольской правде» под заголовком «Заключение Советско-Германского договора о ненападении» 24 августа 1939 г., на следующий день

после его подписания⁵. Договор состоит из 7 статей, основные положения которых сводятся к тому, что «обе Договаривающиеся Стороны обязуются воздержаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга, как отдельно, так и совместно с другими державами»⁶, стороны обязуются поддерживать дружественные отношения, решать все возникающие споры и конфликты мирным путем.

Образ Германии в советской печати до подписания договора о ненападении

Перед читателями «Комсомольской правды» до подписания договора о ненападении Германия представляла в образе агрессора. Ежедневно газета всячески пыталась раскрыть хищническую сущность внешней политики Германии во взаимоотношениях с другими странами; рассказывала о преступлениях гестапо, осуждая совершаемый террор. Так, в заметке «Напряженное положение в Данциге» от 27 июля сообщается, что «гестапо производит массовые облавы. За последнее время арестовано более 400 человек. Совершаются пытки и убийства. В городе царит террор»⁷. «Кровавые фашистские диктаторы сеют смерть и разрушения, уничтожают свободу и независимость народов в различных концах земного шара», – пишет газета 1 августа⁸.

Интересно, что представители различных структур Германии и их лидеры описываются газетой с помощью сатиры. Например, в заметке «Захватчики чувствуют себя неуверенно» от 11 августа рассказывается о почти анекдотическом случае: чешских школьников гестапо жестоко наказало за смех после просмотра хроники последних событий в кинотеатре⁹.

«Комсомольской правде» важно подчеркнуть несуразность «обычаев», которые национал-социалисты пытаются укоренить и на оккупированных территориях: «Когда германская команда попыталась приветствовать публику по-фашистски, вся публика (на стадионе в Праге. – В. Ч.) начала свистать и выкрикивать анти-германские лозунги»¹⁰. Для коротких заметок, содержащих международную информацию, специально подбираются новости, которые выставляют Германию и ее функционеров в неприглядном свете: «Военный суд Чехии и Моравии присудил одного чеха к пяти месяцам тюрьмы за оскорбление германского патруля. Обвиняемый демонстративно плюнул перед патрулем»¹¹.

В заметке от 29 июля «Ваш организм требует черного хлеба!» редакция «Комсомольской правды» иронизирует по поводу продовольственной политики Германии: «Гитлеровская газета „Ангрифф“ объявила, что теперь декрет о хлебе смягчается, „чтобы пойти навстречу лакомкам“»¹². Теперь снова будет выпекаться белый хлеб, однако газета не рекомендует населению потреблять много белого хлеба, поскольку это «ведет к опасным заболеваниям и с течением времени даже к вырождению. Будьте осторожны и не забывайте, что ваш организм требует черного хлеба!»¹³

В материалах «Комсомольской правды» непосредственно до подписания договора о ненападении подчеркивается, что с политикой Германии не согласны не только зарубежные страны, но и сами немцы: разлад и внутренние брожения существуют и в самой Германии. В расширенной заметке «Германская молодежь против войны»¹⁴ от 20 августа внимание акцентируется на существовании антифашистских организаций внутри страны. На военных заводах антифашисты выдвинули лозунг «Работать медленнее!». А строители западных укреплений «несколько переиначили популярную немецкую песенку „Тихо вперед“ и напевают ее как свой марш:

Реже шагайте,
Меньше шагайте,
Чтоб толстый Геринг не отстал»¹⁵.

В этом же материале приводится пример, подтверждающий внутреннее разложение страны: «<...> в Берлине распущен один из старейших штурмовых отрядов. 30 штурмовиков были арестованы и сосланы в концентрационный лагерь. Поводом к этому послужил „марксистский дух“, обнаруженный в отряде вездесущими агентами гестапо»¹⁶. «Комсомольская правда», говоря о борьбе с фашизмом, делает ставку на немецкую молодежь: «Антифашисты Германии, в первых рядах которых борется молодежь, своей героической, самоотверженной работой сплавляют весь германский народ на борьбу против новой мировой войны, против фашизма»¹⁷. В статье «Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны» от 1 августа газета подчеркивает, насколько сильна пропаганда идей марксизма

в молодежных кругах по сравнению с пропагандой идей национал-социализма: «Фашистская печать вынуждена признать, что венская молодежь „заражена марксизмом“»¹⁸. Здесь же дается оценка работе идеологов национал-социализма с молодежью: «Можно смело сказать, что „энтузиазм“, который фашистским демагогам удалось привить части германской молодежи, все чаще и чаще сменяется безразличием, а иногда и духом возмущения <...> Это свидетельствует о том, насколько непрочно фашистское влияние на германское молодое поколение»¹⁹.

«Комсомольская правда» активно поддерживает все страны и народы, которые оказались под влиянием национал-социалистов. Подчеркивается внутренняя борьба с захватчиками: «подпольные (чешские) радиопередатчики <...> очень энергично разоблачают клеветническую германскую пропаганду»²⁰. Важен несокрушимый дух угнетенных народов: «И что бы ни делали угнетатели, им не убить песню, слов которой они не понимают, а мотив ненавидят. Ведь песню не запрешь в концентрационный лагерь!», «Даже народ и молодежь маленькой Албании, которые семь раз отбрасывали итальянцев к морю и сейчас ведут партизанскую войну в горах, дали резкий ответ „апостолам“, проповедующим, что „рабство лучше смерти“»²¹.

Иногда на страницах «Комсомольской правды» встречаются материалы, в которых сформулирована позиция Советского Союза по отношению к Германии и ее агрессивным действиям. Например, в политическом обозрении «Международный анти-военный день», опубликованном 1 августа на первой полосе, подробно разъясняется позиция и роль советского правительства по отношению к «поджигателям» империалистической войны²². Выступая «<...> против обнаглевшего фашизма, за мир, за социализм, <...> большевики никогда не были пацифистами, никогда не стояли за мир во что бы то ни стало. Они боролись и борются самым решительным образом против несправедливых, захватнических войн, они горячо поддерживали и поддерживают войны справедливые»²³. Газета дает достаточно четкое определение агрессорам в новой империалистической войне: «Фашистские агрессоры – Германия, Италия и Япония – являются зачинщиками, поджигателями новой империалистической бойни»²⁴.

В рамках нашего исследования было любопытно проследить, как менялось отношение к Германии после заключения договора

о ненападении по перифразам, которые использовались в отношении внешней и внутренней политики Германии, различных структур и их лидеров. Вплоть до 22 августа «Комсомольская правда» активно использует следующие перифразы: «гитлеровские агенты»²⁵, «германские фашисты»²⁶, «фашистский борзописец»²⁷, «гитлеровский листок»²⁸, «обнаглевший фашизм»²⁹, «империалисты Германии»³⁰, «социал-шовинисты»³¹, «фашистские агрессоры»³², «зачинщики, поджигатели новой империалистической бойни»³³ (о Германии, Италии и Японии), «германский фашизм»³⁴, «фашистские заправилы»³⁵, «господа империалисты»³⁶, «кровавые фашистские диктаторы»³⁷, «преступная деятельность агентуры фашизма – троцкистских шпионов»³⁸, «фашистские демагоги»³⁹, «фашистские вожаки»⁴⁰, «данцигские фашисты»⁴¹, «фашистский официоз»⁴² (о немецкой газете), «клеветническая германская пропаганда»⁴³, «угнетатели»⁴⁴, «поработители»⁴⁵. Подобные определения встречаются на страницах «Комсомольской правды» постоянно за исследуемый период.

Изменение образа Германии в советской печати после подписания пакта Молотова – Риббентропа

Напрямую фашистами «Комсомольская правда» последний раз называет немцев 21 августа в заметке «Конфискация английских газет в Праге»⁴⁶. 22 августа встречается достаточно ироничная – из-за кавычек – формулировка «„правительство“ „протектората“ Чехия и Моравия»⁴⁷. Но уже после подписания пакта 23 августа на страницах газеты невозможно встретить подобные формулировки. Все экспрессивные выражения заменяются сухими, сугубо формальными (Германия, немцы, официальные названия должностей). Единственное исключение – обзоры иностранной прессы от 29 августа «Отклики английской печати на советско-германский договор о ненападении»⁴⁸ и «Журнал „Нью Стейтмен энд нейшн“ о политике СССР и Англии»⁴⁹, где встречаются такие выражения, как «фашистская агрессия», «фашистское правительство», «фашистская Германия». Однако в данном случае акцент сделан на том, что эти формулировки принадлежат английским журналистам.

Риторика «Комсомольской правды» по отношению к Германии меняется полностью: за несколько дней Германия из «фашистского агрессора» превращается в «друга по несчастью». Как уже говорилось, 24 августа газета публикует полный текст

договора о ненападении, а уже 26 августа – идеологически выверенный анализ договора под заголовком «Советско-германский договор о ненападении»⁵⁰, в котором прямо заявляется, что «вражде между Германией и СССР кладется конец»⁵¹. Далее говорится, что «различие в идеологии и в политической системе не должно и не может служить препятствием для установления добрососедских отношений между обеими странами. Дружба народов СССР и Германии, загнанная в тупик стараниями врагов Германии и СССР, отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета»⁵².

В газете активно публикуются реакции на договор разных стран. Так, реакцию стран «оси» сложно назвать единодушной. Германия, безусловно, поддерживает заключение договора. «Новый договор с Москвой <...> – это принципиальная политика, смысл которой состоит в том, чтобы сохранить хорошие отношения между народами, которые не разделены никакими „противоречиями“». Нигде на пути Германии и СССР нет вражды интересов. Этими причинами и объясняется тот факт, что обе державы в течение столетий жили в мире и поддерживали жизненные связи», – пишет газета 26 августа⁵³. Итальянские газеты вторят немецким, полностью поддерживая все аспекты договора: «Итальянская печать расценивает заключение договора о ненападении между СССР и Германией, как событие огромного значения»⁵⁴; «Газета „Лаворо фашиста“ посвящает большую статью, в которой приветствует сближение „таких великих народов, как германский и русский“»⁵⁵. Китайская печать с воодушевлением восприняла подписание договора. В частности «Газета „Чжуняньжибао“ указывает, что договор о ненападении между Советским Союзом и Германией бьет по Японии, так как „изоляция Японии еще больше усиливается“»⁵⁶. В то же время японские газеты безрадостно восприняли новость о подписании договора, подчеркивая, что «политическая ценность антикоминтерновского пакта сведется к нулю. Сейчас, благодаря наличию этого соглашения, обнаружатся противоречия между Японией, с одной стороны, Германией и Италией – с другой стороны <...> Заключение договора между Германией и СССР вызывает пессимистическое настроение в народе. Многие думают, что это окажет плохое влияние на войну в Китае»⁵⁷.

Судя по представленным в «Комсомольской правде» обзорам иностранной прессы, США и европейские державы практически

единогласно признали, что заключение договора – это провал политики стран Запада, направленной на столкновение Германии и Советского Союза. Американская журналистка Дороти Томпсон отмечает, что «договор о ненападении между СССР и Германией представляет огромную дипломатическую победу Советского Союза»⁵⁸. В то же время французская печать «открыто признается, что основной причиной недовольства советско-германским договором о ненападении является крушение плана столкнуть Германию с СССР»⁵⁹. В данном случае французская печать подтверждает идеи, которые были высказаны в «Комсомольской правде» от 1 августа: «„Демократические“ державы, против которых собственно и направлена война, делают вид, что война их не касается, умывают руки, пьются назад, восхваляют свое миролюбие, ругают фашистских агрессоров и... сдают помаленьку свои позиции агрессорам, уверяя при этом, что они готовятся к отпору»⁶⁰. Английская же печать негодует по поводу проводимой Англией политики, призывая к решительным действиям: «<...> обращение Чемберлена с СССР заслуживает того, чтобы английский народ потребовал от него самого решительного отчета»⁶¹. Английские журналисты открыто признают, что факт заключения договора о ненападении между Советским Союзом и Германией – это подтверждение провала английской политики и деятельности кабинета министров: «Мы посеяли подозрение и сейчас пожинаем его горькие плоды. Было бы глупо недооценивать всю серьезность нынешнего положения»⁶². По мнению английской прессы, «дружественный нейтралитет русских обеспечивает Германии достаточное количество нефти, пшеницы и минералов, необходимых для ведения продолжительной войны»⁶³.

Особняком среди откликов на договор о ненападении стоят отклики молодежи и рабочих Советского Союза, что логично, учитывая специфику газеты. В материале «Мы знаем свою силу» от 3 сентября приводятся беседы агитаторов Московского станкостроительного ордена Ленина завода «Красный пролетарий». Рабочие горячо приветствуют факт подписания пакта между Советским Союзом и Германией: «Хотели было английские и французские политики втравить нас в войну с Германией. Нашими руками пытались они жар загребать! Не вышло! Мы же силу свою знаем, страну родную еще больше укреплять будем, чтобы никому не повадно было зариться на советские богатства»⁶⁴. Товарищ Израилевич вторит рабочим:

«Советское правительство перед лицом трудящихся всего мира разоблачило поджигателей новой мировой войны»⁶⁵.

В данном случае мы можем судить о том, как отреагировали советские граждане на резкую смену внешнеполитического курса после подписания договора о ненападении лишь по публикациям «Комсомольской правды». Однако интересные данные приводит С. В. Еремин в статье «Улучшение советско-германских отношений в августе – сентябре 1939 г. в оценке рядовых советских граждан»⁶⁶. Благодаря письмам рядовых читателей газет, которые поступали в редакции, можно понять, что далеко не все граждане были согласны со сменой внешнеполитического курса советской страны. Письма партийных работников, адресованные В. М. Молотову, свидетельствуют, что политика коммунистической партии в отношении Германии и дружественных связей с ней устраивала далеко не всех членов партии. Но наибольший интерес вызывают письма агитаторов, которые поступали в специализированные издания, с подробным описанием проблем, с которыми они сталкивались при работе с населением. Так, например, в редакцию журнала «Спутник агитатора» пришло письмо от агитатора К. А. Гудок-Еремеева (г. Красный Луч Луганской области) с вопросами, которые ему задавали рабочие на собраниях: «Почему и отчего наша печать не ругает фашистов с осени 1939 года?»⁶⁷; «Почему наши газеты теперь не ругают Геббельса, или он стал большевик?»⁶⁸. Подобные вопросы рабочих наглядно демонстрируют все-таки далеко не единодушное, в отличие от утверждения «Комсомольской правды», понимание смысла и сути столь резкой смены оценок внешнеполитического курса рядовыми советскими гражданами.

Стремительная перемена во внешнеполитическом курсе Советского Союза после заключения с Германией договора о ненападении 23 августа 1939 г., несомненно, не могла не вызывать вопросы у аудитории, как и выбранный советскими идеологами вектор отражения советско-германских отношений, определивший содержание СМИ.

Выводы

Анализ материалов «Комсомольской правды» о внешней политике Германии за исследуемый нами период позволил сделать следующие выводы. Резкая смена внешнеполитического

курса СССР отразилась в советской печати буквально в день подписания договора. С 23 августа на страницах «Комсомольской правды» больше не встречаются негативные эпитеты по отношению к Германии; газета больше не употребляет эпитет «фашистский» по отношению к Германии и немцам. После 23 августа встретить слово «фашист» и его «вариации» на страницах «Комсомольской правды» можно лишь в обзорах иностранной прессы, в высказываниях зарубежных журналистов.

«Комсомольская правда» осознавала всю сложность принятия таких внешнеполитических изменений для рядовых советских граждан, именно поэтому после подписания договора о ненападении довольно часто газета публикует различные разборы и объяснения значимости договора. Особое внимание «Комсомольская правда» уделяет обзорам иностранной прессы, реакциям зарубежных стран на подписание пакта. Нельзя сказать, что после начала Второй мировой войны тема пакта Молотова – Риббентропа окончательно ушла со страниц газеты, скорее, все публикации после 1 сентября прямо или косвенно подтверждали значимость заключенного договора между Советским Союзом и Германией. Начавшаяся Вторая мировая война не изменила риторику «Комсомольской правды» по отношению к Германии.

Примечания

¹ Комсомольская правда. 1939. № 167 (4350). Июль, 23. С. 1.

² Гюйо Раймон. Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 2.

³ Милов Н. Германская молодежь против войны // Комсомольская правда. 1939. № 190 (4373). Авг., 20. С. 4.

⁴ Бакишин З. Мы знаем свою силу // Комсомольская правда. 1939. № 202 (4385). Сен., 3. С. 3.

⁵ Заключение Советско-Германского договора о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 194 (4377). Авг., 24. С. 1.

⁶ Там же.

⁷ Напряженное положение в Данциге // Комсомольская правда. 1939. № 170 (4353). Июль, 27. С. 4.

⁸ Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 2.

⁹ См.: Захватчики чувствуют себя неуверенно // Комсомольская правда. 1939. № 183 (4366). Авг., 11. С. 4.

¹⁰ Антигерманское выступление в Словакии // Комсомольская правда. 1939. № 188 (4371). Авг., 17. С. 4.

- ¹¹ Вокруг света // Комсомольская правда. 1939. № 187 (4370). Авг., 16. С. 4.
- ¹² Ваш организм требует черного хлеба! // Комсомольская правда. 1939. № 172 (4355). Июль, 29. С. 4.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Германская молодежь против войны // Комсомольская правда. 1939. № 190 (4373). Авг., 20. С. 4.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 2.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Захватчики чувствуют себя неуверенно // Комсомольская правда. 1939. № 183 (4366). Авг., 11. С. 4.
- ²¹ Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 2.
- ²² См.: Международный антивоенный день // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 1.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Германия добивается займа в Лондоне // Комсомольская правда. 1939. № 169 (4352). Июль, 26. С. 4.
- ²⁶ Напряженное положение в Данциге // Комсомольская правда. 1939. № 170 (4353). Июль, 27. С. 4.
- ²⁷ Ваш организм требует черного хлеба! // Комсомольская правда. 1939. № 172 (4355). Июль, 29. С. 4.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Международный антивоенный день // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 1.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Борьба молодежи капиталистических стран против империалистической войны // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 2.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Напряженное положение в Данциге // Комсомольская правда. 1939. № 177 (4360). Авг., 4. С. 4.
- ⁴² Германские угрозы по адресу Польши // Комсомольская правда. 1939. № 181 (4364). Авг., 9. С. 4.
- ⁴³ Захватчики чувствуют себя неуверенно // Комсомольская правда. 1939. № 183 (4366). Авг., 11. С. 4.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Конфискация английских газет в Праге // Комсомольская правда. 1939. № 191 (4374). Авг., 21. С. 4.

⁴⁷ Введение немецкого языка в Чехии и Моравии // Комсомольская правда. 1939. № 192 (4375). Авг., 22. С. 4.

⁴⁸ Отклики английской печати на советско-германский договор о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 198 (4381). Авг., 29. С. 4.

⁴⁹ Журнал «Нью Стейтмен энд нейшн» о политике СССР и Англии // Комсомольская правда. 1939. № 198 (4381). Авг., 29. С. 4.

⁵⁰ Советско-германский договор о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 195 (4378). Авг., 26. С. 1.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ Иностранная печать о советско-германском договоре о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 195 (4378). Авг., 26. С. 4.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Иностранная печать о советско-германском договоре о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 196 (4379). Авг., 27. С. 4.

⁶⁰ Международный антивоенный день // Комсомольская правда. 1939. № 174 (4357). Авг., 1. С. 1.

⁶¹ Отклики английской печати на советско-германский договор о ненападении // Комсомольская правда. 1939. № 198 (4381). Авг., 29. С. 4.

⁶² Журнал «Нью Стейтмен энд нейшн» о политике СССР и Англии // Комсомольская правда. 1939. № 198 (4381). Авг., 29. С. 4.

⁶³ Статья Брейлсфорда в газете «Рейнольдс ньюс» // Комсомольская правда. 1939. № 198 (4381). Авг., 29. С. 4.

⁶⁴ Мы знаем свою силу // Комсомольская правда. 1939. № 202 (4385). Сен., 3. С. 3.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ *Еремин С. В.* Улучшение советско-германских отношений в августе – сентябре 1939 г. в оценке рядовых советских граждан // Вестн. Нижегородского гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2014. № 2. С. 54–61.

⁶⁷ Там же. С. 58.

⁶⁸ Там же.

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 63.3 (2) 6
С 59

С. Р. Соколов, магистрант факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: srs0901@mail.ru

АНТИФАШИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ» В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу освещения темы фашизма в советском журнале «Крокодил» с момента появления этого общественно-политического движения в Европе в начале XX в. и до победы над одной из его разновидностей – нацизмом в 1945 г. Эта тема занимала особое место в средствах массовой информации в советский период, а приемы изображения общенационального врага, разработанные сотрудниками главного сатирического рупора страны, во многом актуальны и сегодня.

Ключевые слова: фашизм, нацизм, Великая Отечественная война, сатирическая журналистика, журнал «Крокодил».

ANTI-FACIST PROPAGANDA IN KROKODIL MAGAZINE IN THE PRE-WAR YEARS AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

This article is aimed to analyze the approaches of journalists and satirical artists from the Soviet Krokodil magazine to covering the topic of fascism from the very emergence of this socio-political movement in Europe at the beginning of the XX century until the victory over one of its varieties, Nazism, in 1945. The designated topic occupied a special place in the mass media of the Soviet period, and the techniques of depicting the national enemy, developed by the staff of the main satirical publication of the country, are largely relevant today.

Key words: fascism, Nazism, the Great Patriotic War, satirical journalism, Krokodil magazine.

Со времен античности и по сей день наличие чувства юмора свидетельствует о силе народа, его способности переживать тяжелые времена. Смех рассматривается исследователями как способ социального общения людей, как средство социализации¹.

Невозможно говорить о юморе и обойти вниманием сатирическую публицистику, под обличительной силой которой, по меткому выражению профессора Л. Ф. Ершова, «рушились троны, падали монархии»². Именно в сложное время сатирики, эти мастера слова и карандаша, часто объединялись вокруг одного издания, которое и в мирные годы оставалось любимым несколькими поколениями людей источником обличительной сатиры. Таким изданием был «Крокодил» – наиболее известный и значимый советский сатирический журнал.

1 марта 1922 г. в Москве начала выходить ежедневная массовая газета «Рабочий», в будущем – «Рабочая газета». Она являлась органом ЦК ВКП(б) и была ориентирована в первую очередь на рабочих – наиболее важный и надежный, по мнению большевистского правительства, слой населения³. Первым редактором «Рабочего» был Константин Степанович Еремеев, профессиональный революционер, участник штурма Зимнего дворца. Дядя Костя (партийная кличка Еремеева) имел огромный авторитет в партии, был основным редакционным работником «Правды» и «Звезды» – главных изданий того времени⁴. Он придавал большое значение развитию сатиры и занимался выпуском приложений к «Рабочей газете», многие из которых, например «Хочу все знать» и «Мурзилка», стали затем самостоятельными популярными журналами. Среди этих приложений был и «Крокодил».

Занимаясь созданием «Крокодила», К. С. Еремеев, которого сотрудники с любовью называли «крокодильский батяка», учел все факторы развития печати того времени и выбрал наиболее верную стратегию для запуска успешного сатирического издания.

Во-первых, «Крокодил» изначально был нацелен на широкую аудиторию. Несмотря на материально-технические трудности, первые номера издания распространялись среди подписчиков «Рабочей газеты» бесплатно.

Во-вторых, «именно Еремеев привлек внимание крокодилцев к рабочим корреспонденциям, привил чуткое и бережное к ним отношение, и именно в этом заключается один из секретов долговечности журнала, с первых дней своего существования

тесно связанного с жизнью народа»⁵. Максим Горький, беседовавший в 1932 г. с редактором «Крокодила» Михаилом Захаровичем Мануильским, сказал: «Самое лучшее, что есть в журнале, — это фактический материал. Чувствуется, что в редакции любят читательские письма и умеют над ними работать. Это — самый большой комплимент, который можно сделать массовому изданию. Молодцы, прямо говорю — молодцы!»⁶ Того же мнения была и М. И. Ульянова, сестра В. И. Ленина, которая принимала участие в развитии журнала.

Наконец, в-третьих, причина успеха «Крокодила» кроется в том, что К. С. Еремеев привлек к работе в издании наиболее известных и талантливых художников и писателей того времени. Первыми художниками-сатириками, пришедшими в «Крокодил», были Дмитрий Моор, Михаил Черемных и Иван Малютин. И. П. Абрамский, старый сотрудник журнала, об этом писал: «Вместе с Маяковским они принесли в „Крокодил“ боевые традиции „Окон РОСТА“»⁷. Маяковский называл «Окна РОСТА» предками всех советских сатирических журналов, считал «Крокодил» их достойным преемником, поскольку в нем работали те же художники, которые рисовали плакаты.

Тираж «Крокодила» рос стремительно: в 1924 г. он составлял 150 тыс. экземпляров, в 1926 г. — 180 тыс. экземпляров. Если в 1922 г. вышло лишь 28 номеров, то уже в следующем году журнал выходил один раз в неделю (см. табл. 1).

1920-е гг. были отмечены борьбой за власть новых советских лидеров. В то время как ведомственные массовые газеты чутко следили за изменениями положения партийных руководителей в правительстве, сатирические журналы в большинстве случаев старались избегать острых политических тем, занимаясь преимущественно разработкой старого, понятного еще со времен Гражданской войны, материала.

Для «Крокодила» 1920–1930-х гг. характерны образы врагов-буржуев — американо-британских капиталистов и отечественных нэпманов, которые соседствовали с сатирой на религию. Для широких малообразованных слоев населения сознательно выбирались повторяющиеся знакомые, зачастую обобщенные образы. Так, на карикатуре «Близнецы» президент Франции Раймон Пуанкаре сравнивает себя с Наполеоном⁸. Мир в Европе описывался авторами «Крокодила» как ширма, за которой скры-

вались внешние враги. Например, после заявления начальника польского генерального штаба генерала Владислава Сикорского о том, что предложение Советской России о разоружении является угрозой миру, художник Борис Ефимов изобразил польского пана, «прославившегося» во время Советско-польской войны, в образе лицемерного палача: по его приказу Финляндия, Польша, Латвия, Эстония протыкают штыками «мир» – маленького беззащитного ангела (образ, характерный для «Крокодила» тех лет)⁹.

О таком понятии, как «фашизм» русская читательская аудитория была осведомлена плохо. Хотя фашистская партия пришла к власти в Италии в 1922 г., это событие не вызвало значительного интереса у советской сатиры. В 1920-е гг. на страницах журнала «Крокодил» антифашистская пропаганда крайне слаба и чаще всего выступает как своеобразное дополнение к сатире, высмеивающей попытки капиталистов установить мировое господство.

Тем не менее «Крокодил» обращал внимание на все важные события, происходившие в мире. Так, в № 7 за 1922 г. была опубликована карикатура Дмитрия Моора, сопровождавшаяся текстом в виде выписки из газеты «Форвертс» – органа германских меньшевиков: «Стиннес приводит мир в состояние куколки, из которой вылетит бабочка социализма»¹⁰. На рисунке был иронически изображен Гуго Стиннес – немецкий магнат, финансист фрайкоров и Антибольшевистской лиги, в будущем крупный спонсор НСДАП.

Первая карикатура на итальянских фашистов была опубликована в «Крокодиле» тоже в № 7 за 1922 г. Иван Малютин изобразил «итальянских головорезов» с крестами в руках на дороге, ведущей в Рим¹¹. 28 октября 1922 г. Бенито Муссолини предпринял поход на столицу Италии с целью насильственного свержения короля Виктора Эммануила III, что в итоге и произошло. Позже, в № 17 за 1922 г., объектом карикатуры стал Муссолини: его изобразили гипертрофированным человеком, занявшим весь парламент («Парламент – это я»)¹². В номерах «Крокодила» за 1923 г. и в последующие годы Муссолини изображался в том числе в образе барышни из публичного дома, которую окружают заботливые капиталисты. Фашистами названы в журнале и представители Красного Креста, которые, прикрываясь мирными целями, под покровительством капита-

листов убивают, по замыслу Ивана Малютина, невинных людей¹³. В № 28 за 1925 г. свастика была признана символом «всех хулиганов», к которым крокодилыцы относили и белоэмигрантов, и членов Ку-Клукс-Клана¹⁴. Главными же злодеями считались члены французского и английского, реже американского правительств, которые «стремились» нарушить мир в Европе и не чурались использовать для этого фашистов.

В 1930-е гг. в СССР усилилась цензура, больше внимания периодические издания обращали на успехи первых пятилеток¹⁵. Тем не менее поджог Рейхстага, в котором обвинили немецких коммунистов, и приход Гитлера к власти в 1933 г. означали для сатирических журналов «боевую готовность». Еще в 1931 г. на обложке № 5 демонстрировалась «святая» капиталистическая троица, нападавшая на СССР, которая состояла из американского шпиона, Папы Римского и фашиста с гранатой¹⁶. В «Крокодиле» стали появляться призывы к бдительности, повышению готовности к войне. В № 14 за 1931 г. появилась карикатура на финских фашистов: на рисунке К. Ротова «Случай на границе» толпа разбойников со свастикой и флагом «Да здравствует великая Финляндия!» сначала шумно идет к советской границе, но при виде пограничника резко замолкает¹⁷. В том же номере художник П. Белянин изобразил, как из хилого ангела мира в Лиге наций делают вооруженного фашистским оружием бандита.

В 1932 г. в журнале стали появляться карикатуры на Гитлера. Уже во время своего второго появления в № 12 он предстает в виде огромного чудища, прикрывающегося социал-демократами¹⁸. Примечательно, как карикатуристы из «Крокодила» изображали взаимоотношения западных капиталистов с европейскими фашистами. Например, в № 6 за 1938 г. размещены две карикатуры: на одной изображен Муссолини, который сначала просит милостыню (займ) у английского милорда, а затем, получив деньги, наставляет на него пистолеты¹⁹. На другой карикатуре «Маникюр а ля лорд Галифакс» уже Гитлер с хитрой ухмылкой стришет когти английскому льву²⁰.

23 августа 1939 г. между СССР и нацистской Германией был подписан пакт Молотова – Риббентропа. С этого момента вплоть до начала Великой Отечественной войны в «Крокодиле» карикатуры на фашистов не появлялись.

Условия работы и основные темы «Крокодила» в годы Великой Отечественной войны

В 1940 г. количество газет, по сравнению с 1937 г., увеличилось почти на 300 и достигло 8 806²¹. Разовый тираж всей газетной периодики за эти годы вырос с 36,2 до 38,4 млн экземпляров²². В предвоенные годы продолжался процесс дифференциации прессы. Создавались новые центральные отраслевые газеты («Черная металлургия», «Угольная промышленность», «Нефть», «Машиностроение» и др.). В 1937–1940 гг. число журналов возросло лишь на 22 издания и достигло 1 822²³.

«Крокодил» в 1940 г. и начале 1941 г. — крупнейший сатирический журнал. Его тираж достигает 271 тыс. экземпляров, стоимость одного выпуска — 60 коп. (см. табл. 1).

Таблица 1

Количественные характеристики выпусков журнала «Крокодил» за 1922–1945 гг.

Год выпуска	Кол-во вышедших номеров	Тираж	Кол-во страниц в номере	Цена за номер
1922	28	150 000	16	150 руб.
1923	48	150 000	16	15 коп.
1924	30	150 000	16	10 коп.
1925	48	150 000	12	12 коп.
1926	48	175 000	12	15 коп.
1927	48	175 000	12	15 коп.
1928	48	114 000	12	15 коп.
1929	48	114 000	12	15 коп.
1930	36	350 000	12	15 коп.
1931	36	500 000	16	20 коп.
1932	36	500 000	12	25 коп.
1933	36	210 000	12	30 коп.
1934	36	300 000	16	40 коп.
1935	36	350 000	16	40 коп.
1936	36	266 000	16	40 коп.

Окончание таблицы 1

1937	36	275 000	16	60 коп.
1938	36	275 000	16	60 коп.
1939	36	275 000	16	60 коп.
1940	24	271 000	16	60 коп.
1941	29	271 000	8	40 коп.
1942	48	135 000	8	40 коп.
1943	48	100 000	8	40 коп.
1944	48	100 000	8	40 коп.
1945	40	123 000	8	80 коп.

Сравним: номер «Комсомольской правды» в июне 1941 г. стоил 15 копеек, а средняя зарплата рабочего в то время, по свидетельству председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, составляла около 375 рублей²⁴.

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия напала на Советский Союз. В тот же день указом Президиума Верховного Совета СССР в отдельных местностях страны вводилось военное положение, а 24 июня вышло постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР о создании Советского информационного бюро (Совинформбюро), призванного осуществлять информирование общества в военное время. 3 июля 1941 г. по радио выступил И. В. Сталин. Он открыто сказал о больших территориальных потерях СССР и призвал людей готовиться к долгой и тяжелой войне.

Война радикальным образом отразилась на советской журналистике: военная печать увеличивалась за счет сокращения гражданской (из 39 центральных газет осталось лишь 18), закрывались отраслевые, молодежные, фабричные издания, региональная пресса сократилась в два раза, а количество номеров и листов неуклонно уменьшалось²⁵. Если в 1940 г. в СССР выходило 8 806 газет, то в 1942 г. – 4 561 газета; разовый тираж газет уменьшился с 38 млн до 18 млн экземпляров²⁶. Все ресурсы, высвобожденные от сокращения гражданской печати, передавались системе военной печати, которая должна была соответствовать увеличившейся армии. Создавались фронтовые газеты и фронтовые сатирические журналы. Так, с 1941 по 1945 г. Политуправлением Западного фронта выпускался сатирический журнал

«Фронтовой юмор», в 1942 г. выходил журнал «Сквозняк», а сотрудники «Крокодила» Борис Пророков и Леонид Сойфертис, ушедшие добровольцами на фронт, создали, находясь на Малой Земле, новую форму наглядной агитации – боевой рукописный сатирический журнал (к сожалению, вышло всего три его номера). Этот журнал был чуть ли не единственной отдушиной для солдат, по мнению И. П. Абрамского, старого сотрудника редакции, раскрывшего после войны все тонкости работы своих коллег, а также их боевые и трудовые подвиги²⁷. В частности, говоря о Леониде Сойфертисе и его творчестве во время войны, Абрамский упоминал человечность художника как важную составляющую его профессии: «Сравнивая его (Сойфертиса. – С.С.) рисунки предыдущего мирного периода с первыми военными работами, наглядно видишь, как возмужал его штрих. Он стал решительнее, энергичнее, но не огрубел. Он по-прежнему человечен и мягок, и даже необъяснимо лиричен в этом грохоте бомб, непрерывно рождающих людские страдания»²⁸. Так же тепло отзывался Абрамский и о других своих коллегах.

Все силы страны были брошены на борьбу с врагом, и не в последнюю очередь – силы советской сатиры. «Крокодил», будучи в начале войны единственным всесоюзным сатирическим журналом, должен был стать надежным «тылом» как для солдат, так и для людей, отдающих все силы на нужды фронта. Тем не менее уникальное положение «Крокодила» в системе советской печати не гарантировало изданию более «привилегированных» условий выхода в свет, как это было в предвоенные годы.

Результаты количественного анализа, представленного в таблице 1, наглядно показывают зависимость журнала от общей экономической и военной ситуации в стране. Так, в 1941 г. вышло всего 29 номеров, что объясняется начавшимися боями за Москву. Последний за 1941 г. номер журнала вышел в ноябре, после чего редакция «Крокодила», как и редакции многих других советских изданий, переехала в Куйбышев. И хотя уже третий номер за 1942 г. снова вышел в Москве, тираж журнала продолжал падать, количество страниц сократилось с 16 до 8. Официально в 1943 и 1944 гг. выходило по 48 выпусков в год. Однако в действительности большое количество номеров были сдвоенными, но количество страниц не менялось. Так, в 1943 г. на самом деле вышло 36 номеров, в 1944 г. – 32. Подобные случаи

в истории журнала были и в довоенные годы, однако во время войны с Германией они объяснялись преимущественно нехваткой бумаги, а также дефицитом профессиональных журналистских кадров. Стоит при этом отметить, что уже в 1941 г. стоимость одного выпуска журнала снизилась и составляла в последующие три года 40 копеек. В 1945 г. «Крокодил» стал постепенно наращивать свой тираж и увеличивать количество номеров, однако вместе с тиражом повысилась и стоимость.

Основной проблемой журнала «Крокодил» во время Великой Отечественной войны можно назвать уже упомянутый дефицит профессиональных журналистских кадров. Многие сотрудники журнала, включая Леонида Сойфертиса, Бориса Пророкова, Наума Лисогорского, Бориса Лео, покинули Москву — они работали в военных изданиях при штабах армий. В связи с этим, а также из-за резкого сокращения количества страниц в номере, из журнала в первые годы войны были убраны старые «мирные» рубрики, например, «Таланты и поклонники». Их место заняли более актуальные и лаконичные информационные сводки («По следам красноармейской печати»), анекдоты, а также стихотворения и частушки.

В список гражданских СМИ, которым разрешалось посылать военных корреспондентов на фронт, «Крокодил» не входил. Нужно отметить, что лишь три газеты («Правда», «Комсомольская правда» и «Известия»), а также ТАСС, Совинформбюро и Всесоюзный радиокомитет имели военные отделы. Поэтому военкоры гражданской и военной прессы посылали свои репортажи и очерки в те издания, которые военкоров не имели.

К сотрудничеству в «Крокодиле» приглашались знаменитые писатели и поэты: Михаил Зощенко, Александр Твардовский, Сергей Михалков, Агния Барто, Самуил Маршак. Приглашались также солдаты и офицеры, они присылали большое количество рассказов с мест военных действий, позднее — из командировок. Как и до войны, около половины всех материалов номера были изобразительными с преобладанием карикатур. Их создавали именитые художники того времени: Борис Ефимов, Михаил Черемных, Лев Бродаты, Юлий Ганф, Кукрыниксы и др. Постепенно редакция «Крокодила» смогла возродить довоенные рубрики и ввести новые, а также увеличить количество материалов, посвященных жизни внутри страны, в больших городах,

столице. В конце войны журнал во многом вернулся к старой тематике и, помимо внешних врагов, обличал советских бюрократов, взяточников, невоспитанных людей, модниц.

Одним из первых в «Крокодиле» начал разрабатываться образ труженика тыла. После вторжения нацистов на территорию Советского Союза ответом на их действия стала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г., в которой провозглашался лозунг «Всё для фронта, всё для победы!»²⁹. Директивой объявлялась мобилизация всех доступных сил и средств для борьбы с оккупантами. Документ касался в первую очередь жителей прифронтовых зон, однако был расценен как призыв ко всему народу.

В «Крокодиле» на протяжении всей войны фигурировали два образа тыловика: позитивный и негативный. Каждый из них был призван решать определенные пропагандистские задачи: образ колхозников, в особенности простых русских женщин, а также работников всех возрастов, честно трудящихся на предприятиях на благо армии, был призван сплотить население и воодушевить его на трудовые подвиги. Образы сплетника, паникера, тунеядца и, в более поздних выпусках, чиновника-бюрократа были разработаны в сатирических целях для поддержания дисциплины внутри страны. Негативный образ также выполнял дополнительную задачу: он наглядно показывал проблемы, с которыми предстояло бороться даже после окончания войны. В более поздний период войны в «Крокодил» вернулось полноценное общение с читателями. В рубриках «Письма читателей» и «Крокодиловы слезы» печатались жалобы на местных чиновников, а в последующих номерах в рубрике «Крокодил помог» помещались короткие заметки о том, как, например, провинившегося чиновника наказали. Таким образом, у читателя появилась возможность улучшить работу местного предприятия или инфраструктуры.

Еще одним, тематически дополняющим образ советских граждан в тылу, был образ населения захваченных территорий, которое состояло как жителей Германии и марионеточных государств, так и коллаборационистов на оккупированных территориях, добровольно перешедших на службу к врагу. Перед советской пропагандой стояла задача, с одной стороны, показать населению нашей страны, что оно не одиноко в своей

борьбе и что между существующими в оккупированных странах политическими режимами и реальными предпочтениями граждан этих стран нет ничего общего. С другой стороны, в средствах массовой информации СССР наглядно демонстрировались отрицательные стороны коллаборационизма. Так, в «Крокодиле» часто публиковались материалы о том, как советские воины, освобождая захваченные территории, убивают сельских старост, принявших фашистскую власть. Также частыми объектами карикатур, фельетонов и памфлетов были работники профашистских СМИ, которые, как показывала советская пропаганда, занимаются лишь распространением ложных сведений в угоду Берлину. Но особый исследовательский интерес представляют материалы, посвященные жизни гражданского населения, в том числе в немецкой столице. Так, в первых военных выпусках «Крокодила» за 1941 г. утверждалось, что в то время как немецкие военные отбирают еду у своих союзников, немецкое население голодает.

В военные годы тема образа населения захваченных стран занимала в «Крокодиле» важное место: в разное время количество материалов, посвященных этой теме, варьировалось от 50 до 100, что составляло 17–20% всех материалов за год. Основным видом публикации была карикатура.

Воплощением порядочности и мужества выступали на страницах журнала советские воины. Образ советского воина разрабатывался в «Крокодиле» с момента появления журнала. Для СССР демонстрация военной мощи всегда была одной из первоочередных задач. В образе советского воина часто выступали известные личности. Так, в № 4 за 1942 г. была опубликована сказка-фельетон Леонида Ленча «Толстой воюет», в которой писатель, чья усадьба Ясная Поляна была разгромлена нацистами в 1941 г., приходит к генералу Удериану и после неудавшегося расстрела относит автоматы партизанам³⁰. «Учителями» советской армии были названы Александр Суворов, Михаил Кутузов, Александр Невский. В № 34 за 1942 г. был напечатан рассказ Иосифа Киселева «Встреча двух Суворовых»³¹. По сюжету, в лазарет к автоматчику, убившему 22 нацистов, но получившему множество ранений, во сне приходит Суворов и хвалит солдата за службу. Помимо простых солдат, танкистов и летчиков, героями журнала часто были казаки (что связано с ожесточенными боями

на Южном фронте) и партизаны. При этом в качестве последних выступали и старики, берущие в плен немецких полковников, и девушки – в прошлом воспитательницы детского сада.

В гораздо меньшей степени в «Крокодиле» был представлен образ союзников СССР. В первые годы войны публикации на эту тему ограничивались перепечатанными из английских изданий анекдотами. Тема союзников стала освещаться гораздо шире только после открытия второго фронта и высадки союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. Не преуменьшая значения помощи со стороны, советская печать, однако, обличала недостатки американской демократии. Так, частым объектом критики был медиамагнат Уильям Херст, которого авторы «Крокодила» обвиняли во лжи и торговле в стане врага. В «Крокодиле» публиковались материалы о притеснениях чернокожих, о том, что вернувшиеся с войны американские солдаты не могут найти работу, а в № 37 за 1945 г. была опубликована карикатура «Секретное воспитание», на которой американские бизнесмены создают атомную бомбу для развязывания новой войны³².

Главными негативными героями карикатур журнала оставались нацисты. В первых после начала войны выпусках «Крокодила» активно развивалась идея о том, что немецкое население страдает от нацизма в Германии не меньше, чем советское на своей территории. Так, в № 12 был опубликован рисунок А. Радакова «На улицах Берлина». На нем изображены двое прохожих, которые ведут следующий диалог:

– Гитлер обещал провести нас по всему миру...

– Ну что ж! Это обещание он полностью выполнил: германский народ действительно пущен по миру³³.

Однако в связи с грабежами советских людей на оккупированных территориях в «Крокодиле» создавался негативный образ немецкого населения. Наиболее ярко он воплотился в карикатурах на членов семей солдат и офицеров Вермахта и СС, получавших от своих сыновей и мужей посылки с фронта. Особенная неприязнь прививалась к женам нацистов, которые привыкли пользоваться награбленным.

В таблице 2 представлены количественные показатели карикатур на нацистов в выпусках журнала «Крокодил» за 1941–1945 гг.

Таблица 2

**Карикатуры на нацистов в выпусках журнала «Крокодил»
за 1941–1945 гг.**

Год	Гитлер	Геббельс	Геринг	Гиммлер	Офицеры	Солдаты	Всего	%
1941	22	7	—	—	20	32	81	14,1
1942	68	27	2	6	27	68	198	34,4
1943	40	25	9	3	17	44	138	24,0
1944	55	21	10	2	11	14	113	19,7
1945	14	7	6	4	6	8	45	7,8
Всего	199	87	27	15	81	166	575	100

Наиболее популярным героем антифашистских публикаций «Крокодила» в годы войны был Гитлер. На втором месте карикатуры на солдат Вермахта и СС. В разные годы журнал размещал также шаржи на реальных и выдуманных нацистских генералов и чиновников, однако в основном внимание художников сосредоточилось на ближайшем окружении Гитлера – министре пропаганды Геббельсе, рейхсминистре авиации Геринге и рейхсминистре внутренних дел Гиммлере. Со временем у художников «Крокодила» выработался единый стиль изображения каждого из них. Образ всех нацистских лидеров был обозначен в фельетоне Евгения Бермонта «Остров сокровищ»: «Все сподвижники Гитлера в краткий срок стали миллионерами. Эти пираты легко нашли свой „Остров сокровищ“. Вопя о германском народе и о „новом порядке“, они абсолютно по старинке набивали карманы»³⁴.

Авторы журнала предпочитали изображать главу германского государства сумасшедшим политиком, страдающим от мании величия и преследования, как это следовало, например, из фельетона Валентина Катаева «Дурные сны»³⁵. Также фюрера изображали в виде паука, змеи, волка, шакала и даже сатаны, который способен создать лишь жалкое подобие воинов, т. е. немецкую армию. «Крокодил» изображал немецких солдат голодающими, уставшими и пустоголовыми в прямом и переносном смысле. Обер-лейтенанты, полковники и генералы, наоборот, зачастую изображались сытыми и довольными. В качестве одной

из причин такого контраста карикатуристы выдвигали тот факт, что офицеры немецкой армии активно занимались мародерством и присваивали вещи и продукты советских граждан.

Кроме того, «Крокодил» на протяжении войны освещал тему союзников нацистов, подчеркивая, что Гитлер воевал с СССР не в одиночку. В публикациях говорилось как о старых союзниках нацистов, например, об Италии, так и о новых, из недавно покоренных стран, в первую очередь о Венгрии и Румынии. Однако материалов, посвященных этой теме, было немного – от 7% до 12% от общего количества всех опубликованных за год. Около 80% этих материалов составляли карикатуры.

Следующий анализ публикаций «Крокодила» выявил, что наиболее частым объектом карикатур в 1941–1945 гг. был итальянский лидер Бенито Муссолини (39 карикатур) (см. табл. 3).

Таблица 3

**Основные персоналии союзников нацистов
в выпусках журнала «Крокодил» за 1941–1945 гг.**

Год	Муссо- лини	Анто- неску	Маннер- гейм	Хорти	Петен	Лаваль	Франко	Всего	%
1941	3	1	–	–	–	–	–	4	4,4
1942	14	6	3	–	3	3	–	29	31,5
1943	16	9	1	3	4	–	–	33	35,9
1944	6	2	–	–	5	4	4	21	22,8
1945	–	–	–	–	2	3	–	5	5,4
Всего	39	18	4	3	14	10	4	92	100

Такая популярность Муссолини связана с тем, что его образ как главы первого в Европе фашистского государства разрабатывался авторами «Крокодила» с 1922 г. И хотя итальянская армия не вела активных военных действий против СССР, за исключением советско-финского фронта, где были задействованы несколько итальянских дивизий, дуче изображался в «Крокодиле» как один из главных союзников гитлеровской Германии.

Второе место по количеству опубликованных материалов занимал Ион Антонеску, глава Румынии в годы войны, и анализ

публикаций свидетельствует о том, что наибольшее количество карикатур было посвящено именно румынской армии (см. табл. 4).

Таблица 4

**Союзники нацистской Германии
на страницах журнала «Крокодил» за 1941–1945 гг.**

Год	Итальянцы	Румыны	Финны	Венгры	Испанцы	Всего	%
1941	2	15	–	–	–	17	27,0
1942	–	16	2	10	–	28	44,4
1943	–	3	–	4	–	7	11,1
1944	–	–	3	4	–	7	11,1
1945	–	–	–	1	3	4	6,4
Всего	2	34	5	19	3	63	100

Также в журнале активно обсуждались Венгрия, Финляндия, а на последнем этапе войны в «Крокодиле» появилось большое количество публикаций, критикующих нейтральные страны. Журнал доносил до читателей сведения о том, что многие нацисты бегут в Аргентину, где в банках хранятся огромные суммы награбленных денег и функционируют перевезенные немецкие предприятия. Кроме того, журнал писал, что Португалия, Швеция и Швейцария симпатизировали фашистским режимам и укрывали военных и политических преступников. Наиболее часто в этом контексте критиковалась Испания и ее лидер Франциско Франко. Несмотря на нейтралитет страны, художники «Крокодила» изображали Франко в качестве полноценного союзника нацистов, помощью которого последние активно пользовались.

Заключение

Важно отметить, что история и содержание популярного советского журнала «Крокодил» практически не анализировались в научной литературе, в том числе и антифашистская пропаганда в довоенный и военный периоды. Можно выделить лишь труды по истории отечественной журналистики³⁶, которые охватывают общие вопросы развития СМИ в СССР применительно сразу ко многим популярным газетам и журналам. В то же время антифа-

шистская пропаганда в журнале «Крокодил» – тема, охватывающая большое количество социальных, политических и военных аспектов и в СССР, и за его пределами. Тема фашизма во многом определила направление публикаций «Крокодила» еще до того, как сторонники этой идеологии захватили власть в Европе. На протяжении 1920-х, 1930-х и даже 1940-х гг. авторы журнала называли фашизм результатом деятельности капиталистов, стремящихся нарушить мир и навязать войну, равно как и свою волю, всем государствам, включая Советский Союз. Великая Отечественная война стала своеобразным финалом идеологического и военного противостояния Запада с молодой социалистической страной. «Крокодил», являясь главным сатирическим рупором советского государства, был призван вселить в людей веру в скорую победу над врагом. Для этого журналисты создавали разветвленную систему образов, реализуемую с помощью иллюстративных и публицистических материалов, которая в большинстве случаев строилась на контрасте: советский труженик тыла сравнивался с безработным Германии, солдат Красной Армии побеждал голодающих и брошенных своими командирами солдат Вермахта, союзники в лице США и Великобритании противопоставлялись плохо организованным солдатам марионеточных государств. При этом в «Крокодиле» отмечались также и негативные стороны жизни в СССР и странах-союзниках. Нехватка профессиональных журналистских кадров побуждала вводить в журнал больше рубрик, основанных на общении с читателями, а идеологическая война с капитализмом, провозглашенная в советском государстве, способствовала появлению публикаций, в которых, несмотря на военную помощь, союзники критиковались за плохое обращение с собственным населением. «Крокодил» в доступной форме доносил до читателей военные сводки, особенности функционирования германского аппарата власти, мотивы борьбы советского народа, поражение фашизма во всех его проявлениях. При этом в журнале встречалось большое количество разнообразных подходов к изложению информации. Во многом это определялось сформированными еще до войны художественными стилями авторов. Так, для Григория Рыклина, главного редактора «Крокодила» в годы войны, который вел в журнале собственную колонку, характерен более жесткий подход к написанию материалов. В фельетонах

Евгения Бермонта, который часто касался темы жизни внутри страны и в особенности культурного досуга населения, фашизм высмеивался, его роль при этом сводилась к жалкой попытке Гитлера и его союзников доказать свою важность на мировой политической арене. «Крокодил», будучи сатирическим изданием, старался дискредитировать фашизм в большинстве случаев не путем акцентирования внимания на его опасности, а при помощи юмора. Солдатам на фронте, равно как и жителям в тылу, требовалась эмоциональная поддержка, и «Крокодил» вместе с многочисленными листовками и прифронтовыми мелкими газетами и журналами вполне успешно справился с этой ролью, оставив богатое журналистское и культурное наследие.

Примечания

¹ См., например: *Зелезинская Л. А.* Роль юмора в формировании личности // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 226.

² *Ершов Л. Ф.* Советская сатирическая проза. М.: Худ. лит., 1966. С. 4.

³ См.: *Стыкалин С. И., Кременская И. К.* Советская сатирическая печать. 1917–1963. М.: Госполитиздат, 1963. С. 178–180.

⁴ См.: *Абрамский И. П.* Смех сильных. О художниках журнала «Крокодил». М.: Искусство, 1977. С. 6.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 18–19.

⁷ Там же. С. 6.

⁸ См.: *Малютин И. А.* Близнецы // Крокодил. 1922. № 2. С. 13.

⁹ См.: *Ефимов Б. Е.* Миротворец // Крокодил. 1922. № 2. С. 7.

¹⁰ Крокодил. 1922. № 7. С. 8.

¹¹ См.: *Малютин И. А.* Итальянские головорезы // Крокодил. 1922. № 7. С. 9.

¹² См.: *Ефимов Б. Е.* Замусоленный парламент // Крокодил. 1922. № 16. С. 3.

¹³ См.: *Малютин И. А.* На допросе в Швейцарии // Крокодил. 1923. № 30. С. 16.

¹⁴ См.: Крокодил 1925. № 28. С. 2.

¹⁵ См.: *Стыкалин С. И., Кременская И. К.* Указ. соч.

¹⁶ См.: *Ротов К. П.* К XIII годовщине рабоче-крестьянской Красной Армии. Ударная тройка по охране социалистических границ и «святая» капиталистическая троица по нападению на СССР // Крокодил. 1931. № 5. С. 1.

¹⁷ См.: *Ротов К. П.* Случай на границе // Крокодил. 1931. № 14. С. 2.

¹⁸ См.: *Клинч Б. Г.* Гитлер идет к власти // Крокодил. 1932. № 12. С. 6.

¹⁹ См.: *Ефимов Б. Е.* Дипломатический флирт Лондон – Рим, или К вопросу о предполагаемом английском займе Италии // Крокодил. 1938. № 6. С. 7.

²⁰ См.: *Ганф Ю. А.* Маникюр а ля лорд Галифакс // Крокодил. 1938. № 6. С. 11.

²¹ *Овсеян Р. П.* История новейшей отечественной журналистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. С. 89.

²² Там же.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ *Вознесенский Н. А.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 117.

²⁵ См.: *Минаева О. Д.* История отечественной журналистики. 1917–1945. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 211.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: *Абрамский И. П.* Указ. соч. С. 178.

²⁸ Там же.

²⁹ Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. № П509 партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: в 16 т. / сост. *К. У. Черненко, М. С. Смиртюков*. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. С. 38–39.

³⁰ См.: *Ленч Л. С.* Толстой воюет // Крокодил. 1942. № 4. С. 4.

³¹ *Киселев И. М.* Встреча двух Суворовых // Крокодил. 1942. № 34. С. 2.

³² См.: *Кукрыниксы.* Секретное воспитание // Крокодил. 1945. № 37. С. 1.

³³ *Радаков А. А.* На улицах Берлина // Крокодил. 1941. № 12. С. 5.

³⁴ *Бермонт Е. Г.* Остров сокровищ // Крокодил. 1941. № 13. С. 6.

³⁵ *Катаев В. П.* Дурные сны // Крокодил. 1941. № 27. С. 2.

³⁶ См., например: *Стыкалин С. И., Кременская И. К.* Указ. соч.; *Минаева О. Д.* Указ. соч.

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 63.3 (2) 6
Т 46

О. В. Тихонова, кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: tihonovao@list.ru

УДК 070 + 94 (47)
ББК 76.01 + 63.3 (2) 6
Т 46

А. В. Тихонова, магистр факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова
E-mail: alena.tikh.98@yandex.ru

ПРОГРАММА «ОТ ВСЕЙ ДУШИ» КАК ПРООБРАЗ СОВРЕМЕННОГО ТОК-ШОУ

В статье рассматриваются основные особенности подготовки и съемки популярного на советском телевидении цикла художественно-публицистических передач «От всей души». Подчеркивается уникальность исследуемого «поискового» телевизионного проекта, не имевшего в то время аналогов в истории мирового ТВ и ставшего прообразом современного ток-шоу. Дается характеристика образа ведущей В. М. Леонтьевой.

Ключевые слова: советское телевидение, телепрограмма, ведущая, герои, зрители, ток-шоу.

PROGRAM «FROM THE BOTTOM OF MY HEART» AS A PROTOTYPE OF THE MODERN TALK SHOW

This article discusses the main features of the preparation and shooting of the cycle of artistic and journalistic programs popular on Soviet television «From the bottom of my heart». The uniqueness of the researched «search» television project is emphasized, which at that time had no analogues in the history of world TV and became the prototype of the modern talk shows. The characterization of the image of the presenter V. M. Leontyeva.

Key words: Soviet television, TV program, presenter, heroes, audience, talk show.

Программа «От всей души», выходявшая на советские телеэкраны в течение 15 лет (с 1972 по 1984 г.), пользовалась большой популярностью у телезрителей Советского Союза. В данном цикле художественно-публицистических выпусков программы главными героями были обыкновенные люди, а истории из их жизни служили драматургической основой проекта. Вела программу Валентина Михайловна Леонтьева.

Кульминацией передачи был сюрприз, подготовленный творческой редакцией специально для ее героя. Обычно это была встреча с людьми, с которыми он давно не виделся, или известным актером. Подобные встречи находили бурный эмоциональный отклик у телезрителей.

Программу «От всей души» принято считать прообразом такого популярного тележанра, как ток-шоу, главные отличительные особенности которого – присутствие зрителей в телестудии, где проходит съемка, и взаимодействие ведущего со зрителями.

Идея программы и ее герои

Ведущая программы «От всей души» Валентина Леонтьева была кумиром для многих советских телезрителей. Именно на ее имя в редакцию приходило много писем, хотя передача создавалась большим творческим коллективом. Над идеей проекта работали Йозеф Клементиновский, Лариса Муравина, Марианна Краснянская; за сценарий отвечали Аркадий Инин, Кира Прошутинская и др.¹

М. Краснянская в книге «На голубом экране памяти» вспоминает, что идею передачи предложил работавший в то время в Германской Демократической Республике журналист Й. Клементиновский. Ему запомнилась программа немецкого телевидения, смысл которой заключался в подготовленном для ее героя сюрпризе. Й. Клементиновский, М. Краснянская, А. Инин, Л. Муравина в результате совместного обсуждения преобразовали идею следующим образом: «Мы решили: если и устраивать праздник, пусть это будет праздник целого коллектива, вернее, людей одного коллектива, и свидетелями праздника пусть станут не случайные прохожие, как это было у немцев, а товарищи по работе нашего героя. <...> Но главное – сам герой должен быть интересен зрителям необычной судьбой»².

Героев для выпусков передачи редакторы искали среди работников комбинатов, фабрик, заводов и других промышленных предприятий. Съёмки проходили в разных городах и селах Советского Союза. Студией служили местные клубы, дома культуры, концертные залы, где собирались приглашенные зрители.

Главная задача подготовительного этапа телепередачи – в одном трудовом коллективе найти людей с интересными судьбами. Планы съёмочной группы, как правило, были известны только руководителю предприятия. С героями будущей передачи никогда не связывались напрямую, их истории узнавали через коллег по работе и родственников, даже не подозревавших о том, что они разговаривали с сотрудниками программы «От всей души».

После обнаружения интересных событий в жизни героя разрабатывалась драматургическая линия сюжета телевыпуска. В ходе написания сценария выискивалась «отправная точка» – интересный факт в биографии гостя, с которого начиналось повествование.

Так, героиня шестого выпуска программы работница хлопкопрядильной фабрики Матрена Ивановна в годы Великой Отечественной войны обучала прядильному делу двух девочек-сирот. Игрушек у девочек не было, и Матрена Ивановна шила им тряпичные куклы. Ольге, одной из учениц, Матрена Ивановна заменила мать. Когда Ольга выросла и получила квартиру, воспитательница переехала к ней и помогала растить дочь Любу. Около 30 тряпичных кукол увидела съёмочная группа в доме героини, одна такая кукла и стала той самой «отправной точкой» телевыпуска. Во время записи программы В. Леонтьева, рассказывая историю Ольги и ее воспитательницы, предложила одной из зрительниц, Любе (ее помогала воспитывать Матрена Ивановна), подняться на сцену и смастерить куклу.

Программа имела положительный «эффект» и после эфира: Ольге, работавшей в детстве на хлопкопрядильной фабрике, присвоили звание Героя Социалистического Труда.

Во время записи передачи в зале сидели работники одного предприятия. Они, как и будущие герои, оставались в неведении происходящего. Для сослуживцев было неожиданностью услышать истории, рассказанные об их коллегах. Более того,

любой сидевший в зале зритель внезапно мог стать героем передачи.

Кульминацией выпуска был сюрприз, подготовленный сотрудниками программы. Если заветной мечтой героя выпуска программы было увидеть какую-нибудь известную актрису, создатели передачи приглашали звезду на съемки.

Так, героем одной из передач был бывший фронтовик Александр Капаев. В годы Великой Отечественной войны он получил ранение ног, но продолжал работать – стал киномехаником. В зал внесли старую камеру, и ведущая попросила кого-нибудь из зрителей помочь ее включить. На просьбу откликнулся Александр Капаев, включил камеру, и на экране появились кадры из его любимого фильма «Дорогой мой человек» (режиссер И. Хейфиц, 1958 г.). Ведущая спросила Александра, знает ли он актеров, снимавшихся в картине. После утвердительного ответа на экране появилась актриса Инна Макарова. Она обратилась к бывшему фронтовику с просьбой поделиться своей историей, а затем сама вышла на сцену. Герой был удивлен, он был счастлив видеть любимую актрису вживую: он выбежал навстречу Инне Макаровой и обнял ее.

Довольно часто во время сбора информации о герое редакторы обнаруживали, что он давно не виделся с кем-либо из своих родственников, друзей, однополчан, коллег. Тогда редакция принималась за поиск нужного человека, и этот поиск порой был нелегким. Например, одним из героев программы стал бывший узник концентрационного лагеря Бухенвальд Ефим Житный. В плену он подружился с пятнадцатилетним Володей. После освобождения товарищи прошли через советский фильтрационный лагерь, потом их жизненные пути разошлись. Ефим помнил некоторые факты о Володе и его фамилию – Оленик. Однако журналисты долгое время не могли найти Владимира. Только объявление в эфире дало результат – Володя связался с редакцией «От всей души». Оказалось, что он носит фамилию Оленич, а не Оленик.

Встреча давно не видевших друг друга друзей была самым трогательным моментом программы. Радость переполняла и героев программы, и зрителей в зале, и телезрителей. В народе передачу называли «Плачьте с нами». «Нормально, когда человек

плачет от горя, прекрасно, если он плачет от радости», — пишет в своей книге М. Краснянская³.

Однако не всегда съемки программы шли по сценарию. Для того чтобы удивить участников передачи и зрителей, редакция рисковала — оставляла в неведении героев выпуска, в связи с чем возникали проблемы. Например, человек мог проспать или отказаться от съемки. Тогда сотрудникам программы приходилось или самим уговаривать героя, или обращаться за помощью к его друзьям.

За 15 лет существования программы случались и форс-мажорные ситуации. Так, за три недели до съемок в Калининграде ушел из жизни человек, который должен был стать героем очередного выпуска программы. Однако людей, с которыми ему нужно было встретиться, уже нашли, поэтому программу все же записали, но без главного героя.

Программа «От всей души» как прообраз ток-шоу

Создателем телевизионного жанра ток-шоу принято считать американского журналиста Фила Донахью. Однажды в перерыве между съемками он вышел в зал к публике и спросил, о чем ему говорить с гостем студии. Некоторые вопросы, предложенные зрителями, удивили журналиста, поэтому он решил предоставить самим зрителям возможность задавать вопросы во время эфира.

Многие эксперты расходятся во мнении, когда дают определение этому жанру. Слово «ток-шоу» (англ. *talk show*) можно перевести как «разговорное представление» или «разговорное зрелище». Главными признаками жанра ток-шоу исследователи считают «легкость разговора, артистизм ведущего, обязательное присутствие публики»⁴.

Авторы передачи «От всей души», скорее всего, не видели западные ток-шоу. «От всей души» создавалась «по законам телевизионной пропаганды с антуражем советского общественно-политического мероприятия»⁵. Тем не менее мы предприняли попытку определить элементы ток-шоу в передаче «От всей души».

Безусловно, главную роль в ток-шоу играет ведущий, в каждом выпуске он — ключевая фигура, вокруг которой разворачивается действие, это «максимально персонифицированная экранная форма»⁶. «Лицом» программы «От всей души» была народная

артистка СССР В. Леонтьева, но первоначально ведущим должен был стать Й. Клементинковский, который, как говорилось выше, предложил идею передачи. Однако руководству не нравилась его «западная манера общения»⁷, поэтому ведущей утвердили В. Леонтьеву.

Валентина Михайловна обладала поразительной способностью запоминать большие объемы текста, фамилии, даты. Во время записи передачи она не использовала ни «суфлер», ни заготовленный на бумаге текст. В руках у ведущей был только микрофон, и она свободно перемещалась со сцены в зрительный зал и обратно.

Манера Леонтьевой произносить текст была особенной, поэтому аудитория слушала ее с большим интересом. Мимика и движения ведущей были сбалансированными, она говорила выразительно, иногда умеренно жестикулировала. Интересен следующий факт: когда речь шла о ветеранах, Валентина Михайловна устремляла свой взгляд на камеру, и тогда создавалось впечатление, что она обращалась ко всем советским людям, прошедшим Великую Отечественную войну.

Также важным было умение Валентины Михайловны общаться с героем программы: найти к нему подход, правильно задать ему вопрос. Ведущая задавала вопрос так, чтобы герой ответил именно на него и не переходил на другую тему: «Расскажите, как вы начали свою работу?», «Можете ли вы назвать какой-нибудь день, который кажется вам наиболее значительным в вашей жизни председателя колхоза?» Были вопросы, рассчитанные на короткий ответ: «Сколько лет вы проработали киномехаником?», «Вы узнали фильм?», «Кого из артистов вы узнали?» Если гость отвечал слишком долго, то во время небольшой паузы она задавала новый вопрос.

Ведущая гармонично связывала переход от одного героя к другому, следила за тем, чтобы не было долгих пауз. Например, когда встречались два близких человека, не видевших друг друга много лет и возникала пауза, она восклицала: «Вот и встретились два солдата, два друга на нашей передаче!»

Ведущий – «лицо» программы – должен запомниться аудитории внешним обликом. В. М. Леонтьева носила в кадре строгий костюм, часто жакет и юбку; в ее гардеробе были и яркие цвета. Образ ведущей дополняла объемная прическа.

Главный «компонент» любого ток-шоу — это гости, «люди, чем-то прославившиеся или просто интересные своими поступками, мыслями, образом действия»⁸. И редакторы «От всей души» находили таких людей в одном трудовом коллективе. Отметим, что среди приглашенных на съемку программы не было ни одного случайного человека, как это принято на современном телевидении в массовке.

Реакция публики из зала-студии (аплодисменты и смех) создает определенную атмосферу на съемочной площадке, «дает „эмоциональную подсказку“ телезрителям»⁹. Эти функции успешно выполняла аудитория передачи «От всей души». Истории героев, трогательные встречи давно не видевших друг друга людей вызывали слезы у зрителей. Если история была веселой — зрители улыбались. Лица плачущих или смеющихся людей операторы снимали крупным планом. Таким образом, благодаря работе операторов эмоциональный заряд передавался и телезрителям.

Однако герою программы отводилась, скорее, пассивная роль. О его нелегкой судьбе почти всегда рассказывала В. Леонтьева, гость мог лишь дополнить свою историю после вопроса ведущей, например: «Сколько вы надоили молока за годы своей работы?» (вопрос доярке).

Иногда ведущая ни о чем не спрашивала героя программы. Например, на сцену из зрительного зала приглашали героиню, дарили ей цветы, детский хор исполнял для нее песню, а затем она возвращалась на свое место в зале. Таким образом, несмотря на то что люди становились героями программы, их участие было довольно ограниченным: они не выражали своего мнения и лишь отвечали на простые вопросы ведущей. Примерные ответы гостей были известны редакции передачи заранее. Зрители в зале не могли быть вовлечены в действие, если сценаристами это заранее не было прописано. Поэтому никто из публики не задавал вопросов гостям, это делала только ведущая. Сценарий выпуска был строго прописан и все происходившее на сцене жестко ему соответствовало.

Г. В. Кузнецов отмечает, что ток-шоу должно иметь зачин, развитие, кульминацию и развязку¹⁰. Проанализируем один из выпусков программы «От всей души» под названием «Смоленские встречи» (1977 г.)¹¹.

Начинается выпуск с чтения ведущей областной газеты «Рабочий путь». Мы узнаем, что в числе 208 сельских районов страны Починковский район Смоленской области и колхоз «Россия» (трудовой коллектив колхоза сидит в зале) стали победителями Всесоюзного социалистического соревнования за 1976 г. и награждены переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Далее ведущая говорит о выдающемся жителе Смоленской области – писателе Александре Трифоновиче Твардовском. Его стихотворения на протяжении всего выпуска программы читает артист театра имени Е. Б. Вахтангова Александр Галевский. Стихотворения и песни служат своеобразной литературно-художественной «отбивкой» между историями героев. Кульминацией передачи становится встреча прошедших войну героев с фронтовыми друзьями – они не виделись многие годы. В это время звучит стихотворение А. Твардовского «За тысячу верст...».

Интересна также и другая задумка авторов этого выпуска программы. Заставкой «От всей души» служат кадры березовой рощи в Смоленской области, этой же «картинкой» заканчивается выпуск, на ее фоне идут титры. Более того, березы упоминаются и в финальном стихотворении А. Твардовского. Таким образом, программа как будто закольцовывается не только сюжетно, но и визуально.

Жанровая преемственность

Передача «От всей души» запомнилась советскому зрителю встречами давно не видевших друг друга людей. Она стала первой «поисковой» телепрограммой. В 1998 г. идея поиска людей воплотилась в другой передаче – «Жди меня» (с 1998 по 2000 г. – «Ищу тебя»). Люди, потерявшие связь друг с другом при разных обстоятельствах, получали шанс встретиться после обращения в программу. По своей форме «Жди меня» напоминало «телевизионную доску объявлений», а также «розыскное бюро»¹². Чтобы найти человека, нужно было написать письмо или позвонить в редакцию, также можно было прийти к фонтану ГУМа во время эфира передачи: там была установлена передвижная телевизионная станция. Поиски велись и ведутся не только в России, но и других странах.

Программу «От всей души» с программой «Жди меня» объединяет жанр ток-шоу. При этом снимаются выпуски «Жди меня» не в концертном зале, а в специальной студии. У программы есть ведущие (их двое), зрители, а также герои, которым предстоит пережить трогательные моменты встречи с близкими или друзьями после длительной разлуки. Сохраняется и интрига: гости и зрители остаются в неведении относительно происходящего во время эфира.

Заключение

Советское телевидение осталось в памяти миллионов телезрителей и благодаря такой замечательной программе, как «От всей души», ставшей прообразом ток-шоу.

Программа выходила в эфир с 1972 по 1987 г., ее ведущей была Валентина Леонтьева. Зрителями на съемках были работники одного предприятия, среди них сотрудники программы находили людей с порой нелегкими, но интересными судьбами. Истории героев программы никого не оставляли равнодушными.

Редакция стремилась удивлять героев программы: они не знали о том, что будут гостями «От всей души», не догадывались о готовящихся для них сюрпризах. Передача часто исполняла желания героев, например, устраивала неожиданную встречу с давно потерянными друзьями. Встречам людей после долгих лет разлуки телезрители всего Советского Союза радовались сквозь слезы.

Идея поиска людей вдохновила в 1998 г. журналистов Оксану Найчук и Викторину Эль-Муалля на создание другой телепрограммы – «Ищу тебя» (с 2000 г. выходит под названием «Жди меня»), идейно близкой передаче «От всей души».

Примечания

¹ См.: Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 33.

² Краснянская М. На голубом экране памяти. М.: Интерфакс Сервис, 2003. С. 19.

³ Там же. С. 77.

⁴ Кузнецов Г. В. Указ. соч. С. 29.

⁵ Цвик В. Л. Телевизионная журналистика. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. С. 299.

⁶ Телевизионная журналистика / под ред. Г. В. Кузнецова, В. Л. Цвика, А. Я. Юровского. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2005. С. 195.

⁷ Краснянская М. Указ. соч. С. 25.

⁸ Телевизионная журналистика / под ред. Г. В. Кузнецова, В. Л. Цвика, А. Я. Юровского. С. 196.

⁹ Там же.

¹⁰ Кузнецов Г. В. Ток-шоу – неизвестны жанр? // Журналист. 1998. № 11–12. С. 59.

¹¹ От всей души. Смоленские встречи (1977 г.). Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=rfV6wmZOQ-Q>

¹² Побережникова Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 151.

НАШИ АВТОРЫ

АНТРОПОВ Степан Алексеевич – бакалавр факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ВАСИЛЬЕВА Людмила Алексеевна – доктор филологических наук, профессор Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

ГРИВАСТОВА Алла Николаевна – преподаватель кафедры истории и правового регулирования отечественных средств массовой информации факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ГРИНБЕРГ Татьяна Эдуардовна – доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ДЕНИСОВА Ирина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры цифровой журналистики факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ЛЕВАНДОВСКИЙ Андрей Никитич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

МИНАЕВА Ольга Дмитриевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории и правового регулирования отечественных средств массовой информации факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

САМОЙЛЕНКО Петр Юрьевич – кандидат политических наук, доцент Департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

СОКОЛОВ Сергей Романович – магистрант факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ТИХОНОВА Алена Вячеславовна – магистр факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова

ТИХОНОВА Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры телевидения и радиовещания факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

УНДОЗЕРОВА Карина Станиславовна – аспирант кафедры истории и правового регулирования отечественных средств массовой информации факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ЧЕСАК Виктория Станиславовна – преподаватель кафедры истории и правового регулирования отечественных средств массовой информации факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

ЯБЛОНОВСКАЯ Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории и правового регулирования отечественных СМИ факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова представляет вашему вниманию очередной выпуск научного журнала «История отечественных СМИ».

Журнал зарегистрирован в РИНЦ и представляет собой площадку для обмена идеями и методиками исследования истории отечественных СМИ.

Приглашаем специалистов по истории российской журналистики и СМИ присылать статьи и рецензии. Наши рубрики разнообразны, к публикации принимаем статьи на любые темы о российской прессе XVIII–XXI вв.

Статьи принимаются в любое время, планируется 1–2 номера журнала в год. Для аспирантов необходим отзыв научного руководителя.

Наши контакты: *iprosmi@yandex.ru*, *ominaeva@yandex.ru*

Требования к оформлению статьи

В начале статьи необходимо указать:

- ФИО автора (полностью);
- место работы и должность, полное название вуза и кафедры, контактный телефон (для редактора) и электронный адрес (для публикации);
- УДК/ББК либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Заголовок (название статьи) должен быть набран строчными буквами полужирным шрифтом 14 кеглем. Обратите внимание, что в конце заголовка точка не ставится.

Статью необходимо сопроводить аннотацией и ключевыми словами.

В аннотации объемом не более 10 строк должны быть изложены актуальность, цель, материалы и методы, проблематика статьи и основные выводы. Ключевые слова (не более пяти) – набор слов, представляющих основное содержание текста. **Аннотация и ключевые слова прилагаются на русском и английском языках.**

Текст статьи должен быть создан в формате *doc (docx)*, набран шрифтом *Times New Roman* 12 кеглем с полуторным межстрочным интервалом.

Объем статьи – не более 35 тыс. знаков с пробелами.

Если Вы употребляете иностранное название, то при первом упоминании за русской транскрипцией в кавычках укажите в скобках оригинальное наименование, например «Чикаго Трибьюн» (*Chicago Tribune*), а далее используйте только вариант на русском языке.

Особое внимание обратите на сноски – они даются после статьи (концевые), должны быть автоматическими, пронумерованы арабскими цифрами.

Пример оформления сносок

Книга 1–3-х авторов:

Феллер М. Д. Структура произведения. М.: Книга, 1981.
Negroponte N. (1995) *Being Digital*. N. Y.: Alfred A. Knopf.

Книга 4-х и более авторов:

Энциклопедия книжного дела / И. Г. Андреева, Н. М. Белогородская и др. М.: Юристъ, 1998.

Публикации в сборнике:

Эйхенбаум Б. М. Записка об основном тексте «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина // Редактор и книга. М.: Искусство, 1962. С. 87–98.

Albarran A., Moellinger T. (2002) The Top Six Communication Industry Firms: Structure, Performance and Strategy. In: Picard R.G. (ed.) *Media Firms: Structures, Operations, and Performance*. Mahwah, N. J.: Lawrence Erlbaum Associates, pp. 103–122.

Публикации в газете, журнале:

Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // Полис. 1997. № 4. С. 6–32.

Бакишин З. Мы знаем свою силу // Комсомольская правда. 1939. Сен., 3. С. 3.

Auchard E. (2000) AOL, Time Warner to Merge in the Big Deal. *The Moscow Times*. 11 January. P. 15.

Frolova T., Kazhberova V. (2024) Thematic agendas in the Russia mass media of general interest: representation, proportion, and dynamics (2017–2023). *Scientific and Technical Information Processing* 1 (1): 90–99.

Интернет-источники:

Данные Ассоциации коммуникационных агентств России. Режим доступа: <http://www.akarussia.ru/rek12006/>

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СМИ
Научный журнал
2022–2024. № 1 [7]

Редактор
Ю. С. Узунова

Дизайн и компьютерная верстка
Ю. В. Романовой

Формат 60х84/16. Объем 10,5 усл. печ. л.
Отпечатано в типографии факультета журналистики МГУ.
125009, Москва, ул. Моховая, 9.